В. И. Ильин

БУРЖУАЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ: ИСТОКИ И КЛАССОВЫЙ СМЫСЛ

*

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

В. И. Ильин

БУРЖУАЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ: ИСТОКИ И КЛАССОВЫЙ СМЫСЛ

Москва, «Мысль»
1983

ББК 87.3в02
И 46

Редакции
философской литературы

Рецензенты:
д-р филос. наук *Замошкин Ю. А.*
канд. филос. наук *Костин А. И.*

Ильин В. И.

И 46 Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл.— М.: Мысль, 1983.— 199 с.—(Критика буржуазной идеологии и ревизионизма)

1 р. 10 к.

В книге рассматриваются современные концепции буржуазного плюрализма в их экономической, социальной и идейно-политической формах. Анализируются их истоки, классовый смысл, причины возникновения и существования как апологетических теорий, как орудия идеологической борьбы. Отмечается их непоследовательность, противоречивость и научная несостоятельность.

Книга рассчитана на преподавателей общественных наук, аспирантов, студентов. Может быть рекомендована пропагандистам, лекторам, агитаторам.

И $\frac{0302020300\text{-}025}{004(01)\text{-}83}$ 33-83

ББК 87.3в02
1ФБ

Введение

Рост классового самосознания трудящихся, происходящий в условиях усиления нестабильности капиталистической системы, милитаристских устремлений империалистической буржуазии, ее попыток вернуть утраченные позиции, с необходимостью поставил в повестку дня вопрос о демократических преобразованиях. Стремясь замаскировать кризис буржуазной демократии, ослабить притягательную силу социализма, дезориентировать массы, буржуазные идеологи изображают современное капиталистическое общество в качестве эталона свободы и демократии. Социалистическое общество характеризуется ими как антипод этих идеалов, ибо социализм, по их мнению,— это тоталитаризм, «подавление прав и свобод личности» и т. д. Для подобных заключений используются различные методы и приемы. Однако все они в качестве исходных точек отсчета неизменно включают различные определения так называемой «плюралистической демократии»: «надклассовость государства», «плюрализм власти», «свободная игра политических сил» и т. п. «...Именно идея плюрализма во всех ее многообразных проявлениях и аспектах представляет собой ядро, центр притяжения всей современной буржуазной философской и социально-политической мысли» [1]. И это не случайно.

Усиление всевластия монополий в условиях современного капитализма сопровождается множеством явлений, затрудняющих осознание этого процесса. Это повышение экономической роли государства, увеличение мелких акций, разделение функций управления и собственности, обострение межмонополистических противоречий и т. д. Подобные явления используются буржуазией для доказательства «демонополизации» и «демократизации» капи-

---

[1] *Федосеев П. Н.* Философия и мировоззренческие проблемы современной науки.— Вопросы философии, 1978, № 12, с. 39.

тала. Без преувеличения можно сказать, что плюралистические концепции претендуют на роль «философии чистой демократии»[2] и служат обоснованию классовой стратегии буржуазии в современном мире. Все это обусловливает актуальность критики буржуазного плюрализма.

Марксистские исследователи уделяют большое внимание анализу и критике концепций плюрализма. В той или иной степени они рассматриваются в работах В. Е. Гулиева, Г Х. Шахназарова, Е. М. Чехарина, Э. Л. Кузьмина, А. Кожарова, А. А. Мишина и др.[3] Отдельные аспекты проблемы представлены широким спектром разнообразной литературы — экономической, политической, социальной, юридической. Но даже в политической литературе эта тема часто рассматривается как бы «по пути», наряду с другими. Специально ей посвящены многие статьи, реже — главы и почти нет монографий. Что касается социально-экономической литературы, то специфика темы здесь обычно просто растворяется в конкретном материале. Кроме того, некоторые вопросы данной темы исследованы недостаточно, например об источниках плюралистических концепций, проблема «отделения» партии от государства и др.

Усиление классовой поляризации буржуазного общества, происходящее в условиях усложнения его социально-классовой структуры, роста социальной мобильности, находит искаженное отражение в концепциях социальной стратификации, нацеленных на опровержение марксистско-ленинского учения о классах и всемирно-исторической миссии пролетариата. Концентрация политической власти в руках монополий, осуществляемая при одновременном усложнении механизма их политического господства, усилении противоречивости общественно-политической жизни, росте активности массовых организаций трудящихся, служит основой для демагогических рассуждений о «рассеивании» политической власти, до-

---

[2] *Spinner H.* Pluralismus als Erkenntnissmodel. F. a. M., 1974, s. 104.

[3] См. *Гулиев В. Е., Кузьмин Э. Л.* Государство и демократия. Критика антимарксистских теорий. М., 1975; *Кожаров А.* Монизм и плюрализм в идеологии и политике. М., 1976; Критика буржуазных политико-правовых концепций. М., 1977; *Стародубский Б. А.* Буржуазная демократия: миф и действительность. М., 1977; *Шахназаров Г. Х.* О демократическом централизме и политическом плюрализме.— Коммунист, № 10, 1979, и др.

бровольной передаче значительной ее части трудящимся, а в конечном счете ведет к отрицанию социалистической революции.

Расширение социальной базы демократических движений, увеличение разнообразия условий деятельности революционных сил, усиление динамизма и неравномерности революционного процесса буржуазные идеологи стремятся использовать для поощрения всевозможных сепаратистских тенденций, раскола коммунистического рабочего и национально-освободительного движения. Обвиняя демократическое движение в тоталитаризме, апологеты империализма стараются направить антимонополистические настроения масс против единого антиимпериалистического фронта трудящихся.

Плюралистические концепции используются буржуазными идеологами в качестве важнейшего средства в их попытках разложить социализм изнутри. Гипертрофируя существующие различия между классами, различными социальными группами и слоями в социалистических странах, отрицая руководящую роль марксистско-ленинских партий, они стараются всячески поддерживать так называемые «национальные модели» социализма.

В буржуазной литературе есть немало работ, специально посвященных апологии плюрализма. В них буржуазные теоретики пытаются представить его как целостную концепцию. Их аргументы столь часто используются сегодня против марксизма и реального социализма, что вполне заслуживают пристального внимания и анализа.

Традиционно плюрализм в западной литературе ассоциируется с либерализмом. Это обусловлено тем, что именно в буржуазном либерализме он представлен в своей классической форме. В последние годы в ряде капиталистических стран либералы были потеснены консерваторами, и в этом плане актуальность критики плюрализма, казалось бы, уменьшилась. Однако специфика ситуации состоит в том, что основные постулаты плюрализма используются сегодня в той или иной сфере всеми разновидностями буржуазной идеологии [4].

---

[4] Многие авторы отмечают размывание отличий между консерваторами и либералами (см. *Мельвиль А. Ю.* Консерватизм и сдвиги в общественном сознании США.— США: экономика, политика, идеология, 1981, № 10, с. 30, 36). Можно отметить также, что одной

Следует отметить, что в современных условиях лозунги плюрализма используются и некоторыми либерально-демократическими движениями Запада в качестве идейной платформы в борьбе против наиболее реакционных сил государственно-монополистического капитализма. Естественно, что коммунисты поддерживают борьбу против тоталитаристских тенденций, за демократические свободы при капитализме. Однако, учитывая, что сущность этих концепций носит буржуазно-апологетический характер, а также тот факт, что плюрализм используется для разложения социализма изнутри[5], они показывают, что любая разновидность плюрализма в конечном счете враждебна марксизму-ленинизму и реальному социализму.

В данной работе острие критики направлено не против либералов как общественной силы, в определенной мере заинтересованной в расширении рамок буржуазной демократии в капиталистических странах, а против использования концепции плюрализма антикоммунистами в борьбе с реальным социализмом.

В работе предпринята попытка комплексного анализа смыслового инварианта плюрализма в основных его измерениях: экономическом, социальном, политическом и идеологическом. Возможность выделения такого инварианта обусловлена общностью классовых позиций сторонников буржуазного плюрализма, особенно их единодушием в борьбе против социализма. Основные характеристики плюрализма в общем виде можно представить следующим образом:

1. Ограничение (в разных формах) центральной власти (государства) и максимально возможное ее рассредоточение.

2. Приоритет множественности — сфер жизни, интересов, групп давления и т. д.— в качестве исходного бази-

---

из форм активизации консерватизма сегодня является защита его сторонниками классического либерализма, основанного на свободе конкуренции и «минимальном» государстве. Подобная смесь консерватизма с классическим либерализмом получила название «либертаризм» (Ф. Нозак, Дж. Хосперс и др.).

[5] Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, для Запада идеологическая борьба сегодня «не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление».— Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 9.

са для выработки общих ценностей в политической жизни.

3. Приоритет разнообразия — образов жизни, укладов, стилей и т. д. В этом плане плюралистами много говорится о возможности выражения и удовлетворения специфических интересов, индивидуальной неповторимости, самобытности и т. д.

4. Приоритет свободы личности, автономности групп. Этот принцип в концепциях плюралистов раскрывается во множестве таких понятий, как свобода, самоуправление, независимость и др. Децентрализация, множественность, разнообразие, автономность — насколько возможно; централизация, единство, организация — насколько необходимо.

5. Признание конфликтности социальных отношений любого уровня в качестве естественной, необходимой черты коллективной жизни вообще [6]. Эта конфликтность рассматривается ими также как условие социальной свободы и форма поиска равновесия между различными группами.

6. Общие цели, согласие групп, по мнению плюралистов, есть скорее не результат объективно существующей общности интересов людей, а некое состояние равновесия, компромисс, являющийся результатом их взаимного давления. Равновесие предполагает относительно устойчивое соотношение сил в метасистеме, согласие сторон относительно неких общих ценностей и «правил игры», недопустимость острых форм борьбы, угрожающих этой системе [7], и т. д.

Одно из наиболее полных, на наш взгляд, определений плюрализма, данных самими последователями этого идейного течения, сформулировано известным политологом Карлом Левенштейном. По его мнению, плюралистическая демократия состоит в том, что «расчлененные самым различным образом плюралистические группы принимают неограниченное участие в политических процессах. Всем существующим социальным силам обеспечивается возможность свободно рекламировать представляемые ими ценности. Свободное взаимовлияние

[6] Например, Р. Дарендорф утверждает, что «вся социальная жизнь есть конфликт».— *Dahrendorf R.* Konflikt und Freicheit. München, 1972, s. 47.

[7] *Lewenstein K.* Political Power and Governmental Process. L., 1965, p. 346.

плюралистических групп соответствует принципу разделения властей. Политические решения тех, кому принадлежит конституционная власть, возникают как компромиссы представляемых в обществе различных, сталкивающихся друг с другом интересов. С помощью различных методов эти социальные группы доводят свои политические цели до сведения правительства, парламента, избирателей и общественного мнения. Плюралистическая организация общества конституционно гарантируется буржуазным правом свободы ассоциаций; это право ограничивается только интересами общественного порядка и безопасности» [8].

Плюралисты считают, что индивидуалистической природе человека соответствует такое общество, в котором в качестве исходного и преобладающего начала всей общественной жизни признается множество разнообразных частных интересов. Подобное общество характеризуется «свободной игрой» возникающих на основе этих интересов и «уравновешивающих» друг друга сил. При этом плюрализм изображается в качестве необходимого признака и главной гарантии внеклассовой демократии, антипода монополий и тоталитаризма, условия эффективности функционирования системы. Из этого положения делается вывод о том, что укрепление единства рабочего и демократического движения является зародышем тоталитаризма, угрозой свободе и демократии. Ограниченность классового сознания буржуазных теоретиков еще ярче проявляется в том, что они отрицают возможность построения общества на основе органического единства коренных интересов составляющих его членов и групп.

Максимально формализуя общественные отношения в условиях капитализма, плюралисты растворяют их эксплуататорскую сущность во внешне нейтральных и даже нередко привлекательных формах. В результате господство частной собственности предстает в виде важнейшего проявления и условия «свободы личности», реально существующее неравенство маскируется пышно декларируемым формальным равенством, отношения господства и подчинения растворяются в абстракциях типа «равновесие», «контроль» и т. д. Примером могут служить рассуждения западного психолога Б. Скиннера о том, что контроль не является эксплуатацией, так как любой кон-

[8] Там же.

троль обоюден. «В очень реальном смысле... раб контролирует надсмотрщика... гражданин — правительство... наемный работник — предпринимателя... Надсмотрщик над рабами применяет кнут, *чтобы заставить* раба работать, раб не работает, *чтобы побудить* надсмотрщика применить кнут». «Это то, что мы должны просто признать — вы контролируете меня, я контролирую вас... Предприниматели контролируют рабочих, рабочие контролируют предпринимателей»[9].

Вот так, растворив содержание понятия эксплуатации в формально трактуемом понятии контроля, игнорируя тот решающий факт, что содержание и эффективность контроля определяются характером общественных отношений и средствами реализации контроля, Скиннер одним махом покончил с эксплуатацией в буржуазном обществе. Подобным же образом, ссылаясь на тезис «разделения власти», систему «противовесов», многопартийность и т. д., плюралисты пытаются представить современное буржуазное общество в качестве воплощения «чистой демократии». Все это дает основание утверждать, что буржуазный плюрализм — это прежде всего удобная форма апологии современного капитализма и утонченная форма борьбы против реального социализма.

Критика плюралистических концепций ведется в данной работе в органической связи с анализом их экономических, социальных и других источников. Это дает возможность, во-первых, за словами и лозунгами увидеть подлинные интересы сторонников плюрализма; во-вторых, осуществить предметную критику различных направлений плюрализма; в-третьих, раскрыть их классовую ограниченность, показать, что даже тогда, когда они отражают некоторые особенности положения социальных слоев капиталистического общества, то делают это в гипертрофированной форме, искажая наиболее глубокие, жизненные интересы этих слоев, и, наконец, в-четвертых, со всей очевидностью показать, что критерии буржуазной демократии, даже в идеализированной форме, не могут служить точками отсчета для определения демократизма социалистического общества, воплотившего на деле принципы демократии высшего типа.

---

[9] Цит. по: *Рощин С. К.* Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., 1980, с. 163.

Глава I

Экономический плюрализм

1. Миф о «распылении» частной собственности в обществе «равных возможностей»

Обычно в марксистской литературе основное содержание концепций «плюралистического общества» сводится к «политическому плюрализму» и к «плюралистической демократии». Отчасти это объясняется тем, что вопрос о распределении власти является в концепциях плюрализма основным. Однако, во-первых, общественные отношения по поводу власти (в том числе и государственной) реализуются не только в собственно политической сфере; во-вторых, согласно взглядам самих плюралистов, истинно плюралистическим обществом является такое, в котором принципы плюрализма распространены на все стороны общественной жизни — экономику, культуру и т. п. Известно, что характер политической надстройки определяется экономическим базисом общества. Поэтому раскрыть наиболее глубокие истоки, функции, классовый смысл плюрализма можно, только вскрыв его экономические корни.

Современные буржуазные идеологи исключительно большое значение придают тезису о демократизации экономических отношений в условиях современного капитализма. Обычно они усматривают ее в увеличении числа частных собственников (или соучаствующих в собственности), демонополизации экономической власти, «революции управляющих» и участии трудящихся в управлении экономикой.

Спекулируя на усложнении отношений собственности в условиях современного капиталистического производства, буржуазные идеологи усиленно внушают миф о том, что каждый желающий и активный человек в условиях капиталистического общества может стать частным собственником. Аргументами служат ссылки на «мелкий бизнес», участие в капитале, в прибылях, различные «лифты» вертикальной мобильности, фонды социального страхования и т. д. Ощущение причастности к частной

собственности искусственно поддерживается также вследствие намеренного затушевывания грани между частной и личной собственностью, активной гальванизации потребительской психологии. Утверждая, что личная свобода невозможна без частной собственности, буржуазные идеологи затем эксплуатируют этот стереотип, доказывая, что любая возможность повышения социального статуса человека, расширения его личной свободы и инициативы является формой реализации права собственности.

Несмотря на крах доктрины «народного капитализма», на Западе по-прежнему исключительно большое внимание уделяется насаждению стереотипа предпринимательского индивидуализма, который в условиях современного капитализма якобы имеет под собой достаточно солидный фундамент для распространения и хорошие перспективы на будущее. Действительно, предпринимательский индивидуализм является «одним из наиболее стойких стереотипов»[1]. Что касается его фундамента, то тут дело обстоит далеко не так, как это изображает буржуазная пропаганда.

Наиболее массовой формой традиционного частного предпринимательства остается мелкотоварное производство, которое принимает разнообразные формы. Это ремесла, основанные на старых традициях; малые производства с локальным рынком; производства, ориентированные на измельченный и изменчивый спрос, не подвергшиеся еще технической перестройке либо переживающие период экспериментального развития. Сохранению мелкотоварного производства способствует нередко искусственное расширение многообразия продукции, обслуживание спецпотребностей монополий или выполнение невыгодных для них операций, сравнительно небольшой размер торгового капитала в сфере услуг, где создается наибольшее количество мелких предприятий, и т. д. Буржуазному государству и монополиям зачастую выгодно наличие мелкотоварного сектора как источника дешевой и неорганизованной рабочей силы. Поддерживают они его и по политическим мотивам.

Однако стойкость стереотипа предпринимательского индивидуализма, ориентированного на «мелкий и средний бизнес», не говорит об устойчивости как самого мел-

---

[1] Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 1. М., 1975, с. 226.

котоварного производства, так и положения трудящихся в этой сфере. Наоборот, именно неустойчивость — основная черта немонополизированного сектора современного капитализма. Быстрыми темпами разоряется фермерство [2]. В промышленности, торговле, сфере услуг ежегодно возникают и разоряются десятки и сотни тысяч мелких фирм. Например, в США $^1/_4$ магазинов скобяных изделий и аптек, $^1/_3$ обувных магазинов, более $^1/_2$ бакалейных лавок прекращали свое существование в первый год после возникновения [3]. В сфере мелкого бизнеса происходит постоянный обмен личного состава; через него проходят весьма значительные массы людей. Например, в США «за последние полвека по меньшей мере свыше 20 млн. людей, или примерно $^1/_3$ самодеятельного населения США, прошли через водоворот мелкого предпринимательства» [4].

Таким образом, распространенность стереотипа предпринимательского индивидуализма в сознании трудящихся капиталистических стран невозможно объяснить исходя только из численности мелкой буржуазии в каждый данный момент. Здесь необходимо учитывать ряд факторов: во-первых, динамику, темпы разорения мелкой буржуазии. Кроме того, факт разорения мелкотоварного производителя может определенное время не находить адекватного отражения в его сознании. Во-вторых, разорившийся мелкий буржуа далеко не всегда сразу смиряется со своей участью; в подавляющем большинстве случаев он считает свое поражение временным и поэтому не теряет надежды стать «бизнесменом». В-третьих, высокие темпы разорения мелкой буржуазии обусловливают наличие значительного числа лиц наемного труда, недавних выходцев из мелкобуржуазной среды, ориентирующихся на возврат в сферу мелкотоварного производства. В-четвертых, на современном этапе развития капитализма вследствие упорной классовой борьбы размеры личного дохода наиболее квалифицированной части рабочих и служащих достигли того минимального уровня, который позволяет им открывать собственные дела в некоторых сферах производства, прежде всего в сфере

---

[2] См. *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои. М., 1978, с. 154—155.

[3] Городские средние слои современного капиталистического общества. М., 1973, с. 108.

[4] Там же, с. 119.

услуг. И последнее. Предпринимательский индивидуализм питается неустойчивостью положения рабочих: потеряв работу, некоторые из них пытаются внедриться в сферу мелкотоварного производства — открыть небольшую мастерскую по ремонту бытовой техники, парикмахерскую и т. д.; существует довольно тесная связь между уровнем безработицы и числом вновь открываемых мелких предприятий [5].

Весьма важно и то обстоятельство, что если на ранних стадиях развития предпринимательства успех определяли в той или иной степени качества человека, делающего бизнес,— его энергия, мужество, находчивость и т. д., то ныне конкуренция «превратилась в обезличенный процесс, а удача стала в большей степени делом случая. В этих условиях большинство буржуазных обывателей считают, что для успеха дела теперь необходимо только одно качество — твердая решимость игрока... именно поэтому бизнес начинает выглядеть как предельно доступное занятие. Лихорадка бизнеса охватывает всех: каждый пытается испробовать себя в жизненной лотерее» [6].

О том, насколько велик отрыв этих иллюзорных мечтаний от конкретных условий капиталистической действительности, можно судить уже хотя бы по тому, что сегодня подавляющее большинство самодеятельного населения развитых капиталистических стран составляют лица наемного труда. Что касается роста мелкой частной собственности в сфере услуг, то он также имеет свои пределы. Сюда тоже проникает научно-техническая революция, которая обусловливает сокращение числа занятых в этой сфере.

Заинтересованная в сохранении и расширении своей социальной базы, буржуазия стремится закрепить стереотип предпринимательского индивидуализма. Важная роль в этом деле отводится буржуазной и оппортунистической пропаганде. Апологеты капитализма, не жалея сил и средств, рекламируют буржуазное общество как общество «равных возможностей». Подобная характеристика — одна из интерпретаций шаблона «грубого равенства и тонкого неравенства». Стремясь затушевать, сгла-

---

[5] См. Городские средние слои капиталистического общества, с. 114—116. См. также *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества. М., 1979, с. 174.

[6] Современная буржуазная идеология в США. М., 1967, с. 233

дить вопиющие факты социально-экономической поляризации в капиталистическом обществе, они акцентируют внимание на том, что, несмотря на существующее неравенство, все граждане как бы постоянно находятся на общей стартовой линии и, следовательно, имеют «равные возможности», «равные шансы на успех».

Однако спортивная терминология в данном случае весьма неуместна: находиться на одной стартовой линии жизни в буржуазном обществе — это еще далеко не значит иметь равные возможности первым прийти к финишу, ибо различны и длина беговых дорожек, и количество препятствий на них, и, главное, исходные ресурсы. Фактически стартовая линия погони за богатством и властью давно оставлена позади и лидер (финансовая олигархия) безнадежно опередил своих соперников-сограждан. Именно поэтому буржуазные идеологи все чаще прибегают к таким способам «выравнивания возможностей», как внушение утопических идей о возможности «деконцентрации производства». «Речь идет не о том, чтобы ликвидировать частную собственность, а о том, чтобы начать процесс, который на протяжении многих поколений приведет к существенному росту числа мелких собственников за счет крупных» [7]. При этом предполагается, что подобные преобразования будут основываться на «демократической и народной технологии», к которой каждый человек может получить доступ в форме частной собственности на средства производства [8]. Таким образом, можно будет сразу решить множество проблем, ибо «в небольшом предприятии частная собственность является естественной, полезной и справедливой» [9]. Естественность и справедливость мелкой частной собственности доказываются сегодня ее сторонниками также ссылками на необходимость защиты природной среды (рассредоточение производства в пространстве, гуманизация сферы производства) [10] и т. д.

Однако подобные проекты сегодня настолько утопичны, что большинство буржуазных идеологов предпочитают другие варианты распыления собственности, не свя·

---

[7] *Flach K. H.* Noch eine chance für die Liberalen. F. a. M., 1971, s. 17.

[8] *Schumacher E. F.* Small is beatiful. L., 1975, p. 14, 31—32.

[9] Там же, с. 248.

[10] Там же, с. 148, 60, 31—32.

занные с распылением средств производства. Например, А. Линдбек, известный шведский экономист, в статье «Может ли выжить плюрализм?» пишет о том, что важнейшим условием сохранения плюралистического общества является широкое участие рабочих и служащих во владении и распоряжении капиталом [11] (наряду с более равномерным распределением капитала между хозяйственными агентами и т. д.).

Во многих капиталистических странах ныне применяются различные «модели участия» рабочих в управлении производством и в прибылях. Все чаще эта политика проводится даже на государственном уровне. Нередко буржуазные идеологи стремятся представить в виде капитала даже зарплату, например в системе «начисления дивидендов на зарплату», в системе «инвестиционной зарплаты» [12] и т. д. Однако сколь весомо это участие? Если обратиться к фактам, то станет очевидно, что практикуемое ныне буржуазией «участие» рабочих в капитале, прибылях и т. п.— это лишь один из методов социального маневрирования, «особый способ надувать рабочих» [13]. В тех случаях, где практикуется «участие» рабочих в прибылях, их основная зарплата оказывается меньше средней зарплаты по данной отрасли: буржуазия под видом прибыли по существу выплачивает часть их заработка.

К числу новейших способов превращения наемных работников в «капиталистов» относится «социализация посредством пенсионных фондов». П. Друкер в книге «Социализм посредством пенсионных фондов» утверждает, что США — самая социалистическая страна в мире [14]. Ее экономика стала вариантом «децентрализованного рыночного социализма» [15]. По его мнению, все дело в том, что в США трудящиеся через пенсионные фонды владеют значительным процентом акционерного капитала, а к 1985 г., согласно его предположению, они завладеют даже более чем 50% этого капитала.

---

[11] *Lindbeck A.* Kan pluralismen överleva? — Econ. Debats. Stocholm, 1976, N 7, s. 307—311.

[12] См. *Косенко О. И.* Производственная демократия: факты и вымыслы. М., 1981, с. 29—38.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 241 (примеч.).

[14] *Drucker P. F.* Pension-fund socialism — Public interest. N. Y. 1976, N 42, p. 3.

[15] Там же, с. 4.

По существу это один из вариантов «народного капитализма», хотя П. Друкер открещивается от этой концепции. Однако отличие его позиции от модели «народного капитализма» лишь в том, что если авторы этой модели абсолютизировали значение распространения мелких акций среди трудящихся, то сторонники «пенсионно-фондового социализма» представляют в извращенном виде социально-экономическое значение и функции пенсионных фондов. Известно, что в большинстве случаев пенсионные фонды управляются либо менеджерами, либо трастовыми отделами банков; они имеют статус независимых экономических единиц, и, следовательно, рабочие предприятий, создавших фонды, не оказывают на них реального влияния. Согласно официальной доктрине, пенсионные фонды, располагая финансовыми средствами, могут быть лишь инвесторами, они не должны стремиться к контролю над другими предприятиями, более того, закон запрещает им осуществлять такой контроль. Поэтому в действительности никакой «пенсионно-фондовой революции» в США не произошло. Тот же П. Друкер вынужден констатировать, что в «психологическом и политическом отношении эта «революция» не имеет даже маржинального значения» [16].

Несмотря на очевидную несостоятельность, подобные проекты по-прежнему усиленно разрабатываются буржуазными и оппортунистическими идеологами. В 1976 г. центральное объединение профсоюзов Швеции приняло предложение Р. Мейденера, бывшего руководителя исследовательского института этого профсоюзного объединения, о создании государственного фонда образования капитала у трудящихся, который должен формироваться за счет ежегодных отчислений от общих прибылей предприятий. По этому плану через 25 лет в собственность фонда, управляемого профсоюзом, должна перейти бóльшая часть капитала шведских предприятий и, следовательно, будет покончено с господством капитала и тоталитаристскими претензиями государства [17].

Еще одним вариантом «демократизации» частной собственности является весьма распространенная концепция «человеческого капитала» (М. Боумен, Р. Гордон,

---

[16] Там же, с. 43.

[17] *Roberts B.* Ziele der Gewerkschaften in Westeuropa.— Europa — Archiv (Bonn), 1977, jg, 22, N 15, s. 499—506.

Ф. Браун, Дж. Робинсон) [18]. Ее авторы весьма оригинально истолковывают роль человеческих ресурсов в условиях современного капитализма. Различные свойства человека объявляются капиталом на том основании, что их применение служит человеку источником доходов. В результате способность к труду предстает в виде «человеческой разновидности капитала».

Попытки поставить на одну доску капитал и рабочую силу не новы. Им родственны теории, согласно которым труд является лишь одним из источников стоимости. Например, физиократы считали, что стоимость вырастает из земли; меркантилисты ее источником считали торговлю; А. Смит говорил, что стоимость имеет три источника — труд, капитал и земельную ренту и т. д. Концепция «человеческого капитала» отличается тем, что здесь не вещественным факторам приписываются свойства рабочей силы, а, наоборот, рабочей силе приписываются свойства капитала.

Спекулируя на индивидуализме, буржуазия постоянно стремится убедить простых людей в том, что каждый из них «делает свой бизнес». Капиталом объявляются различные человеческие способности, знания, квалификация и т. п. В этом случае вся проблема сводится лишь к умению человека использовать этот «капитал». Буржуазные идеологи стремятся любую индивидуальную активность, особенно прямо или косвенно направленную на получение личной «выгоды», изобразить в качестве частного бизнеса и таким легким способом «обогатить» даже тех, кто живет в нищете.

В стремлении «демократизировать» капитал буржуазные идеологи доходят до того, что даже многие атрибутные характеристики сознания человека объявляют «элементами буржуазного сознания». Так, западногерманский социолог Е. Ноелле-Нойманн к числу подобных элементов относит «индивидуалистическую» (?) установку на добродетельный и упорный труд, веру в возможность индивидуального продвижения, склонность к бережливости и экономии, способность ограничить свои сиюминутные запросы ради удовлетворения долгосрочных потребностей, стремление к общественному призна-

---

[18] *Beckeer C. S.* Human capital: a theoretical and empirical analisis. N. Y. 1964, XVI; *Bowles S., Gintis H.* The Problem with Human Capital Theory A Marxian Critique.— The American Economic Review, May 1975.

нию, к образованию и т. д.[19] Подобные концепции явно антинаучны и служат буржуазно-апологетическим целям, стремлению доказать, что «фермеры, мастера, простые рабочие — это тоже капиталисты»[20] и что даже просто «человеческая субстанция — тоже капитал»[21].

Приведенными примерами не исчерпываются все источники и катализаторы индивидуальной конкуренции в сфере экономики. Постоянная конкуренция между рабочими (на рынке труда), являющаяся важнейшим условием капиталистического производства, также гальванизирует мелкобуржуазную идеологию. Еще классики марксизма, обращая внимание на неизбежность всеобщей конкуренции при капитализме, писали: «Отдельный капиталист ведет борьбу со всеми остальными капиталистами, отдельный рабочий — со всеми остальными рабочими; все капиталисты ведут борьбу против всех рабочих, а масса рабочих опять-таки неизбежно должна бороться против массы капиталистов. В этой войне всех против всех, в этом всеобщем беспорядке и всеобщей эксплуатации и заключается сущность современного буржуазного общества»[22].

Научно-техническая революция обусловливает резкое ускорение развития производительных сил. Быстро обновляется технология, отмирают одни профессии и появляются другие. Возникает потребность в повышении общеобразовательного и профессионального уровня занятых в производстве людей. Эта объективная тенденция в условиях капитализма порождает у определенной части трудящихся иллюзорные установки на быстрый рост социального статуса каждого человека.

Возможности формирования подобной установки увеличиваются благодаря таким важным обстоятельствам, как объективное увеличение количества степеней совершенства рабочей силы, значительное расширение возможностей горизонтальной социальной мобильности (профессиональной, географической и др.), появление некоторых новых форм вертикальной мобильности (в частно-

---

[19] *Noelle-Neumann E.* Werden wir alle Proletariers? Ungewöhnliche Wanlunden im Bewustsein der Bevolkerung.— Zeit. Hamburg, 1975, 13 Juni.

[20] Мировая экономика и международные отношения, 1967, № 11, с. 96.

[21] *Schumacher E. F.* Small is beatiful, p. 16—17

[22] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2, с. 532.

сти, в форме демократизации сферы высшего образования).

В то же время неустойчивость положения трудящихся, особенно малоквалифицированного труда, также подстегивает их стремление к продвижению по социальной лестнице. Это стремление чаще всего удовлетворяется благодаря коллективным усилиям, например когда профсоюз добивается создания на заводе курсов по повышению квалификации, права на участие в управлении, повышения зарплаты, демократизации системы образования и т. п. Ясно, что в результате подобных мер реализуются далеко не все возможности социального продвижения. Они по существу не затрагивают основ капитализма, а лишь обновляют фасад его здания. Вследствие этого продолжает развиваться индивидуальная конкуренция, ибо эти меры не затрагивают порождающие ее материальные основы.

Господствующие классы стремятся насадить индивидуализм не только в сфере материального производства, в политике, но и в других сферах[23]. Некоторое улучшение материального положения трудящихся, которого они добивались в результате прежде всего упорной классовой борьбы, увеличение разнообразия видов их деятельности в свободное время буржуазия пытается обыграть в свою пользу, насаждая потребительскую психологию, которая, по ее замыслам, должна снимать социальное напряжение, вызываемое эксплуатацией на производстве, быть условием повышения интенсификации труда и т. д. Ставка делается прежде всего на молодежь, на то, что она формируется вначале преимущественно как потребитель материальных и духовных благ, а потом уже как их производитель. В значительной мере усилению конкуренции в сфере потребления способствует культивирование искусственных, а в некоторых случаях завышенных потребностей. Под давлением буржуазной рекламы обыватель склонен оценивать возникающие надежды как вполне реальные. Увидев, например, новый товар по телевидению, он нередко автоматически воспламеняется сильным желанием обладать им. Реклама, искусственно взвинчивая уровень потребностей, разжигает потребительские на-

[23] См. *Васильчук Ю. А.* Основные закономерности социально-экономического развития рабочего класса при капитализме и их анализ в трудах В. И. Ленина.— Борьба классов и современный мир. М., 1970, с. 21.

строения. Этому же служит и чрезмерное разнообразие товаров, которое является обратной стороной диверсификации производства как одной из современных основ монополизации. Спекулируя на потребительской психологии, с помощью рекламы буржуазия стремится убедить каждого человека в том, что любая его покупка — победа в потребительской гонке, что он приобретает не просто вещь, а нечто превосходящее то, что покупают другие люди: дороже, удобнее, красивее, мощнее и т. п.

Насколько искусственной является подобная диверсификация, насаждающая ложнопрестижные взгляды, говорят многочисленные эксперименты, показавшие, что товары, воспринимаемые под влиянием рекламы как существенно различающиеся, были либо совершенно идентичными по качеству, либо не различались покупателями после того, как лишались рекламной марки [24].

Потребительская психология является важным звеном в механизме поддержания монопольно-высоких цен и конкурентоспособности товаров. Например, представители средних и высших слоев нередко не хотят покупать дешевые товары и тем самым отождествлять себя с низшими слоями. Поддержанию высоких цен служит и искусственное завышение спроса при ограничении предложения.

Потребительская конкуренция обусловлена не только соответствующим интересом буржуазии. Нельзя забывать, что уровень потребления в решающей мере определяет возможности совершенствования рабочей силы. В условиях капитализма каждый рабочий выступает как частный владелец своего товара — рабочей силы и заинтересован в его конкурентоспособности на рынке труда. Это было свойственно капитализму всегда, но сегодня подобная конкуренция получает дополнительные возможности. Низкий уровень производства не требовал высокой профессиональной подготовленности кадров. В этих условиях решающее значение имели эмпирические знания, трудовые навыки, приобретаемые опытным путем в процессе производства.

В настоящее время количество ступенек образовательной и квалификационной лестницы сильно возросло. Подготовка квалифицированного рабочего стала более продолжительной и в значительной степени осуществляется

---

[24] См. *Феофанов О.* США: реклама и общество. М., 1974, с. 143.

в форме приобретения теоретических знаний и, следовательно, вне сферы материального производства. Вместе с тем капитализм вынужден, с одной стороны, идти на дополнительные материальные затраты с целью обеспечения соответствующего уровня общеобразовательной и профессиональной подготовленности рабочей силы, с другой — всячески препятствует этому или старается переложить издержки на плечи самих трудящихся. В сфере образования такая тенденция проявляется достаточно наглядно: высокая плата за образование преграждает путь в вуз для многих выходцев из пролетарских слоев; обнаружена статистическая закономерность повышения уровня успеваемости школьников и студентов в зависимости от уровня доходов семьи и т. п. Другими словами, конкуренция в сфере потребления становится дополнением конкуренции на рынке труда.

Насаждая миф о «потребительском обществе» [25], буржуазия внушает обывателю, что сегодня эпицентр интересов, активности и даже смысл жизни личности перемещаются в сферу потребления, где якобы каждый человек, уже в силу того что он является потребителем, становится частным собственником. Ясно, что подобные мифы легче принимаются за чистую монету именно в угаре потребительской конкуренции.

Объективный анализ показывает несостоятельность утверждений буржуазных идеологов об «открытом» характере мира частной собственности. Усиление пролетаризации трудящихся масс — объективная закономерность развития капитализма. Во всех капиталистических странах прослеживается тенденция к росту доли лиц наемного труда в самодеятельном населении [26].

Процесс пролетаризации достиг ныне такого уровня, что без создания видимости приобщения наемных работников к капиталистической собственности ее сохранение стало весьма затруднительным. Этим и объясняется столь пристальное внимание буржуазных идеологов к проблеме «участия» рабочих в капитале. Однако, несмотря на то

---

[25] Насколько психология потребительства объективно чужда трудящимся, говорит, например, тот факт, что 90% американцев считают, что нужно найти пути сокращения потребления и ненужного расточительства, 91% — за то, чтобы ввести один день в неделю без мяса и т. д. (см. *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США. М., 1981, с. 26—27).

[26] См. В блокнот пропагандиста политэкономии. М., 1975, с. 19.

что эти теории существуют несколько десятков лет, рабочие и сегодня не являются собственниками основных средств производства. Достаточно сказать, например, что в США рабочие и фермеры составляют менее 5% акционеров, а одно семейство Дюпонов владеет акциями стоимостью, в 10 раз превышающей стоимость акций американских рабочих, вместе взятых[27] Такая незначительная доля акций в руках рабочих не дает им возможности сколько-нибудь заметно влиять на стратегию буржуазной экономической системы. Да и доход от мелких акций, как правило, не является главным источником дохода рабочих.

Столь же несостоятелен потребительский вариант приобщения рабочих к капиталу. Повышение уровня их жизни также не приводит к их обуржуазиванию. Конечно, этот уровень сегодня значительно выше, чем в XIX в. Когда-то для рабочих было недоступной роскошью приобретение, например, велосипеда. Сегодня он покупает и более дорогие вещи. Но, так же как, купив велосипед, рабочий не стал капиталистом, не стал он им и тогда, когда купил автомобиль. Хотя стоимость его рабочей силы возросла, существо классовых отношений от этого не изменилось. Во-первых, рабочий по-прежнему является объектом эксплуатации со стороны буржуазии, прибыли которой растут, и притом более быстрыми темпами, чем зарплата рабочих. Во-вторых, рост уровня жизни рабочих является не следствием добродетельности буржуазии, а результатом ожесточенной классовой борьбы именно против буржуазии.

Еще менее перспективно приобщение трудящихся к миру бизнеса через мелкотоварное производство. Считать мелкотоварное производство бизнесом и прежде можно было весьма условно, тем более неверно это сегодня. Ведь речь идет о той форме частной собственности, которая основана прежде всего на собственном труде и труде членов семьи. Хотя мелкие производители еще сохраняют определенные возможности для существования, а в некоторых случаях наблюдается известное увеличение их численности, однако это происходит в условиях усиления тенденции их пролетаризации. Буржуазные идеологи постоянно спекулируют на формальной возможности трудящихся стать мелкими предпринимателями. Но,

---

[27] См. *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи. М., 1975, с. 9.

как было показано ранее, оборотной стороной этой возможности является рост неустойчивости мелких товаропроизводителей. Недостаточная прибыльность их хозяйств и разорение стали одной из форм их эксплуатации со стороны крупного капитала. Усиливается зависимость мелких товаропроизводителей от монополий, сокращаются возможности их вертикальной мобильности и т. д. Все это говорит о том, что в рамках капитализма качественное изменение отношений собственности невозможно. Оно может произойти только в результате социалистической революции, передающей собственность на основные средства производства в руки трудящихся.

2. Плюрализм на службе современных монополий

Важнейшее место в современной идеологической борьбе принадлежит вопросу о качественной специфике современного капитализма. В. И. Ленин указывал, что «порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»[28] и что господство монополий — наиболее характерная его черта. Большинство буржуазных идеологов либо отвергают этот тезис, считая капиталистическую экономику по-прежнему воплощением свободы частнопредпринимательской деятельности, либо, признавая существование монополий, заявляют, что можно повернуть этот объективный процесс вспять, «демонополизировать экономику»[29].

Буржуазные идеологи, выступающие против марксистско-ленинской теории империализма, утверждают, что сегодня крупные корпорации не имеют технических преимуществ перед средними и мелкими фирмами, поэтому единственной основой монополизации капиталистического производства являются превосходящая доля корпораций на рынке и использование этого обстоятельства в своих целях. Отсюда делается вывод, будто борьба против монополий может быть сведена к разукрупнению крупных корпораций и контролю за соблюдением кодек-

---

[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 315.

[29] Например, американский экономист Р. Макгакин говорит о возможности «диффузии экономической власти», при которой ни отдельные лица, ни группы лиц не могли бы оказывать господствующего влияния (*McGukin R.* Democrasie ideals and economic power. Economic analysis of pressing social problems. Chicago, 1974, p. 64).

са «честной конкуренции», обеспечивающему возможность возникновения и выживания мелких и средних предприятий.

Для доказательства своих утверждений наши идейные противники ссылаются на то, что в некоторых случаях научно-техническая революция повлияла на размер предприятий в сторону его понижения и что в тех отраслях, где сравнительно низкий уровень капиталоемкости, монополии не всегда имеют техническое превосходство над аутсайдерами.

Не отрицая указанных факторов, необходимо тем не менее подчеркнуть следующее. Во-первых, в условиях современного капитализма тенденция к росту оптимального размера предприятий является преобладающей. Например, с 30-х по середину 70-х годов средний размер предприятия в автомобильной промышленности США увеличился примерно в 4 раза, в черной металлургии — в 1,5, в нефтеперерабатывающей и цементной — более чем в 2 раза [30]. Водоизмещение танкеров с середины 50-х годов возросло в десятки раз и т. д. Во-вторых, далеко не каждый предприниматель обладает капиталом, достаточным для создания оптимального предприятия даже в случае уменьшения его размера, тем более это относится к сфере выгодного вложения капитала, куда обычно устремляются монополии, затрудняя своим конкурентам доступ в эту сферу.

В-третьих, в условиях научно-технической революции возникают дополнительные возможности монополизации на основе концентрации капитала. Это прежде всего относится к отраслям промышленности, определяющим научно-технический прогресс. Известно, что именно крупнейшие корпорации имеют достаточно средств для развертывания дорогостоящих (с длительным сроком окупаемости) научно-технических исследований и конструкторских разработок. Например, на начало 70-х годов в ФРГ 80% расходов на научно-исследовательские работы приходилось на 100 крупнейших научно-производственных монополий [31]. В результате концентрация патентного

---

[30] См. *Никитин С. М.* Концентрация и монополии: новые явления. М., 1973, с. 6—7.

[31] См. *Чаплыгин Ю. П.* Современные формы монополий. М., 1973, с. 43.

дела превосходит концентрацию производства и даже концентрацию финансовых ресурсов.

Владение патентом дает возможность капиталисту сохранять дефицитность товаров, а следовательно, и повышать их цену[32]. Монополии получают огромные доходы от продажи лицензий. Кроме того, продавая их, монополии могут контролировать многие производственные параметры своих конкурентов. Они могут диктовать им производственную квоту, цену, тип продукции, добиться разрешения на инспектирование бухгалтерских книг; получают возможность запретить производство конкурирующей продукции, установить лимит на экспорт лицензируемой продукции, требовать оплаты лицензий акциями или участия в управлении предприятием, запретить проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в определенном направлении, приобретать конкурирующую технологию, принудить закупать у лицензента все улучшения к приобретенной технологии и т. п.[33]

Сдача запатентованных машин в аренду используется также как орудие шантажа и давления (монополия в любое время может забрать эти машины). Патентная монополия дает возможность разорять конкурентов дорогостоящими судебными тяжбами.

Крупные корпорации имеют не только чисто техническое превосходство. Они более устойчивы за счет своих больших резервов, диверсификации производства, различных связей и т. д. Крупный капитал имеет неоспоримые преимущества в привлечении высококвалифицированной рабочей силы и в организации производства. У него больше возможностей разного рода экономии, например за счет более полной переработки сырья и т. д. Используя эти привилегии, крупные корпорации теснят конкурентов, увеличивают свою долю на рынке и в конечном счете завоевывают господствующие позиции, со-

---

[32] Например, монополистическое объединение «Ксерокс» отказывалось выдавать лицензии на 1700 принадлежащих ему патентов (см. *Иванов И.* Монополистическая практика ограничения конкуренции.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 11, с. 69).

[33] См. *Козлова Б. Б.* Монополии и их буржуазные критики. М., 1966, с. 137—145; *Иванов И.* Монополистическая практика ограничения конкуренции.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 11, с. 60—70.

здают монополистические союзы, получают сверхприбыли, а с ними массу новых преимуществ.

Либералы и реформисты, мечтающие о возврате к капитализму эпохи свободной конкуренции, абсолютизируют рыночные основы монополизации. Однако сегодня господство крупнейших корпораций обеспечивается, как известно, не только преобладанием на отраслевом рынке, но и прежде всего широкими, устойчивыми и эффективными связями с банковским капиталом, концентрация которого значительно выше, с государством в форме образования аграрно-промышленных, торгово-промышленных комплексов, межнациональных корпораций, специализированных международных союзов и т. д.

Велики преимущества крупных корпораций во внерыночной конкуренции: в переманивании специалистов, организации судебных тяжб, промышленного шпионажа, участии в борьбе вокруг выгодных контрактов, за важные государственные посты, в проталкивании или блокировании тех или иных законодательных инициатив и т. п. У них выше шансы и во внеценовой конкуренции (тайные скидки на товары, установление единой цены на товары различного качества, использование рекламы и т. п.).

Результатом действия указанных факторов является гигантский рост мощи монополий, который четко прослеживается и в абсолютном, и в относительном измерениях. В 1963 г. общая сумма продаж трех крупнейших промышленных корпораций США составляла 36 млрд. долл., в 1975 г.— уже 105 млрд.[34] 500 крупнейших промышленных корпораций США концентрируют в своих руках 2,4 млрд. долл. активов и годовой оборот в 2,7 млрд. долл.[35] В начале 70-х годов 1,7% населения ФРГ располагали более чем 70% всех производственных мощностей страны[36]. В Великобритании доля 100 крупнейших компаний возросла с 16% в 1909 г. до 40% в середине 70-х годов[37].

---

[34] The «Fortune» directory of the 500 largest u.s. industrial corporations.— Fortune (Chicago), 1976, vol. 93, N 5, p. 318.

[35] См. *Рудакова И. Е.* Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации. М., 1976, с. 21.

[36] См. *Бёниш А., Райхельт Д.* Буржуазные концепции общества и действительность. М., 1980, с. 166.

[37] См. Великобритания. М., 1981, с. 79—80.

В середине 70-х годов самые большие из штатов США — Калифорния и Нью-Йорк значительно уступали многим корпорациям по бюджету и числу занятых. Объем продаж «Дженерал моторс» в 1973 г составил 35,8 млрд. долл., что превышало валовой национальный продукт Голландии и целого ряда других стран — Финляндии, Греции, Новой Зеландии. На предприятиях этой компании было занято 760 тыс. рабочих, фонд зарплаты которых был в 2 раза больше общей суммы доходов населения Ирландии[38]. Усиливается концентрация богатства в руках узкого круга лиц. Например, в США 4% взрослого населения владеют богатством стоимостью более 1 трлн. долл., что равно валовому национальному продукту 12 стран Западной Европы. 1% богатейших людей США владеют четвертой частью национального достояния этой страны[39].

Еще более высокий уровень концентрации и монополизации наблюдается в банковской сфере. В феврале 1978 г. «Нью-Йорк таймс» писала:

«Банковский капитал оказывает все большее влияние на политическую жизнь США. 14 797 американских банков с активом 1 246 млрд. долл. контролируют деятельность местных властей, воздействуют на формирование политики правительства США. Без всякого сомнения, банки имеют в Вашингтоне самое мощное лобби, которое может заблокировать любое решение конгресса, если оно им не по душе»[40].

Повышаются темпы монополизации на международном уровне. В 1974 г. 300 крупнейших МНК сосредоточили в своих руках около 22% производства валового национального продукта развитых капиталистических стран[41]. Согласно прогнозам даже западных экспертов, к 2000 г. в мировом капиталистическом производстве будет господствовать уже не более 200 монополий.

Сегодня даже многие буржуазные идеологи вынуждены признать: «Мы являемся свидетелями великой революции в организации промышленности, вследствие кото-

---

[38] См. *Рудакова И. Е.* Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации, с. 19.

[39] См. Правда, 20 октября 1980 г.

[40] *Зорин В. С.* Доллары и власть в Вашингтоне. М., 1978, с. 27.

[41] Об углублении общего кризиса капитализма.— Проблемы мира и социализма, 1974, № 8, с. 51.

рой целые сектора экономики оказались под контролем ограниченного числа компаний, каждая из которых обладает огромным влиянием»[42]. Определяя уровень инвестиций, политику в области заработной платы, перспективы занятости, воздействие на окружающую среду, метакорпорации оказывают огромное воздействие на всю экономическую и социальную жизнь общества. В результате всего этого «крупный бизнес является единственной наиважнейшей детерминантой общественной политики»[43].

Процесс монополизации экономики империалистических стран имеет необратимый характер. Однако это вовсе не означает образования единой сверхмонополии: и в этих условиях монополия «никогда не может полностью и на очень долгое время устранить конкуренции»[44]. Процесс монополизации не всегда равномерен и однозначен, не всегда его глубинные тенденции видны на поверхности. В новых условиях меняются формы монополизации, временами по отдельным направлениям наблюдаются попятные движения. Это и дает буржуазным идеологам определенные основания для построения лженаучных концепций «распыления», «демонополизации» капитала[45].

Одним из новых явлений в процессе монополизации производства является переход трестов в концерны, где объединяется ряд формально независимых предприятий путем установления более гибкой финансовой формы централизованного контроля при одновременном расширении оперативной самостоятельности его подразделений. Структура монополистических объединений изменилась и в другом плане. В начале XX в. наиболее эффективным способом господства был захват отраслевого рынка. Так, в США в то время существовало 78 крупнейших концернов, контролировавших более 50% своих отраслей, из них 8 контролировали продукцию отрасли полностью[46]. Усиление общественного характера производства, развитие научно-технической революции, повышение динамичности экономической структуры и целый ряд других причин

---

[42] *Blumberg P. J.* The megacorporation in American society: the scope of corporative power. Englewood cliffs. N. Y. 1975, XIV, p. 287.

[43] Там же, с. 41.

[44] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 397.

[45] *Blumberg P.* The megacorporation in American society..., p. 288.

[46] См. Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 1, с. 124; см. также: Япония. М., 1981, с. 84, 86, 87.

обусловили диверсификацию сфер вложения крупных капиталов, для которых сегодня характерно участие в десятках отраслей.

Другой стороной этого процесса стал переход от индивидуальной к коллективной монополии в рамках отрасли. В результате, например, в США к началу 50-х годов не было ни одной крупной отрасли промышленности, где бы господствовала одна фирма[47] Эти факты и послужили основанием для буржуазных концепций «демонополизации», «эффективной межмонополистической конкуренции» в рамках олигополии и т. п.

Конечно, экономические последствия коллективной монополизации несколько отличаются от тех, которые связаны с господством *одной* фирмы. Но это не меняет существа дела, ибо и «*нескольким десяткам* (курсив мой.— *В. И.*) гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою»[48]. Объединяясь в рамках всевозможных монополистических союзов, крупные корпорации занимают господствующие позиции. При этом попрежнему немаловажное значение имеет высокий уровень отраслевой концентрации, о котором дают представление следующие цифры: к середине 70-х годов доля трех крупнейших корпораций в автомобильной промышленности США (по объему продажи) составляла 84%, в нефтяной — 48, в черной металлургии — 40%; в ФРГ 7 металлургических концернов давали 80% выплавки стали; в Японии 10 крупнейших компаний — 99,2% общего выпуска чугуна, 83,2% стали, 91% судов, 89% продукции нефтепереработки и т. п.[49] В Великобритании в настоящее время «в подавляющем большинстве подразделений обрабатывающей промышленности 5 ведущих компаний концентрируют более половины отраслевой рабочей силы, продаж, чистого выпуска продукции»[50]. Хотя процесс монополизации производства и происходит в условиях межмонополистической конкуренции, тем не менее устойчивость крупных корпораций растет, в частности за счет превращения их в многоотраслевые предприятия, т. е.

---

[47] См. Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. I, с. 124.

[48] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 311.

[49] См. *Чаплыгин Ю. П.* Современные формы монополий. М., 1973, с. 10—11, 12.

[50] Великобритания, с. 75.

конгломераты. Наконец, и это главное, основным показателем концентрации экономической власти является доля сосредоточенных в руках крупнейших монополий и олигархических группировок капиталов и национальных ресурсов.

Стараясь сгладить эти факты реальной действительности, апологеты монополистической буржуазии ссылаются на распространение в развитых капиталистических странах акционерной формы собственности, которая, по их мнению, подтверждает тезис о демонополизации экономики. Действительно, на первый взгляд число акционеров в развитых капиталистических странах выглядит весьма внушительно: в США — 25 млн., что составляет 12% взрослого населения, в ФРГ — 2,5 млн. чел., в Англии — 1,8 млн. человек и т. д.[51] Однако более тщательный анализ показывает, что и в данном случае речь идет не о демонополизации, а, наоборот, об усилении всевластия монополий. Ведь тот факт, что предприятие выпускает в продажу акции, не означает, что оно распыляет свой капитал. Наоборот, продавая акции, оно притягивает, централизует дополнительный капитал. По разным причинам часть мелкого капитала, личные сбережения вкладываются в акционерное общество. Одной из причин могут быть недостаточные размеры наличного капитала для создания собственного предприятия.

Само акционерное общество далеко не плюралистический рай, где все независимы, равноправны и т. п. Каждый акционер занимает положение в соответствии с количеством принадлежащих ему акций. Так что владелец контрольного пакета акций (а им может быть не только отдельное лицо, но и небольшая группа лиц) и владелец одной-двух мелких акций — соперники разных весовых категорий. Известно, например, что в США 1,6% акционеров сосредоточили в своих руках более 80% всех акций[52]. 3500 человек, составляющие 0,002% населения этой страны, контролируют половину активов в промыш-

---

[51] См. *Кочеврин Ю.* Акционерная собственность и контроль в крупных корпорациях.— Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 5. с. 47—48. Наиболее крупные акционерные компании насчитывают сотни тысяч и миллионы мелких акционеров, например, ИТТ — 3 млн., «Дженерал моторс», «Экссон» и др.— более 1 млн. (см. там же, с. 48)

[52] См. *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи, с. 28.

ленности, банковской системе, коммунальном обслуживании, транспорте и $^2/_3$ активов в страховом деле[53].

Известный американский экономист и историк Ф. Ландберг пишет: «Совокупная власть верхних 200 тыс. собственников... стопроцентная. Совокупная власть этого верхнего слоя собственников не была бы большей и в том случае, если бы они владели всеми 100% инвестиционных активов... Их власть могла бы оказаться меньшей, так как этот слой лишился бы поддержки дрожащих от страха мелких держателей акций и, вероятнее всего, приобрел бы в их лице политическую оппозицию»[54]. Так что монополии благодаря «рассеиванию» акций усиливают не только свою экономическую, но и политическую власть.

Для доказательства «устойчивости» немонополизированного сектора буржуазные идеологи нередко ссылаются на сохранение большого числа средних и особенно мелких фирм (а в некоторых случаях на их рост). Вместе с тем ими игнорируется тот факт, что даже при некотором увеличении общего числа фирм в какой-либо определенный промежуток времени одновременно значительное их количество разоряется. Кроме того, как отмечалось, средние и мелкие предприятия попадают во все большую зависимость от крупных корпораций. Они связаны договорными отношениями, работают на заказ в рамках узкой специализации, зависят от финансовой (зачастую большая часть их капитала принадлежит корпорации), технической, научной, организационной и других видов помощи крупных корпораций. Формально они свободны, самостоятельны. Фактически же они саттелиты крупного капитала, его бедные родственники[55]. Процесс монополизации развивается здесь в скрытых формах, что и составляет основу спекуляций буржуазных идеологов.

Либеральные критики монополий нередко сводят де-

---

[53] См. *Линник В.* США: невидимая элита — Правда, 20 октября 1980 г.

[54] *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи, с. 38.

[55] Например, в орбите «Фиат» находится 40 тыс. субподрядчиков, «Дженерал моторс» — 33 тыс., «Дюпон де Немур» — 30 тыс., по заказам металлургической корпорации «Юнайтед Стейтс стил» работает 50 тыс. формально самостоятельных узкоспециализированных фирм (см. *Чаплыгин Ю. П.* Современные формы монополий, с. 20). Одно из преимуществ подобного положения для монополий заключается в том, что она выводит их из-под контроля антитрестовского законодательства.

ятельность монополий лишь к нарушению «частной конкуренции» и произволу. Они заявляют: «Главный вопрос теперь в том, удастся ли сохранить рыночное хозяйство, освободив его от шлака несправедливости и злоупотреблений властью»[56]. В этих утверждениях есть доля истины. Крупные корпорации и раньше достигали гигантских размеров не в последнюю очередь за счет всевозможных грабительских операций, когда главные прибыли, как отмечал В. И. Ленин, доставались ««гениям» финансовых проделок»[57], в чем также проявлялся их паразитический характер. Еще больше возможностей у современных монополистических гигантов. Однако сводить деятельность монополий только к произволу — значит не понимать существа дела. Их возникновение обусловлено объективным развитием капитализма. Возможности же использования преимуществ, связанных с нарушением правил честной конкуренции, лишь одно из привилегий монополий. В принципе мелкие и средние бизнесмены не в меньшей степени склонны использовать те же приемы: собственно, их методы (мелких и средних бизнесменов) с точки зрения юридической и моральной не отличаются существенно от методов крупного бизнеса, и когда буржуа успешно конкурируют, то они предпочитают не замечать нарушения правил игры. Лишь оказываясь в безнадежном положении, они начинают обвинять в нечестности своих конкурентов и причины своего краха сводят только к нарушению монополиями правил «честной конкуренции».

Исходя из такого поверхностного понимания деятельности монополии, сторонники буржуазного либерализма призывают привести в соответствие организационные и технические основы производства. Порок подобной позиции очевиден: она игнорирует социальный аспект развития производительных сил. Процесс концентрации производства происходит на основе не только технического прогресса, но и прежде всего объективных экономических законов капитализма, обусловливающих конкуренцию и погоню за прибылью. Призывы о плюрализации экономики говорят о том, что те, от кого они исходят, не понимают роли и возможностей государства в условиях капитализма.

---

[56] *Brawand L.* Wohin steurt die deutsche Wirtschaft? München, 1971, s. 24.

[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 322.

Таким образом, концентрация и централизация капитала на определенной ступени развития капитализма неизбежно приводит к появлению крупных корпораций, эти корпорации обеспечивают себе господствующее положение благодаря множеству преимуществ, которые дает им концентрация капитала. Эти преимущества имеются, как мы видим, и в сфере производства; на рынке более низкие издержки производства, следовательно, бо́льшие возможности манипулирования ценами, возможность вступать в монопольные союзы, ограничивать доступ на рынок конкурентов, бо́льшие возможности рекламы и т. д. Немаловажную роль играют преимущества в организации (использование лучших менеджеров, систем АСУ, высокий уровень программирования, учета), в ориентации (своевременное получение через своих ставленников в госаппарате информации о предполагаемых изменениях в экономической политике, возможность получать дорогостоящие консультации и т. д.). И, как уже было сказано, решающее значение имеют связи с банковским капиталом, с государством. Монополия капиталистической экономики — логическое завершение необратимого процесса концентрации производства.

Господство монополий знаменует ту стадию развития капитализма, на которой он становится паразитическим, загнивающим и умирающим и по этой причине крайне агрессивным. С появлением монополии резко обостряется противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения. Вырастая и существуя в обстановке ожесточенной конкуренции, монополия неизбежно приобретает антигуманные, агрессивные черты. Ее отношение к обществу развивается по принципу отношений «победителя к побежденным». Поэтому монополия, как указывал В. И. Ленин, становится экономической основой поворота от демократии к реакции.

Апологеты империализма, стремясь дезорганизовать трудящиеся массы, сбить накал борьбы против господства монополий, обвиняют коммунистов в «непоследовательности», «предвзятости» их подхода к оценке места и роли монополий в буржуазном обществе. Эта «непоследовательность», по их мнению, заключается в том, что коммунисты, критикуя монополии, «не замечают», дескать, того, что в социалистическом обществе централизация средств производства достигает еще более высокого уровня. Однако при этом они игнорируют качественные

различия двух общественных систем — капитализма и социализма. А это принципиально важно. При социализме централизация осуществляется на качественно ином, чем при капитализме, фундаменте, на социалистической демократии, т. е. власти трудящихся, народа, волю которого выражает социалистическое государство. Сущность социалистической собственности на основные средства производства раскрывается не только и не столько в высокой степени их централизации и концентрации экономической власти в руках государства, сколько прежде всего в его экономической политике, направленной на повышение жизненного уровня народа. В свете этого совершенно очевидна научная несостоятельность и апологетическая направленность подобных буржуазных концепций.

3. Буржуазное государство — политический гарант «экономического плюрализма»

Буржуазные и оппортунистические идеологи представляют экономику современного капитализма как систему своеобразного равновесия между тремя секторами — самоуправляющимся, частным и государственным, объединенными рамками «рыночной экономики». Каждый из этих секторов обладает качественной спецификой, своими преимуществами и недостатками. «Смешанная экономика», согласно взглядам плюралистов, на сегодняшний день является наиболее оптимальным вариантом, в котором недостатки различных секторов взаимно нейтрализуются, а преимущества благодаря этому получают полный простор для своего развития [58].

Самоуправляющийся и частный секторы якобы призваны преодолевать тоталитаристские поползновения государства, придавать государственному сектору динамизм, поддерживать его в конкурентоспособном состоянии и т. д. В свою очередь экономическая политика государства нейтрализует недостатки «рыночной экономики», т. е. первых двух секторов. Являясь стабилизатором экономической системы, государство придает ей планомерность, сдерживает эгоистические устремления крупных

---

[58] Welt der Arbeit. Köln, 1975, 6 Juni, s. 3; La troisième voie. Paris, 1974, p. 17.

монополий[59]. Государственная собственность в условиях свободной рыночной экономики, как утверждают буржуазные теоретики,— это уже не частная, а «общественная собственность». При сдерживании тоталитаристских потенций государства она якобы ведет к социализации экономики.

Что касается надежд на построение социализма с помощью буржуазного государства, то, как наглядно свидетельствует история, оно всегда стояло на страже интересов господства своего класса и в критических ситуациях обрушивало на трудящихся тяжкие репрессии.

То же можно сказать и о национализации отдельных монополий или даже отдельных отраслей экономики. Во-первых, буржуазия до предела ограничивает масштабы национализации. Причем эти ограничения изображаются ею как гарантия сохранения наиболее важного качества частного сектора — «плюрализма экономической власти», а также демократии вообще. Так, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстэн в книге «Французская демократия» пишет: «...увеличение числа национализированных предприятий, отдавая все крупные предприятия в руки политической власти, скорее ослабит, нежели укрепит, демократию»[60].

Однако главное заключается в том, что в условиях капитализма государственная собственность не может быть ничем иным, как разновидностью частной собственности, ибо буржуазное государство строго блюдет интересы господствующих классов. Косвенно это признают даже сами буржуазные идеологи. Они представляют государственную собственность как «общественную», тем самым подчеркивая, что она якобы является качественно иным, социальным феноменом, нежели частная собственность. В то же время они заявляют, что смена формы собственности, национализация, не устраняет отчуждения, не решает экономических проблем, т. е. не изменяет существа буржуазного общества, подтверждают, что государственная собственность в условиях капитализма является лишь одной из форм капиталистической собственности.

---

[59] *Adam H.* Pluralismus oder Herrschaft des Kapitals? — Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1974, N 14, s. 26—38.

[60] *Giscard D'Estaing V.* La Democratie francaise. Paris, 1976, p. 94.

Вынужденные признать закономерный характер дальнейшей монополизации экономической жизни в капиталистическом обществе, буржуазные идеологи не способны в силу классовой ограниченности выдвинуть радикальные решения. Поэтому единственно, что им остается,— это прибегать к социальному балансированию. В уже упоминавшейся книге В. Жискар д'Эстэн говорит о том, что мощь монополий можно уменьшить, и не прибегая к коллективизму. Ее можно ослабить с помощью таких «конкурентных противовесов», как профессиональные ассоциации, потребительские союзы[61]. Аналогичной точки зрения придерживается большинство буржуазных экономистов, принадлежащих к различным школам (Дж. Гэлбрейт, Э. Хансен и др.).

Одним из таких противовесов, как утверждают многие плюралисты, является антитрестовское законодательство, которое изображается ими как эффективное средство борьбы с монополиями, демократизации экономики и альтернатива требованиям о национализации монополий.

Антитрестовское законодательство возникло в США в конце XIX — начале XX в. (закон Шермана 1890 г. и закон Клейтона 1914 г.). В Западной Европе основы антитрестовского законодательства были заложены в 20—30-х годах нашего века. После второй мировой войны оно получило широкое распространение и было принято (с учетом национальной специфики) во всех развитых капиталистических странах.

Объективными основаниями возникновения антитрестовского законодательства явились:

1. Широкий протест демократических кругов против засилья монополий.

2. Необходимость регулирования межмонополистической конкуренции, смягчения остроты экономических потрясений, порождаемых диктатом монополий.

3. Необходимость сохранения хотя бы минимальной социальной поддержки со стороны мелкой буржуазии. В период, когда крупные корпорации боролись за монопольную власть, они, не задумываясь, шагали через поверженных. Теперь, когда они заняли господствующие позиции и сконцентрировали в своих руках огромную власть, они стремятся не столько к тому, чтобы «убивать», сколько к тому, чтобы эксплуатировать мир бу-

---

[61] Там же, с. 101—105.

шующей рыночной стихии в более или менее спокойной обстановке.

4. Поддержание оптимального уровня конкурентной активности. Конкуренция с целью получения максимума прибыли является важнейшим стимулом капиталистического производства на всех стадиях его развития. За определенными пределами деформация рыночного механизма может создать угрозу самим устоям капитализма Поэтому в ряде случаев монополии вынуждены принимать меры по поддержанию конкуренции. Регулируемая конкуренция способствует сохранению высокого уровня активности, а следовательно, получению максимальных прибылей. В подобных случаях антитрестовское законодательство играет тонизирующую роль.

5. Монополии заинтересованы в поддержании высокого накала конкуренции в немонополизированном секторе В этих условиях разорение мелких производителей воспринимается ими самими как результат конкуренции в немонополизированном секторе, а не господства монополий. Здесь по существу применяется косвенный метод давления, истинные причины которого мелкий бизнес далеко не всегда осознает.

6. Демонстрируя заботу о защите «правил честной конкуренции», государство внушает мелкому буржуа, что он якобы конкурентоспособен по отношению к крупному капиталу и к монополиям. Разорение мелкого и рост неустойчивости среднего бизнеса сделали такой камуфляж совершенно необходимым. Убежденность разорившегося в том, что он побежден в «честной конкуренции», исключает бурные формы протеста против монополий.

7. Монополии далеко не всегда заинтересованы в усилении концентрации производства, в частности потому, что чем больше производство данного товара распылено среди мелких собственников, тем меньшей его долей необходимо обладать для удержания монопольных позиций на рынке. Поэтому монополии при случае используют антитрестовское законодательство для «распыления» своих конкурентов.

Как известно, в последние годы в результате углубления кризисных явлений в капиталистической экономике, роста инфляции и т. д., а также под давлением общественности предыдущая американская администрация вынуждена была усилить контроль за деятельностью монополий. Был расформирован целый ряд картелей —

электротехнический, картели производителей антибиотиков, шин, стройматериалов, молока и др. Подверглись санкциям многие участники международных картелей [62]. Требование разукрупнения ведущих монополий также фигурировало в энергетической программе Дж. Картера. На протяжении 70-х годов в развитых капиталистических странах происходило вдвое больше антитрестовских процессов и расследований, чем в 50-х годах, и втрое больше, чем в довоенные годы. В ноябре — декабре 1979 г. состоялась первая сессия конференции ООН по выработке универсального свода законов по борьбе с ограничительной деловой практикой [63]. Не означает ли это качественного изменения антитрестовской политики империалистических государств, как об этом трубят на Западе?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать, с одной стороны, возможности антитрестовских органов, с другой — степень использования этих возможностей.

Антитрестовские судебные дела отличаются исключительной сложностью и продолжительностью. Достаточно сказать, что антитрестовский гражданский процесс, завершающийся обычно судебным решением, продолжается в среднем 5 лет. Поэтому подобные процессы очень дорого стоят. Предварительный сбор материалов по антитрестовскому делу обходится частным фирмам в среднем в 100 тыс. долл. Один час консультации в адвокатской фирме стоит приблизительно 400—500 долл. Оплата многих дел требует миллионов долларов. Естественно, что далеко не всякая фирма рискнет затеять такое дело, не имея достаточно средств, чтобы тягаться с гигантами. Даже наблюдаемый в последние годы некоторый рост ассигнований на деятельность антитрестовских органов (с 300 тыс. долл. в начале 30-х годов до 7 млн. в 1967 г. и до 17 млн. в 1975 г.) совершенно недостаточен для ведения эффективной борьбы с монополиями.

В своей деятельности антитрестовские органы постоянно сталкиваются с трудностями получения информации от крупных фирм. «Фактически,— отмечает американский юрист Р. Нэдер,— у нас больше открытой ин-

---

62 См. *Иванов И.* Антитрестовское законодательство в регулирующем арсенале буржуазного государства.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 12, с. 46—47.

63 См. там же, с. 46, 54.

формации о том, как работает ЦРУ и другие ведомства по национальной безопасности, чем о том, что творится «внутри «Дженерал моторс», «Экссон», ИТТ и как они работают»[64].

Как отмечают многие западные авторы, антитрестовские законы относятся к числу наименее четко сформулированных во всей системе буржуазного законодательства. Это дает широкий простор для их субъективного толкования в судейской практике: в аналогичных ситуациях нередко выносятся прямо противоположные решения. Кроме того, к основным законам делается множество смягчающих поправок. Отмечаются значительные различия в трактовке одних и тех же положений разными органами. Например, «Акт Селлера — Кефовера» (от 1950 г.) запрещает слияние корпораций. Но федеральная торговая комиссия считает, что он не должен запрещать корпорации, находящейся на грани краха, продавать свое имущество конкуренту.

Нередко буржуазное государство идет на нарушение им же установленных законов, например министерство торговли и промышленности Японии разрешило слияние трех сталелитейных компаний, производящих в совокупности 60% национальной выплавки стали. В ФРГ в первый же год после установления официального потолка для слияния были выданы 33 лицензии на слияние фирм, совокупный оборот которых превышал этот потолок. Правительство ФРГ отменило также запрет антитрестовского ведомства на слияние фирм ФЕБА, «Гельзенберг» и др.[65]

В большинстве случаев при ведении расследований по нарушениям антитрестовских законов буржуазный суд проявляет исключительный либерализм и «понимание». Многие его решения носят характер пожеланий, большинство дел завершается путем «согласованных решений»[66]. Несмотря на то что в 35 штатах США за нарушение антитрестовских законов предусматривается уголовная ответственность, к бизнесменам она применяется исключительно редко. На Гавайях в этом случае не исключается возможность тюремного заключения на срок

---

[64] Там же, с. 51.

[65] См. там же, с. 50—51.

[66] См. *Жидков О. А.* США: антитрестовское законодательство на службе монополий. М., 1976, с. 127.

от 1 до 20 лет, однако до сих пор ни один бизнесмен не понес подобного наказания.

Штрафы не идут ни в какое сравнение с прибылями, которые получают монополии в результате нарушений законов. Число расследований составляет лишь незначительную часть даже только официально зарегистрированных нарушений законов. Бывший министр юстиции США А. Канценбах признавал: «Мы можем блокировать в 5 раз больше слияний, чем мы это делаем»[67]. Так, в Англии с 1965 по 1975 г рассмотрено 1205 случаев слияний и только 3% из них признаны «противоречащими общественным интересам»[68].

Таким образом, весьма ограниченны и объективные возможности антитрестовских мер, которые к тому же используются далеко не полностью. Все это вполне закономерно, ибо речь идет об ограничении монополий, господствующих в капиталистических странах. Наивно было бы думать, что буржуазное государство, сросшееся с монополиями и являющееся главным политическим орудием поддержания их господства, может быть серьезным «противовесом» преступной деятельности. Наоборот, оно всячески способствует укреплению их позиций: заключает с ними выгодные контракты, выкупает за полную цену нерентабельные предприятия, сбывает монополиям продукцию по заниженной цене, а у них покупает по завышенной, финансирует научные исследования с последующей передачей их результатов монополиям и т. д.

Антитрестовские законы нередко дают толчок развитию более современных форм монополизации: запрещение трестов в США привело в свое время к появлению «держательских компаний» (холдинг-компаний), конгломератов. Закон об ограничении торговли способствовал созданию неформальных пулов, торгово-промышленных ассоциаций, использованию метода сознательного параллелизма и т. д. «Антитрестовские законы существуют уже 80 лет... И до сих пор не было сделано ничего, чтобы ограничить развитие техноструктуры и рост ее власти»[69],— признает известный американский экономист Дж. Гэлбрейт, сам некогда возлагавший надежды на сдерживающие возможности буржуазного государства.

---

[67] Там же, с. 125.
[68] См. Великобритания, с. 78.
[69] *Гэлбрейт Дж* Экономические теории и цели общества, с. 161.

«Фирме могут при случае запретить приобретение другой фирмы,— пишет он,— иногда от нее могут потребовать отзыва своих средств из дочерней компании. Однако, как это происходит на протяжении более чем полувека, если фирма уже достигла больших размеров, то ничто не может угрожать таким ее размерам и почти ничто не может препятствовать ее дальнейшему росту» [70]. В итоге «под шум разглагольствований об антитрестовском законодательстве... усиливается процесс монополизации, рождаются настоящие империи со своими эмиссарами, баронами и т. д.» [71]. Все это говорит о том, что антитрестовское законодательство лишь одно из средств государственно-монополистического регулирования, одно из направлений буржуазного реформизма, преследующего вполне определенные экономические и социально-политические цели.

При капитализме государство не может серьезно ограничить власть монополий, поскольку оно находится в руках буржуазии и служит ее интересам.

4. «Самоуправляющийся сектор» [72] — «противовес» этатизма

Как отмечалось, экономика современного капитализма представляется большинству плюралистов «смешанной», т. е. системой уравновешенного взаимодействия трех секторов. Однако реальные требования жизни вынуждают буржуазию к дальнейшему социальному маневрированию. Отказываясь по существу от этой концепции, представители различных буржуазных идейных направлений начинают утверждать, что будущее теперь принадлежит самоуправлению. Начиная с соучастия в управлении в частном секторе, расширения участия в государственном секторе и самоуправления в кооперации, оно должно охватить все общество. «Самоуправляющийся сектор», по мнению некоторых буржуазных идеологов, яв-

---

[70] Там же. с. 61

[71] *Barber R. J.* The American corporation. N. Y., 1970, IX, p. 7, 175.

[72] Под «самоуправляющимся сектором» обычно имеют в виду индивидуальных мелкотоварных производителей, а также предприятия, основанные на личном труде и групповой собственности на средства производства, разного рода кооперативы. Речь идет по существу о мелкобуржуазном понимании самоуправления, которое хотя и несет в себе известный элемент демократизма, однако не выходит за рамки буржуазных общественных отношений.

ляясь противовесом этатизма, становится, чем дальше, тем больше, альтернативой и генеральным направлением, исходной базой демократизации общества на принципах самоуправления, развитие которых только и может привести в перспективе к социализму.

Лозунг коллективного самоуправления (в данном случае — в его экономическом варианте) не является новым. В рабочем движении относительно широкую популярность он приобрел еще в последние десятилетия XIX в. В этот период произошла легализация профсоюзов, стачек, значительно возросла организованность рабочего класса, что дало возможность трудящимся вести более успешное наступление на капитал, добиваясь определенных уступок со стороны господствующих классов. В то же время успехи в экономической борьбе и относительно невысокий уровень классового самосознания пролетариата, а также известная слабость или просто отсутствие марксистско-ленинских партий породили соответствующие иллюзии у определенной части трудящихся, усилив влияние оппортунизма.

Эти процессы послужили основанием для возникновения различных течений экономизма в рабочем движении. Для них характерен либо полный отказ от политической борьбы, либо подчинение ее борьбе экономической, преувеличение ее роли вплоть до «прямого действия», т. е. до утверждений о ликвидации частной собственности путем захвата предприятий и организации на них самоуправления. Характеризуя эту тенденцию, В. И. Ленин в свое время писал: «Когда среди рабочих широко распространяются стачки, то некоторые рабочие (и некоторые социалисты) начинают думать, что рабочий класс может и ограничиться одними стачками и стачечными кассами или обществами, что посредством одних стачек рабочий класс может добиться серьезного улучшения своего положения или даже своего освобождения»[73].

Описанный период (последняя треть XIX в.) имеет некоторые общие черты с современным этапом развития капитализма и рабочего движения: отсутствие переломных моментов в развитии капитализма, с одной стороны, разорение мелкой буржуазии, усиление расхождения между правыми лидерами социал-демократии и профсоюз-

---

[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 296.

ного движения и партийными и профсоюзными низами и т. п. — с другой, обусловливают распространение в массах идей анархо-синдикализма.

Сегодня характерный для профсоюзов оппортунистической ориентации чрезмерный акцент на экономическую борьбу неизбежно способствует ослаблению единства рабочего класса, ибо конкретные требования трудящихся в сфере экономики чрезвычайно разнообразны. Например, развертывание современной научно-технической революции ведет к увеличению числа и разнообразия отраслей производства, профессий, специальностей. Следствием этого является усиление контраста между условиями труда на новейших или модернизированных предприятиях и на не подвергшихся перестройке, старых. До сих пор сохраняются большие различия в степени концентрации и уровне организации труда между сферами, отраслями, предприятиями, что влияет на остроту классовой борьбы. Различен социальный вес тех или иных групп, слоев, вступающих в экономическую борьбу. Одно дело, когда в нее вступают рабочие электростанции, другое — мебельной фабрики, учителя или служащие банков.

Наряду с экономическими условиями жизни необходимо учитывать также и политические (связь с той или иной партией, различия в степени вмешательства государства в ту или иную отрасль и т. п.), социально-экономические (например, влияние процесса субурбанизации на возможности организации рабочих, распределение и интенсивность потоков миграции и т. п.), религиозные и др., а также последствия социального лавирования буржуазии, ставящей своей основной целью раскол рабочего и демократического движения [74]. Еще более разнообразны условия существования средних слоев, что часто является серьезным препятствием для их объединения.

Двойственный характер носит политика государства в отношении как мелкой буржуазии, так и рабочего класса. Оказывая «помощь» мелким товаропроизводителям, оно по сути дела укрепляет одних хозяев за счет разорения других. Наряду с проведением антирабочей «политики доходов» буржуазное государство под давле-

---

[74] Вопрос о разнообразии условий труда и классовой борьбы, о причинах раскола в рабочем и демократическом движении является исключительно сложным. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной работы.

нием прежде всего рабочего класса вынуждено хотя бы частично брать на себя расходы на социальное страхование, медицинское обслуживание, образование.

В этой ситуации требования жесткой классовой организации трудящихся могут восприниматься отдельными их коллективами и отрядами рабочего класса, находящимися под влиянием реформистских, оппортунистических идей, как ограничение свободы тактического маневрирования. Так, один из представителей современного реформизма, А. Горц, писал: «Крайняя дифференцированность условий труда и уровня вознаграждения внутри одной и той же отрасли и одного типа труда не позволяет более мобилизовать рабочий класс для общих и недифференцированных требований»[75]. Естественно, что подобного рода настроения и взгляды порождают у известной части трудящихся сопротивление классовой организации в разных формах на разных уровнях — государственном (требование невмешательства социалистического государства в сферу экономики), межпартийном (политический плюрализм), партийном (рабочие беспартийные движения и требование отделения профсоюзов от партий)[76], межпрофсоюзном («экономический плюрализм»)[77], профсоюзном (во многих развитых капиталистических странах большинство рабочих находятся вне профорганизации)[78]. Являющаяся следствием такого рода взглядов дезорганизация дополняется и закрепляется конкуренцией между рабочими организациями[79], действиями буржуазии по расколу революционных сил[80].

---

[75] *Gorz A.* Réforme et révolution. Paris, 1975, p. 105.

«Хотите вернуть рабочим власть, которую у них отняли? Хотите заставить исчезнуть государство? Отлично! Начинайте с разрушения партии!» (*Juillard J.* Contre la politique professionnelle. Paris, 1977, p. 134, 137, 148—149; *Garodi R.* Paroles d'homme. Paris, 1975, p. 13).

[77] Некоторые «теоретики» даже утверждают, что, «чем малочисленнее и раздробленнее профсоюзы, тем больше демократии» (*Parker S. a. o.* The Sociology of Industry. L., 1967, p. 130).

[78] Во Франции, США, Канаде лишь около 25% трудящихся входят в профсоюзы (см. Международное рабочее движение. М., 1978, с. 219, 276).

[79] «Деловой юнионизм порвал с принципами солидарности трудящихся. Имеются буквально тысячи примеров, когда один профсоюз отказывается поддержать другой в самые критические для последнего минуты» (*Ленз С.* Кризис американских профсоюзов. М., 1961, с. 55).

[80] Наступление на профсоюзы ведется в разных направлениях, «но... главным и наиболее устоявшимся из них является стремление

Анархо-синдикалисты разных мастей также пытаются спекулировать на некоторых явлениях в рабочем движении. Широко распространенное требование участия рабочих в управлении производством в периоды обострения классовой борьбы нередко воплощается в так называемых «стачках наоборот», в том числе захвате предприятий и самостоятельной организации производства. Например, в Италии в 1976 г. было проведено около 800 таких забастовок. Часто прибегают к захвату предприятий трудящиеся Франции (особенно знаменателен в этом отношении 1968 г.). В Великобритании такая забастовка впервые в истории страны была проведена в начале 70-х годов рабочими Шотландии: в течение 7 месяцев они самостоятельно выпускали продукцию и в конечном счете добились отмены решения о закрытии судоверфей. Иногда подобная форма борьбы завершается выкупом рабочими предприятия [81]. Подобные формы борьбы все чаще используются и в других странах капитала. Однако это вовсе не означает, что превращение «всякой дикой забастовки» в «оккупацию завода» [82] при одновременном игнорировании политических форм борьбы способно разрушить капитализм.

Наряду с профсоюзным самоуправлением в структуре «самоуправляющегося сектора» сторонники «смешанной экономики» не менее важной считают кооперацию [83]. Кооперативное движение является одним из самых массовых в развитых капиталистических странах. В 1920 г. в мире было 40 млн. членов кооперативов, в середине 70-х годов — более 300 млн.[84] В империалистических странах в различных кооперативах (их насчитывается более 30 видов) состоит до $^1/_4$ всего населения. В 1975 г. в США, например, насчитывалось 7 тыс. фермерских кооперативов, охватывающих 75% хозяйств. Многие фермеры со·

навязать рабочему движению узкий практицизм и аполитичность» (*Баглай М. В.* Капитализм и «социальная демократия». М., 1970, с. 148).

[81] См. *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 56.

[82] *Ratgeb.* De la grève sauvage á l'autogestion généralisée. Paris, 1974, p. 57, 69—70.

[83] «Централизация и автономия — излюбленные темы кооперативистов, что роднит их в определенной степени с анархистами» (*Кузьмина А. А.* О некоторых мелкобуржуазных концепциях «кооперативного социализма».— Научный коммунизм, 1973, № 3, с. 176).

[84] *Deroch H.* Le projet coopératif. Paris, 1976, p. 112.

стоят сразу в нескольких кооперативах. Оборот, скажем, сельскохозяйственной кооперации в 1970 г. составлял здесь 19 млрд. долл.[85] Наиболее массовыми являются потребительские кооперативы, затем кредитные и т. п.

Сторонники «кооперативного социализма» считают, что на основе кооперации может быть осуществлена революция, и не только экономическая, но и социальная. При этом под социальной революцией понимается прежде всего ликвидация буржуазного государства и организация самоуправления. Еще более определенно высказывался на этот счет Р. Гароди. «Кооперативная система в общенациональном масштабе, осуществляющая все производство, регулирующая его,— писал он,— это и есть социализм самоуправления»[86].

Иллюзорный характер надежд, связанных с кооперативным движением, объясняется рядом обстоятельств, среди которых не последнюю роль играет значительное развитие демократического начала в кооперативном движении (конечно, в той мере, в какой они осуществляются на практике). Известно, что К. Маркс высоко оценивал кооперацию как одну из переходных форм от капитализма к социализму, как первую брешь в старой форме. Он отмечал, что уже в рамках капитализма противоположность между капиталом и трудом уничтожается в пределах этих фабрик[87], что здесь «труд по надзору утрачивает свой антагонистический характер, так как управляющий оплачивается рабочими, а не является по отношению к ним представителем капитала»[88]. Именно эти особенности кооперации и используются для доказательства возможности перехода к классовой борьбе без ликвидации капиталистической общественной системы.

Однако суждения сторонников «кооперативного социализма» имеют характер, типичный для мелкобуржуазных идеологов, которые, как правило, не идут дальше парцеллы, ремесленной мастерской, «автономного» профсоюза или кооперации. На этом основании, как они утверждают, можно перекроить капиталистический мир в целом. Они игнорируют классовую суть буржуазного обще-

---

[85] См. *Колышева М.* Кооперативный капитализм в сельском хозяйстве США.— Экономические науки, 1977, № 7, с. 94.

[86] Цит. по: *Кузьмин Э. Л.* Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1977, с. 207

[87] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. т. 25, ч. I, с. 483.

[88] Там же, с. 426.

ства, не понимают качественного различия между капитализмом и социализмом.

Проекты сторонников «кооперативного социализма» столь же утопичны, как и концепции синдикалистского анархизма. Классики марксизма-ленинизма неоднократно высказывались против абсолютизации коллективно-групповых форм собственности в ущерб собственности общенародной. Так, В. И. Ленин обращал внимание на то, что кооперация может быть использована как «аппарат восстановления капитализма»[89]. Уже давно в недрах капитализма существует довольно разветвленная сеть кооперативов, однако для капитализма они никогда не представляли значительной опасности, тем более что подавляющее большинство кооперативов создается не в сфере производства, а в сфере обмена, распределения и потребления. К тому же кооперация отличается неоднородностью социального состава и непостоянством его членства. Кроме того, декларации сторонников «кооперативного социализма» о приверженности демократическим принципам чаще всего остаются лишь декларациями, ибо кооперативы, чтобы выстоять в конкурентной борьбе с капиталистическими предприятиями, вынуждены на практике отступать от этих принципов.

Последователи «кооперативного социализма» объявляют себя противниками государства вообще, государственной собственности в особенности, и это не случайно. Государство становится на сторону монополий в тех случаях, когда кооперация мешает осуществлению их интересов. Оно стремится ограничить самостоятельность кооперативов, подчинить их жесткому контролю или даже интегрировать в государственно-монополистическую систему. Мелким кооперативным предприятиям гораздо труднее обойти те из государственных законодательных мер, которые зачастую обходит крупный капитал. Им, например, труднее уклониться от налогового законодательства. Всевозможные мероприятия государства по стандартизации (продукции, условий труда и т. д.) губят многие мелкие предприятия, лишая шансов на существование, которое в этих условиях обеспечивается монополиями благодаря их большей мобильности, гибкости, оригинальности производимой продукции.

---

[89] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 53.

Антиэтатистские настроения гораздо более распространены в кооперативах (и среди мелкой буржуазии вообще), чем среди владельцев капиталистических предприятий. Дело в том, что для крупной буржуазии государство служит орудием ее господства. В этом буржуа видит главное оправдание существования государства, которое обычно перевешивает его недовольство частными ограничениями. По отношению к мелкой буржуазии государство такой функции не выполняет (или выполняет в гораздо меньшей степени). Поэтому она гораздо менее терпима к государственному ограничивающему контролю.

В недрах кооперативного сектора происходит процесс социальной дифференциации. Это находит проявление в том, что в руководство фермерскими кооперативами входят главным образом крупные фермеры, что еще больше укрепляет их позиции, а разрыв в оплате труда членов кооператива достигает порой соотношения 1 : 20. Стремясь выжить в условиях жесткой конкуренции, многие кооперативы распространяют свои акции, превращаясь в акционерные общества. По тем же причинам они бывают вынуждены эксплуатировать наемную рабочую силу [90]. Вполне понятно поэтому, что наиболее крупные кооперативы вливаются в ряды монополий.

Например, кооператив «Лэнд О'Лейкс» к началу 70-х годов владел 16 заводами, производил 400 видов сыра, 30 видов сухого молока, мороженое и т. п. На заводах преобладала наемная рабочая сила. Активы кооператива «Фари лэнд индастри инкорпорейшн» в начале 70-х годов составляли более чем 400 млн. долл. На кооператив «Снок хапи ассошиейшн» приходилось 40—50% производства меда в США, он имел 6 фабрик, свои исследовательские лаборатории. Снабженческо-сбытовой кооператив «Эгуэй» обслуживает 111 тыс. фермерских хозяйств в 12 северо-восточных штатах. Объем его деловых операций в 1976 г.— 667 млн. долл.[91] и т. д.

Однако большинству кооперативов приходится вести упорную борьбу за существование. Растут финансовые трудности — займы нередко превышают внутренние накопления. Поскольку зарплата управляющих в коопера-

---

[90] См. *Колышева М.* «Кооперативный» капитализм в сельском хозяйстве США.— Экономические науки, 1977, № 7, с. 97—98.

[91] См. там же.

тивном секторе в среднем ниже, чем в частном, то многие кооперативы вынуждены нанимать менее квалифицированных управляющих. В кооперативе труднее сохранить коммерческую тайну, кроме того, они теряют в маневренности из-за сложности процедуры увольнения и т. п.

Кооперативное движение заключает в себе противоречивые тенденции. В общем плане кооперативы — это шаг от раздробленного мелкого хозяйства к его обобществлению. Кооперативы могут сыграть положительную роль, стать переходной ступенью к социалистической организации производства. Однако социалистическая тенденция в развитии кооперативов может утвердиться только при условии, если руководить ими будет пролетариат и его политический авангард — коммунистическая партия. Поэтому коммунисты принимают активное участие в кооперативном движении. Разоблачая оппортунистов всех мастей, они показывают, что только в союзе с пролетариатом трудящиеся-кооператоры могут добиться удовлетворения своих коренных интересов.

Как видно из сказанного, концепциям синдикалистского и кооперативного социализма свойственно преувеличение роли профсоюзов и кооперативных ассоциаций в революционном переустройстве капиталистического общества. С этим неизбежно связано стремление их сторонников ограничить функции и роль политических институтов, особенно государства [92]. В этом плане групповая разновидность концепции самоуправления совпадает с его индивидуалистической разновидностью, в которой принципы самоуправления формулируются почти исключительно на языке антиэтатизма.

Антиэтатизм является важнейшим компонентом концепций мелкобуржуазного самоуправления с самого их зарождения. По мере развития капитализма государство, вмешиваясь в естественный процесс эволюции мелкой собственности в крупную, часто выступало в поддержку последней. Разорение мелких хозяйств и создание благоприятных условий для развития крупных предприятий воспринималось мелкой буржуазией и массой крестьянства как искусственное насаждение государством крупной собственности.

---

[92] *Juillard J.* Contre la politique professionnelle..., p. 126—128, 141—147; *Poulantzas N.* L'Etat, le pouvoir, le socialisme. Paris. 1978, p. 218—220.

Рассуждения о теории «насаждения» государством капитала необходимы мелкобуржуазным идеологам, чтобы затушевать тот факт, что мелкобуржуазная стихия сама постоянно порождает крупную капиталистическую собственность. Признание этого факта обнажило бы всю бесплодность борьбы с крупной частной собственностью при условии сохранения капиталистического производства. Достаточно вспомнить, как старательно русские либеральные народники 90-х годов пытались доказать, что русская деревня, несмотря на развитие в ней товарного производства, не рождает крупный капитал. Его, мол, «искусственно насаждает» государство, нарушающее вечную справедливость. В. И. Ленин в работах того периода доказал полную несостоятельность этих взглядов [93].

Утверждению подобных представлений о роли государства способствовал ряд экономических и политических факторов. Антиэтатизм зародился в эпоху буржуазно-демократических революций. В тех условиях соотношение классовых сил неуклонно менялось в пользу буржуазии, феодализм постепенно уходил с исторической арены. Вместе с тем имели место периоды относительного равновесия этих борющихся классов; феодальная аристократия и клерикальные круги, сдавая позиции под напором молодой буржуазии, имели еще достаточно сил для борьбы. Зарождающаяся буржуазия еще не интегрировалась окончательно в класс, находясь в большинстве своем в рядах третьего сословия, и в силу этого занимала противоречивую позицию. В этой ситуации усиливалась роль государства в обществе, оно приобретало известную самостоятельность. Классики марксизма, характеризуя этот период, писали, что для классовой структуры формации переходного периода, ее возникновения характерно относительное равновесие сил нового и старого эксплуататорских классов. В этом случае государство может, следовательно, сохранить видимость некоторой самостоятельности по отношению к каждому из них [94].

Многие из перечисленных факторов, порождающих антиэтатические настроения, имеют место и ныне [95]. Так,

---

[93] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 210, 218—219, 278.
[94] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 62—63, 358.
[95] См. *Марченко М. Н.* Политическая система современного буржуазного общества. М., 1981, с. 141—175.

в условиях государственно-монополистического капитализма, как мы видели, значительно усилилась роль государства во всех сферах жизни общества. Степень его относительной самостоятельности возрастает не только в период становления капиталистической формации, но и в период ее упадка. Это обусловливается необходимостью смягчения обострившихся до предела антагонизмов капиталистического общества, ведения экономического соревнования с социализмом, классовой борьбы против него и т. п.

Итак, усиление мощи и относительной самостоятельности государства порождает у определенной части населения иллюзии в его способности быть надклассовым. В действительности постоянное давление государства на мелкую буржуазию с целью поддержки, укрепления позиций крупнейших промышленных и сельскохозяйственных монополистических комплексов усиливает процесс разложения мелкотоварного производства. Зачастую вместо ожидаемой помощи мелкая буржуазия получает очередной «смертельный» удар со стороны государства. Вследствие указанных противоречивых тенденций антиэтатистами, потерявшими социальную ориентировку, государство выдавалось за виновника всех зол [96].

Некоторые новые черты современного буржуазного государства и ныне способствуют распространению антиэтатистских настроений среди широких слоев трудящихся. Известно, что одной из важнейших причин национализации ряда ключевых отраслей экономики капиталистических стран было широкое движение народных масс. Однако крупному капиталу удалось во многом нейтрализовать это движение, а в некоторых случаях даже использовать в своих интересах. Во многих отраслях, входящих в государственный сектор, оказалась сравнительно низкой рентабельность производства. В одних случаях это связано с особенностями положения в экономике страны таких отраслей, как добывающая промышленность, транспорт и т. п. В других — это прямой результат политики государства, направленной на служение монополиям, засилья бюрократии. Во многих случаях заработная плата в государственном секторе ниже, чем в частном. Постоянно усиливается налоговый гнет. Например, в США с 1913 по 1970 г. размер необлагае-

---

96 См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 33, с. 327—328.

мого налогом дохода уменьшился в 5 раз. В 1928 г. число плательщиков подоходного налога составило 4 млн. человек, в 1939 г.— 7,6 млн., в 1954 г.— 41,6 млн., в 1957 г.— 60 млн., в начале 70-х годов — 70 млн. человек. В среднем налоги составляют до 30—40% заработной платы рабочего[97]. Государство, имея в своем непосредственном распоряжении армию, полицию и т. д., старается ликвидировать у трудящихся государственных предприятий даже те демократические завоевания, которые существуют в частном секторе, например право на забастовку. Все это, естественно, вызывает недовольство буржуазным государством.

В частном секторе рабочим противостоит отдельный капиталист или группа акционеров, в национализированном секторе — государство. Далеко не все трудящиеся осознают связь между эксплуатацией в государственном секторе и господством буржуазной собственности в обществе. Поэтому их классовая ненависть может быть сравнительно легко направлена по ложному пути — против государства вообще. Этому способствуют насаждаемые апологетами буржуазии иллюзии о надклассовой сущности государства, которое якобы представляет интересы всего общества.

Защищая интересы буржуазии, государство активно вмешивается и в частный сектор, проводя так называемую «политику доходов», в которой четко выражается его классовая сущность. Например, как правило, официально устанавливаемый в рамках «политики доходов» рост зарплаты значительно ниже того уровня, которого добивается пролетариат в ходе классовой борьбы. Нередко бывает так, что рабочим удается сломить сопротивление капиталиста, но приходится отступить перед напором государства[98]. Естественно, что подобные факты создают представление о том, что с капиталистом «легче договориться», чем с государством, и что именно государство является главным виновником эксплуатации. Это порождает требования невмешательства государства в экономику, выполнения государством только функций по поддержанию общего порядка («ночного сторожа»). В пылу антиэтатистских настроений и рож-

---

[97] См. *Ветрова Н.* США: военно-промышленный комплекс и налоговая эксплуатация трудящихся. М., 1972, с. 85, 89—90.

[98] Борьба классов и современный мир, с. 160—167.

дается иллюзия о самоуправленческом секторе как альтернативе государственному управлению.

Однако насколько в действительности самоуправляющийся сектор может выполнить роль подобной альтернативы? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим его в динамике, имея в виду историческую перспективу. Основой самоуправляющегося общества, как утверждают плюралисты, должны быть первичные ассоциации — производственные, торговые, культурные, бытовые, территориальные и т. п. Место частной и государственной собственности займет групповая, а также собственность мелких товаропроизводителей. Недостаточная обоснованность концепций самоуправления проявляется уже в том, что ее сторонники остро полемизируют между собой даже по вопросу о том, какая организация должна выполнять функции «первичной ячейки». Одни из них говорят, что подобной ячейкой должен быть профсоюз. Другие, например Б. Перэ и Г Мюни, критикуя оппортунизм в профсоюзном движении, рассматривают любые профсоюзы как выражение реформистской тенденции в рабочем движении [99] и противопоставляют им заводские комитеты. По их мнению, профсоюзы, стачки — прошлый этап рабочего движения, когда рабочие были разбросаны по мелким мастерским. Профсоюзы с самого начала, считают они, несли в себе зародыши антидемократизма, а с 1914 г. они стали постоянными органами правительства. «Только заводской комитет ныне способен повести рабочих на приступ общества, так как, будучи сегодня революционной клеточкой, он представляет в то же время с самого своего создания клеточку социального организма будущего» [100].

Конечно, при известных обстоятельствах заводской комитет, являющийся организацией работников завода независимо от профсоюзной принадлежности, позволяет втянуть в борьбу и неорганизованные слои, преодолеть межпрофсоюзные барьеры и конкуренцию, нейтрализовать оппортунизм правых профсоюзов и тем самым сыграть положительную роль. Но из этого вовсе не следует, что заводской комитет способен заменить все другие

---

[99] *Peret B., Munis G.* Les syndicats contre la révolution. Paris, 1970, p. 26—31.

[100] Там же: Anarchici e anarchia. Torino, 1971, p. 449—450; *Ratgeb*. De la grève sauvage à l'autogestion généralisée, p. 57.

формы организации пролетариата, включая его политический авангард — марксистско-ленинскую партию, и стать революционной силой обновления общества.

Представители кооперативного социализма часто критикуют анархо-синдикалистскую модель самоуправления. Основное отличие модели самоуправления, предлагаемой Б. Лаверне, заключается в том, что потребители должны преобладать в системе управления предприятиями [101]. Он обвиняет анархо-синдикалистов в утопичности, утверждая, что «рабочие станут новыми капиталистами» [102], однако аналогичной утопичности своих проектов он не замечает.

Конечно, в концепциях самоуправления есть определенное демократическое содержание, поскольку они предполагают ликвидацию прежде всего крупной частной собственности, широкое участие трудящихся в управлении делами общества. Однако попытка осуществить эти концепции на практике неизбежно выявила бы их наиболее глубокие пороки. Известно, что целью капиталистического производства является получение максимальной прибыли. Сторонники концепции самоуправления не предусматривают ломки основ буржуазной системы, поэтому погоня за прибылью остается господствующим принципом производства. Автономия самоуправляющегося предприятия, преследующего получение максимальной прибыли, неизбежно приведет к регенерации пороков капитализма: хозяйственного хаоса, диспропорций, безработицы, инфляции, роста цен, острых социальных конфликтов и т. п. Не случайно В. И. Ленин называл анархистов идейными защитниками буржуазии в профсоюзном движении [103].

Ликвидирует ли эта система эксплуатацию? Нет, ибо предприятия, получающие сверхприбыли, будут по существу эксплуатировать рабочих других предприятий. Гарантирует ли эта система социальное равенство, справедливость? Нет, ибо за один и тот же труд рабочие различных предприятий будут получать неодинаковое вознаграждение. Исчезнет ли гнет при такой системе? Нет, так как ожесточенная конкуренция между пред-

---

[101] *Lavergne B.* Que penser de l'autogestion ouvrière? — L'année politique et économique, 1971, N 232—233, p. 115.

[102] Там же, с. 153—157.

[103] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 499.

приятиями будет давить на жизненный уровень рабочих, вынужденных идти на чрезмерные инвестиции и т. п., принцип производства ради производства в основном будет господствующим.

В условиях капитализма безудержное стремление капиталиста к выжиманию прибавочной стоимости встречает сопротивление со стороны организованных рабочих. Групповая же собственность скорее будет побуждать их к самоограничению, что отрицательно скажется на уровне их жизни. Важнейшим пороком этой системы является противопоставление интересов одних групп трудящихся другим; все это в совокупности создаст благоприятные предпосылки для реставрации капиталистической системы.

И наконец, можно поставить еще один вопрос: насколько самоуправление эффективно в качестве антиэтатического средства даже в своем идеальном варианте? Здесь уместно проанализировать концепции анархистов, в которых антиэтатизм является ключевой идеей.

Каким же представляется анархистам устройство подобного общества в целом? Как и следовало ожидать, здесь их пафос явно ослабевает. Они вынуждены признать, что «хотя много говорится о самоуправлении на уровне предприятия... однако до сих пор очень мало чего-нибудь было сказано об общей организации общества, основанного на принципе самоуправления»[104]. Дело в том, что многие анархисты предпочитают вообще умалчивать об устройстве подобного общества в целом, ибо чувствуют, что именно здесь исходные постулаты их концепций с наибольшей очевидностью расходятся с реальностью. Другие, уверовав во всемогущество первичных самоуправляющихся организаций, считают, что построение нового общества завершится созданием координационно-планирующих органов, которые будут осуществлять связь между автономными культурными, производственными и другими ассоциациями. Все иерархии упраздняются. Координационно-планирующие органы будут обладать правом только предлагать, советовать, но директивной силы эти советы иметь не будут[105]. Ины-

---

[104] Autogestion et socialisme, 1972, N 18—19, p. 58; *Gremien P.* La question du régime politique autorisant autogestion rester entier.— Projet (Paris), 1977, N 114, p. 406—414.

[105] *Dinello R., Meric P.* Théorie et pratique de la vie en communauté. Paris, 1972, p. 118.

ми словами, политическая надстройка, эта так ненавистная анархистам, выражаясь их словами, «искусственная политическая конституция», упраздняется.

Те из анархистов, которые более серьезно задумываются над самоуправлением в масштабе общества, по существу высказываются за сохранение многих элементов политической надстройки, основных механизмов общественной власти. Речь идет уже не об одном принципе — «снизу вверх», а двух — «снизу вверх» и «сверху вниз»[106]. На основе первого принципа происходит обсуждение проблем и принятие решений; на основе второго — выполнение принятых решений[107] Причем решения, принимаемые центральными организациями, обязательны к исполнению. И хотя здесь нет речи о принуждении, об органах власти, но говорится о необходимости «уважать решения», об ассоциациях, федерациях и т. п Тем не менее «абсолютная свобода» должна потесниться в пользу общественной необходимости.

Многие решающие элементы самоуправления остаются в тени. Каков должен быть размер федерации и как она связана с уровнем развития производительных сил? Каким образом обеспечивается «уважение решений», принятых центральными органами? Если самоуправление в масштабе всего общества невозможно и поэтому необходимо ограничиться федерацией[108], то как будут осуществляться связи между федерациями? Подобная незавершенность и противоречивость являются одной из характерных особенностей анархистской программы самоуправления.

Таким образом, движение за самоуправление в странах капитала — это сложное, многоплановое и противоречивое явление. Несомненно то, что оно является показателем кризиса системы частнособственнических отношений, буржуазной демократии и отражает рост рабочего и демократического движения. В то же время оно нередко несет на себе печать влияния буржуазии, пытающейся воспользоваться недостаточной организованностью рабочего класса, сравнительно низким уровнем классового самосознания некоторой части трудящихся

Согласно марксистской теории общественного разви

---

[106] Autogestion et socialisme, 1972, N 18—19, p. 59—60.
[107] Там же, с. 60—61.
[108] Там же, с. 69.

тия, фундамент подлинного общественного самоуправления закладывается только после победы социалистической революции, а его основу составляют власть рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством и общественная собственность на средства производства. По мере развития социализма развивается, совершенствуется система самоуправления, постепенно перерастающая в коммунистическое общественное самоуправление. Основными вехами его становления являются: государство диктатуры пролетариата — общенародное государство — коммунистическое самоуправление. Государство диктатуры пролетариата, как отмечал В. И. Ленин,— это уже полугосударство, ибо оно выражает господство большинства над меньшинством, трудящихся над бывшими эксплуататорами. Общенародное государство — следующий важнейший этап на пути его полного отмирания: оно уже не является орудием подавления одного класса другим и выражает интересы всех классов и слоев социалистического общества. Общенародное государство постепенно перерастает в коммунистическое самоуправление, которое после победы коммунизма во всемирном масштабе будет характеризоваться следующими чертами:

1. Неполитический характер управления, отсутствие его классовой обусловленности и направленности; наличие полной социальной однородности.

2. Главный метод управления — убеждение; отсутствие специального аппарата принуждения.

3. Повседневное и эффективное участие трудящихся в общественном управлении и контроле на всех уровнях, широчайшее развитие непосредственных форм демократии.

4. Депрофессионализация (в принципе) исполнения государственно-управленческих функций, что, в частности, предполагает выборность не только законодательных, но и исполнительных органов власти.

Марксизм определяет также и некоторые общие условия становления коммунистического самоуправления ликвидация социально-классовых различий, установление принципа распределения по потребностям, высокий уровень общественной активности и сознательности масс и т. д. Выдвигая и обосновывая научное понимание общественного самоуправления, коммунисты разоблачают утопичность анархистских и других буржуазных

концепций по данному вопросу. Марксисты стремятся направить демократические устремления сторонников самоуправления на путь действительно радикальных, революционных преобразований и построения социалистического общества, основанного на принципах научного социализма, в котором только и возможно беспрепятственное развитие подлинного самоуправления трудящихся.

5. «Соучастие в управлении» и борьба трудящихся за демократические преобразования

Большинство современных буржуазных идеологов утверждают, что собственность уже не является определяющим компонентом в системе общественных отношений, что доминанта находится теперь в сфере управления, где плюрализация экономической власти проявляется в двух формах: «революция управляющих» (Дж. Гэлбрейт, Дж. Бернхэм, Р. Дарендорф и др.) и «соучастие рабочих в управлении производством» (А. Пейрифит и др.). Так, один из сторонников концепции «революции управляющих», Д. Бернхэм, писал: «Мы переживаем период социального перехода... это переход от общества, называемого капиталистическим или буржуазным, к обществу менеджеров»[109]. «Мы больше не говорим о «капитале» и «труде», мы говорим о «менеджерах» и «труде». «Ответственность капитала» исчезла из нашего словаря вместе с «правами капитала», вместо этого мы слышим об «ответственности менеджера» и о «прерогативах менеджера»»[110],— отмечает П. Дракер. «...Власть от владельцев или их номинальных представителей в совете директоров переходит к администрации корпорации»[111],— утверждает Дж. Гэлбрейт. Подобных высказываний можно привести много, но суть их одна: собственники утратили экономическую власть, этой властью обладают теперь менеджеры — наемные управляющие.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо исходить из строго научного определения категории «собственность». Впервые всесторонний научный анализ этой

---

[109] *Birnhaum J.* The management Revolution. N. Y., 1941, p. 71.
[110] *Drucker P.* Practice of Management. L., 1970, p. 13.
[111] *Гэлбрейт Дж.* Экономическая теория и цели общества, с. 117.

категории дали классики марксизма-ленинизма. Они показали, что отношения собственности, являясь юридическим выражением всей системы производственных отношений, определяют ту конкретную форму, в которой развиваются производительные силы. Собственность «осуществляется только через само производство»[112]. Если речь идет о капиталистической собственности, то «в действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы»[113]. Для реализации отношений собственности немалое значение имеет их юридическое закрепление. Определяя сущность экономических отношений, отношения собственности в то же время детерминируют социально-классовую структуру.

В контексте данной работы особое значение имеет тот факт, что отношения собственности — это обеспечение и реализация общего приоритета интересов и инициативы одной из сторон (собственника) при решении прежде всего комплекса узловых вопросов использования объекта собственности независимо от того, решает эти вопросы собственник лично или через доверенных лиц. Здесь речь идет о буржуазной собственности.

Если, например, речь идет о собственности на средства производства (а нас интересует именно этот случай), то к числу таких кардинальных вопросов можно отнести: решение вопроса о сохранности объекта собственности; право собственника на увеличение капитала за счет присвоения прибавочной стоимости; его право на отчуждение (деление, продажа и т. п.) капитала; право на полную информацию (и коммерческую тайну); определение основного функционального назначения (главной цели) экономической деятельности; определение сферы вложения капитала; установление правил допуска рабочей силы к средствам производства и т. д.

Конечно, в зависимости от конкретных условий набор перечисленных кардинальных вопросов, при решении которых и проявляются отношения, «право» собственности, может меняться, как и удельный вес отдельных прерогатив собственника, поскольку его функции могут исполняться наемными лицами, менеджерами. Поэтому

---

[112] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 483.
[113] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 377.

необходим комплексный подход к определению характера отношений собственности. Буржуазия, уступая рабочим до определенной степени на одних направлениях, имеет возможность компенсировать эти уступки и компенсирует их за счет экспансии и усиления эксплуатации на других направлениях (например, повышение зарплаты компенсируется ростом цен, повышением производительности труда, его интенсификацией, увольнением рабочих и т. п.). Поэтому необходим именно комплексный подход к определению характера отношений собственности.

По мере развития капиталистического способа производства, усиления концентрации и централизации капитала возникла необходимость передачи многих функций управления высококвалифицированным специалистам — менеджерам; вначале управляющим были переданы, так сказать, «унтер-офицерские» функции низшего надзора, затем — управленческие функции среднего уровня и, наконец, часть высших функций. Таким образом, собственник во все большей мере освобождал себя от непосредственного исполнения функций управления. В соответствующей этому процессу мере он освобождался и от повседневной реализации отношений собственности. Но при этом он по-прежнему оставался собственником. Нет ли в этом противоречия? Как тогда понимать «отделение функций управления от функций собственности»?

Обеспечение и реализация общего приоритета интересов собственника включают в себя: 1) объективную обусловленность — хотя бы минимальное соответствие производственных отношений уровню развития производительных сил; 2) общие социальные гарантии — хотя бы минимальную общественную поддержку, юридические гарантии; 3) непосредственную реализацию отношений собственности в пределах всего круга вопросов использования объекта собственности; 4) реализацию прерогатив собственника — контроль за осуществлением отношений собственности.

Рассмотрим это положение более конкретно. Отношения собственности в широком смысле включают в себя социальные, юридические и другие гарантии. Известно, что юридические нормы являются выражением воли господствующего класса в целом. Следовательно, с этой стороны содержание отношений собственности определяется не данным отдельным собственником, а политиче-

ски господствующим классом и реализуется посредством разветвленного государственного аппарата. Не означает ли это «распыление» власти отдельного собственника? Напротив, его экономическая и политическая власть благодаря классовым гарантиям, закрепленным в законе, многократно усиливается.

Аналогично обстоит дело и при реализации отношений собственности в более узком смысле. Нет необходимости в том, чтобы собственник сам реализовал эти отношения на всех уровнях управления. Он вполне может основную массу функций не только технически-управленческих, но и «собственнических» передать менеджеру, например функцию дисциплинарного надзора в плане поддержания высокой интенсивности труда; функцию манипуляции неформальными связями в трудовых коллективах и т. п. Таким образом, казалось бы, чисто собственнические функции выполняет теперь менеджер.

Но хотя менеджер и выполняет ряд по существу собственнических функций, есть основания говорить и о разделении функций управления и собственности в узком смысле слова (п. 4), т. е. тех функций, которые выполняет непосредственно собственник. Функции собственности в этом смысле все больше сводятся к канонической форме — форме общего контроля за реализацией отношений собственности и получения львиной доли дохода. Только на монополистической стадии развития капитализма функция собственности выделяется в «чистом» виде.

Вычленение функций собственности при капитализме происходит в форме отделения функции собственности от функции управления не только в рамках акционерного общества. Земельный собственник при капитализме часто совершенно устраняется от участия в управлении сельскохозяйственным производством, и все экономическое содержание земельной собственности сводится к присвоению земельной ренты землевладельцем. Значительная часть капиталистов, как в свое время отмечал К. Маркс, становится чистыми собственниками, чистыми денежными капиталистами [114], т. е. самоустраняется от активного участия в организации производства, передавая заботу о нем в руки других капиталистов (например, банкиров) и менеджеров.

---

[114] См. там же, с. 479.

Но подобное «усечение» некоторых аспектов функций собственности не означает, что в целом буржуазия сходит со сцены, уступает свою власть или что капиталистические отношения собственности сводятся только к получению доходов. Основное содержание собственности остается неизменным: класс буржуазии по-прежнему контролирует выполнение «правил игры», которые обеспечивают функционирование экономики на частных началах и в интересах прежде всего этого класса.

Когда частный предприниматель, буржуа привлекает к реализации функций управления и отношений собственности армию менеджеров, то формально и по видимости он распыляет свою власть. Но в действительности он ее многократно усиливает, т. е. хотя менеджеры и становятся причастными к власти, однако социальная направленность их действия строго ограничена целью обеспечения интересов работодателя-капиталиста, от которого они находятся в тесной зависимости: по отношению к нему менеджер не приобретает никакой власти, и, естественно, никакой «революции управляющих» не происходит. Власть капиталиста не распыляется, а усиливается, подобно тому как десятикратное увеличение войска не распыляет, а десятикратно усиливает власть военачальника.

Это не дает оснований отрицать факт относительного возрастания «социального веса» менеджеров. Вследствие высокого уровня концентрации и централизации капитала, усложнения производства и его организации, расширения сферы управления собственники вынуждены были привлекать менеджеров к исполнению функций управления не только низшей и средней, но и высшей квалификации. При этом они наделяли их соответствующей властью: ведь в повседневных отношениях с рабочими и конкурентами менеджер действует от лица капиталиста, чьи интересы он представляет и отстаивает.

Как отмечает Н. М. Кейзеров, «само осуществление функции власти дает для ее носителя определенные преимущества»[115]. Действительно, среди прочих преимуществ менеджер получает очень высокое вознаграждение, использует в личных интересах контакты с капиталистом, во всех вопросах он информирован гораздо лучше дру-

---

[115] *Кейзеров Н. М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1977, с. 218.

гих работников и т. п. Но не ведет ли это к потере собственником экономической власти?

Существует немало примеров личного обогащения управляющих, выступающих в качестве представителей своих господ: управляющие помещичьих хозяйств, которые порой «съедали» своих бывших хозяев; менеджеры, скупающие на льготных условиях акции фирмы своего работодателя и становящиеся крупными ее соучастниками. История знает много подобных случаев, но не знает случая, чтобы где-нибудь произошла «революция управляющих». Действительные революции происходят только путем захвата политической власти прогрессивным классом с последующим изменением отношений собственности.

Чрезвычайно ответственные функции управления, казалось бы, естественно должен выполнять сам собственник. И было время, когда он это делал. Сегодня высшие менеджеры столь активно соучаствуют в выполнении этих функций, что вполне может создаться впечатление, что именно они обладают всей полнотой власти. Однако в действительности это совсем не так. Высший менеджер — общественный двойник собственника, но его поведение в решающих параметрах определяется той программой, которую выработал его работодатель.

Менеджер решает сложные задачи с учетом самых разнообразных динамично меняющихся факторов: социальных, технических, экономических и т. п. Это задачи зачастую со многими неизвестными, но для менеджера всегда известно одно: при решении любых задач он должен обеспечить приоритет интересов капиталиста, которому он служит [116]. Этому решению должны подчиняться менеджеры, и отменить его они не в силах. Менеджер может решать вопрос о закрытии филиала, понижении цен и т. п., но исходя из интересов хозяев предприятия. Весьма характерное признание на этот счет делает Дж. Гэлбрейт. Он отмечает, что «основным способом, позволяющим техноструктуре оградить процесс принятия решений от владельцев и кредиторов, является обеспечение определенного уровня доходов», или «до тех пор пока

---

[116] *Бунин И., Вайнштейн Г.* Еще раз о проблеме власти в современных корпорациях.— Мировая экономика и международные отношения, 1978, № 11, с. 86.

фирма делает деньги, власть техноструктуры абсолютна»[117].

Капиталист, таким образом, не потерял свою власть. Он контролирует выполнение менеджерами высших функций управления, часть которых выполняет сам: принимает устав акционерного общества, решает некоторые узловые вопросы (о слиянии отдельных фирм и т. п.), кадровые вопросы: назначает и сменяет менеджеров. Он по прежнему полновластный собственник[118].

Конечно, в акционерном обществе форма реализации права собственности претерпела значительные изменения. Появились дополнительные внутриклассовые ограничения этого права (не случайно К. Маркс говорит об акционерном обществе как об упразднении капиталистического способа производства в пределах самого капиталистического способа производства)[119]. Акционер не может запустить руку в карман корпорации, как это он мог бы сделать, будучи единоличным частным собственником. Далее, при решении каких-либо вопросов на собрании акционерного общества он может оказаться в меньшинстве, и его мнение не будет учтено. Не всегда акционер может выполнять функции управляющего — его могут и не избрать на эту должность.

Буржуазные идеологи считают, что пассивность акционеров, особенно мелких, которая иногда проявляется на собраниях акционеров, свидетельствует о всесилии менеджеров и падении власти собственников. Но это поверхностный подход, не отражающий сути дела. Во-первых, отношения собственности воспроизводятся всей системой капиталистических отношений. Обсуждение частных деталей, тех или иных решений для акционеров не имеют существенного значения. Во-вторых, высшие менеджеры[120] не в меньшей степени заинтересованы в процветании корпорации, чем сами собственники. Им можно доверять, тем более что их всегда можно контролиро-

---

[117] *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества, с. 70, 128.

[118] См. *Беглов И. И.* Собственность и власть. М., 1971, с. 104—109.

[119] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 25, ч. I, с. 481.

[120] Высшие менеджеры являются по существу частью господствующего класса, об этом свидетельствуют их ориентации, очень высокие доходы, связи, влияние, короче говоря, их коренные материальные интересы.

вать. В-третьих, и это главное, мелкие акционеры убеждены, что их голос (как и на политических выборах) мало что значит. Они не без основания считают, что основные вопросы уже решены за кулисами высшими менеджерами и держателями контрольного пакета акций, которые никогда не ведут себя пассивно.

Мелкий акционер может уверовать в общность своих интересов и интересов заправил компании и довольствоваться тем, что за него кто-то думает; получая мизерный доход, он не всегда вникает в дела фирмы; кроме того, он может оказаться недостаточно компетентным и т. д. В конечном счете пассивность мелких акционеров отражает концентрацию власти в руках олигархии.

Ссылки на возрастание удельного веса и роли менеджеров в системе управления капиталистической экономикой не единственный аргумент апологетов капитализма для доказательства наличия «революции управляющих». Не менее часто они ссылаются на такие изменения современного капитализма, якобы вызванные этой революцией, как преимущественная ориентация корпораций не на прибыль, а на долгосрочную перспективу, бóльшая чуткость менеджеров к возникающим социальным проблемам и т. п.

В действительности новые явления в развитии современного капитализма получают в концепциях буржуазных идеологов искаженное отражение. Апологеты монополий спекулируют на временнóм совпадении разделения функций управления и собственности с другими изменениями в современном капитализме: повышением роли программирования, появлением определенных возможностей осуществлять контроль над рынком, использованием более гибких методов получения прибыли, возрастанием роли науки и т. д. Конечно, в этих условиях нередко именно менеджеры наиболее последовательно выражают потенции современного капитализма. Это служит порой причиной столкновения их с собственниками, но к революции это не имеет никакого отношения. Ориентация менеджеров на долгосрочные цели, проведение ими более осторожной и гибкой тактики говорят о том, что их компетенция служит наиболее эффективным средством реализации интересов буржуазии.

Таким образом, основной тезис, касающийся соотношения функций управления и собственности, сегодня так же верен, как и вчера: управление является произ-

водной от собственности. К. Маркс в «Капитале» отмечал: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием,— наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала...» [121]

Столь же несостоятельны попытки буржуазных идеологов представить в качестве радикального варианта плюрализации экономической власти различные модели «соучастия» рабочих в управлении производством. Проблема участия трудящихся в управлении производством находится в центре современной политической и идеологической борьбы [122]. Под мощным напором рабочего и демократического движения правительства многих капиталистических стран вынуждены были согласиться на принятие законов, подтверждающих соответствующие права трудящихся. С 1970 по 1978 г. законодательство о соучастии было введено в семи европейских странах. Например, после известных событий 1968 г. тогдашний президент Франции Ш. де Голль объявил, что страна избрала «третий путь» развития, главной чертой которого является участие трудящихся в управлении. В заявлении правительства ФРГ от 18 января 1973 г. говорилось: «Развитие соучастия мы рассматриваем как одну из своих главных задач. В нем мы видим историческую предпосылку тех реформ, которые в своей сумме сделают возможным создание свободного социального государства» [123]. В связи с этим в странах капитализма разрабатываются различные «модели» соучастия как в рамках отдельных государств, так и в международном масштабе. Европейский парламент, например, признает, что «экономическая, социальная и политическая солидарность Европы немыслима без удовлетворительного участия наемных

---

[121] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 344.

[122] См., например, *Жарков Б. Н.* и *др.* Важное направление классовой борьбы. М., 1970; Рабочий коллектив и коллективные договоры на современном капиталистическом предприятии. М., 1972; *Чугунко В. М.* Производство, демократия, идеологическая борьба. М., 1976; *Андрейченко Г В.* Борьба трудящихся Франции за участие в управлении производством и ее освещение в буржуазной социологии. М., 1976; *Лапина Н. Ю.* Левые силы Франции и проблемы демократизации управления экономикой.— Рабочий класс и современный мир, 1979, № 6, и др.

[123] *Weiss D.* Pouvoir syndical et esprit d'entreprise.— Revue française des affaires sociales (Paris), 1976, N 1, p. 74.

работников в жизни предприятия»[124]. Президент итальянской Конфиндустрии Дж. Аньели заявил, что управление делами производства стало сегодня «плюралистическим и демократическим»[125]. Все они не прочь поспекулировать на «плюрализме участия», однако положительную оценку с их стороны получает только такой плюрализм, который служит установлению классового мира[126].

Большое внимание проблеме участия уделяют компартии капиталистических стран. Например, на проходившем в 1980 г. симпозиуме девяти компартий Западной Европы было подчеркнуто, что хотя «подлинное участие в управлении производством невозможно в рамках капитализма, где политическая и экономическая власть находится в руках монополий»[127], однако борьба за расширение рабочего контроля является важной составной частью борьбы рабочего класса.

Важнейшим аспектом проблемы участия трудящихся в управлении производством выступает определение его пределов. Чтобы более четко представить границы соучастия, необходимо раскрыть содержательную сторону отношений собственности.

Характеристику качественной ограниченности института «соучастия» (в данном случае речь идет о варианте, предполагающем допущение рабочих к управлению на правах младшего партнера, и правооппортунистическом, претендующем максимум на паритет «социальных партнеров») можно начать с того факта, что различные его модели базируются на так называемом «рыночном хозяйстве». Поэтому соучастие мало ослабляет те жесткие требования, которые капиталистический рынок предъявляет к производству и рабочей силе. Капиталистический рынок обусловливает погоню за прибылью и борьбу за выживание независимо от того, участвуют или нет рабочие в управлении предприятием.

Ожесточенная конкуренция требует всевозрастающих затрат на техническую модернизацию производства, что, с одной стороны, часто ведет к искусственному ускоре-

---

[124] Mitbestimmungsgespräch. Dusseldorf, 1976, N 2, s. 24.

[125] *Weiss D.* Pouvoir syndical et esprit d'entreprise.— Revue francaise des affaires Sociales, 1976, N 1, p. 74.

[126] Mitbestimmungsgespräch. Dusseldorf, 1975, N 7, s. 110; *Desvigne M.* Demain participation. Paris, 1977, p. 16—18.

[127] Цит. по: *Косенко О. И.* Производственная демократия: факты и вымыслы, с. 7—8.

нию морального старения и недоиспользованию производительных сил, а с другой — оказывает негативное воздействие на уровень жизни трудящихся. Капиталистическое производство обусловливает необходимость технической, финансовой, коммерческой тайны, что, естественно, резко ограничивает возможности любого «соучастия», ибо, как писал В. И. Ленин, «без отмены коммерческой и банковой тайны, без немедленного издания закона об открытии торговых книг для рабочих союзов, все фразы о контроле и все проекты контроля — пустейшая словесность»[128]. Капиталистический рынок стихийно порождает ситуации, в которых большую роль играет фактор случайности. Это приводит к необходимости часто и быстро менять тактику фирмы, что также значительно ограничивает возможности действенного контроля. Капиталистический рынок с его ожесточенной конкуренцией, неустойчивостью конъюнктуры, безработицей ослабляет заинтересованность трудящихся в делах той фирмы, в которой они работают. Следовательно, он ставит объективно непреодолимые в его рамках препятствия для осуществления подлинного участия трудящихся в управлении производством, жестко устанавливает предельные границы «соучастия». На практике такое «соучастие» превращается в самоограничение рабочих, на что также делает ставку буржуазия.

Следует также отметить дифференцированный подход буржуазии к «соучастию» в зависимости от значимости встающих задач. Она больше склонна демонстрировать готовность к сотрудничеству при решении второстепенных вопросов там, где выбор решения объективно ограничен, где уступки со стороны буржуазии не затрагивают по существу отношений собственности, где капиталистам выгодно передать рабочим решение каких-либо вопросов[129]. Поэтому предприниматели часто соглашаются на «соучастие» рабочих в решении таких вопросов, как определение графика отпусков, руководство социально-бытовыми учреждениями — библиотеками, детскими садами и др. Капиталисты также нередко передают рабочим решение некоторых вопросов рационализации производства, экономии ресурсов, управления кассами взаи-

---

[128] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 393.

[129] См. *Косенко О. И.* Производственная демократия: факты и вымыслы, с. 36, 40—42, 47—49.

мопомощи, перевозки рабочих на работу и домой, определения мест стоянок личных автомобилей и т. п. В. И. Ленин в свое время отмечал, что подобный подход капиталистов к «участию» рабочих в управлении свидетельствует о том, что буржуазия рассчитывает возложить на них ответственность, не давая им власти [130].

Однако гораздо меньше готовности к сотрудничеству с рабочими буржуазия проявляет на более высоких уровнях управления, когда речь идет об определении стратегии фирмы: инвестиционной, технической политике, политике цен, решении вопросов о закрытии и переводе предприятий, слиянии фирм и т. п. Именно по этим узловым направлениям буржуазия оказывает наиболее ожесточенное сопротивление. Здесь она предпочитает не говорить о «равенстве возможностей», а нередко открыто выступает против вмешательства трудящихся. «Демократизация управления экономикой так же бессмысленна, как демократизация школ, казарм и тюрем» [131],— говорится в органе предпринимателей ФРГ «Индустрикурир». В газете содержатся также заявления о «нетерпимости парламентского стиля в руководстве предприятиями».

Нередко предприниматели подчеркивают, что вмешательство трудящихся в решение узловых вопросов управления экономикой создает прямую угрозу главному устою капитализма — отношениям собственности и является «холодной революцией».

Подобный подход к вопросам участия трудящихся в управлении производством служит опровержением мифа о плюрализме и рассеивании власти в условиях капитализма, ибо обнаруживает непримиримость интересов буржуазии и рабочего класса, невозможность действительного участия трудящихся при капитализме в решении важнейших производственно-экономических вопросов и стремление буржуазии к монопольному их решению. Непримиримость классовых интересов обусловливает стратегическую линию буржуазии: максимально ограничивать участие трудящихся в управлении экономикой [132], а в тех случаях, когда оно в силу тех или иных причин

---

[130] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 108—110.

[131] Цит. по: Рабочий класс и современный мир, 1975, № 5, с. 167.

[132] А ведь важнейший постулат плюрализма — участие в решении вопросов всех людей, которых эти решения касаются.

становится необходимым, направлять его в русло классового «партнерства»[133].

Спекулируя на идее соучастия, буржуазия не забывает использовать широко разветвленную систему ограничительных мер в интересах своего класса. Это можно проследить, например, на институте представительства рабочих в органах управления производством. Здесь нет нужды говорить о тех притеснениях, которым подвергаются демократические профсоюзы в странах капитала. Остановимся на органах смешанного участия.

Во-первых, далеко не во всех капиталистических странах трудящиеся имеют право участвовать в органах, принимающих решения. Например, в Англии, Бельгии, Ирландии и других странах такая форма участия в частном секторе отсутствует. В Бельгии в государственном секторе трудяшиеся незначительно представлены лишь в нескольких компаниях, в Люксембурге трудящиеся представлены в органах, принимающих решения, только на трех государственных предприятиях. Никакого представительства трудящихся в руководящих органах предприятиями нет в частном секторе Италии и т. д.

Во-вторых, ни в одной из капиталистических стран, в которых трудящиеся участвуют в органах, принимающих обязательные решения по основным вопросам производства, рабочие не составляют даже половины членов этих органов. Например, в ФРГ, где рабочие добились определенных успехов в борьбе за участие в таких органах, 18 марта 1976 г. под давлением правых сил был принят законопроект, не обеспечивающий паритетного участия, ибо в наблюдательный совет от рабочих и служащих предприятия обязательно входит один руководящий служащий. Кроме того, председатель наблюдательного совета не может быть избран против воли капиталовладельцев.

В-третьих, законодательство о рабочем представительстве в капиталистических странах имеет ряд ограничений: оно распространяется, как правило, на крупные предприятия, на компании определенного вида, а в некоторых странах только на предприятия определенных отраслей промышленности.

---

[133] А. Пейрефит рассматривает участие в управлении производством как средство преодоления старого антагонизма между социализмом и капитализмом (см. *Чугуенко В. М.* Производство, демократия, идеологическая борьба. М., 1978, с. 80).

В-четвертых, большинство органов, в которых участвуют трудящиеся,— совещательные, вообще не имеющие права выносить обязательные решения либо имеющие ограниченное право участия в решении второстепенных вопросов.

Можно сослаться и на целый ряд других ограничений. Например, от представителей трудящихся, участвующих в органах, принимающих обязательные решения, требуют защищать интересы фирмы, хранить коммерческую тайну, способствовать поддержанию «социального мира» на предприятии. Тем самым они в значительной степени изолируются от трудящихся, и эта изоляция подкрепляется высокими окладами, неформальными связями в системе истеблишмента, в ряде случаев требованием выхода из профсоюза и т. п. Во многих случаях права представителей рабочих гарантированы недостаточно. Предприниматели постоянно ищут повод для их дискредитации и изоляции, стремятся использовать рабочее представительство как «буферную иерархию», «клапан» для отвода энергии масс.

В существующих органах управления капиталистическими предприятиями большое внимание уделяется финансовым вопросам. Представители рабочих, не имея достаточных знаний в этой области, попадают под влияние других членов наблюдательного совета [134]. Если представители рабочих выражают собственное мнение по какому-либо вопросу, выдвигают свои требования, то управляющие либо декларируют «сочувствие», «понимание», не принимая на практике никаких мер, либо создают комиссии (где рабочие не представлены) для «рассмотрения вопроса». Многие важные решения вообще принимаются на неофициальных заседаниях совета, куда представители рабочих, как правило, не приглашаются. Преобладающую роль в советах обычно играет председатель, который никогда не является представителем рабочих.

Характеризуя европейское законодательство о представительстве рабочих, сотрудник Варвикского университета Е. Бэтстон пишет: «Они обычно признают демократическое право рабочих участвовать в разработке основной стратегии компании, но в то же время ограни-

---

[134] См. *Косенко О. И.* Производственная демокра. вымыслы, с. 19—20.

чивают это право. Они признают, что рабочие должны влиять на совет, но это влияние ограничивается. Они признают, что рабочие должны получать информацию и понимать стратегию компании, но распространение информации органиченно»[135].

Словом, буржуазия поступает в соответствии с рецептом, согласно которому рабочим надо дать больше возможностей проявить инициативу, однако последнее слово должно оставаться за руководителем фирмы[136].

Однако все сказанное не дает оснований умалять результаты борьбы рабочего класса за участие в управлении экономикой. Коммунисты понимают, что движение за демократизацию сферы управления экономикой не случайное явление. Оно связано с глубокими изменениями и в развитии производительных сил современного капитализма, и в социально-политической структуре буржуазного общества, и в расстановке и соотношении классовых сил. Оно отражает углубление общего кризиса капитализма.

Движение за участие отражает противоречие между объективно возросшим уровнем классового самосознания трудящихся и их угнетенным положением в системе капиталистических отношений. Известно, что первая научная система менеджмента — система Ф. Тейлора — полностью игнорировала человеческий, субъективный компонент в системе производственных отношений. Рабочий, согласно Тейлору, реагирует только на экономические стимулы, на жесткие наказания — это атом, живущий вне коллектива. Тейлор возводил непроходимую стену между рабочими и менеджерами: первые не проявляют никакой инициативы, вторые — манипуляторы. Поэтому ни о каком соучастии рабочих в управлении не могло быть и речи.

Однако успехи строительства социализма в нашей стране, подъем рабочего движения в странах капитала привели к быстрой девальвации «философии менеджмента». Теория Тейлора уступила место теории и практике «человеческих отношений». Эта теория является одним из первых вариантов «участия» рабочих в делах предприятия. Ее основная цель — внушить рабочим, что они

---

135 *Batstone E., Davis P.* Industrial democrasy, European experience. L., 1977, p. 74.

136 Worker's participation, p. 19.

равноправные партнеры, которых уважают, с которыми считаются, и тем самым смягчить остроту классового антагонизма. Новая система учитывает более широкий спектр запросов рабочих: социальные, моральные, творческие, эстетические и др. Учитывается также тот факт, что рабочий — член трудового коллектива, который зачастую оказывает на него большее влияние, чем формальные организации. Исходя из этого ставится задача: использовать для влияния на рабочего весь спектр его интересов, все многообразие его социальных связей — через неформальных лидеров в рабочих коллективах, через близких, родных, знакомых и т. п. «Для создания жизнеспособных общин,— писал Д. Белл,— индивиды должны иметь чувство участия и контроля над событиями, которые оказывают воздействие на их жизнь. Именно к этой центральной проблеме мы поворачиваемся сегодня»[137] Всеми способами создается видимость демократических отношений: примерный работник приглашается на завтрак с хозяином; на контрольных часах отмечается время прибытия на работу всех без исключения, включая директора; организуются встречи администрации с работниками, поздравления по случаю дня рождения и других важных событий в семье, семейные экскурсии и пикники, дни открытых дверей и открытых высказываний и т. д.

Многие предприниматели ожидали значительного эффекта от новой тактики. Д. Моро-Висконти, бывший генеральный секретарь итальянского «Центра по человеческим отношениям», утверждал, что, в случае если «человеческие отношения» получат повсеместное распространение, то «не будет иметь значения, чьей собственностью является предприятие»[138]. Однако подобным надеждам не суждено было сбыться.

В результате активной борьбы трудящихся соучастие в странах капитализма имеет тенденцию из формального превращаться в реальное. В основном оно осуществляется в таких формах, как коллективные договоры; участие в смешанных совещательных органах; участие в органах, принимающих обязательные решения; так называемое

---

[137] *Bell D.* Toward a Communal Society.— Anatomies of America. L., 1969, p. 5.

[138] Цит. по: Новые формы эксплуатации и рабочее движение. М., 1960, с. 128.

финансовое участие (в капитале). Коллективные договоры, заключенные на разных уровнях (предприятие, корпорация, отрасль), являются важнейшим способом осуществления влияния трудящихся на решение разнообразных вопросов.

В 70-х годах во многих капиталистических странах наблюдалось дальнейшее расширение содержания коллективных договоров. Например, значительные успехи в этом плане достигнуты в Италии, где в коллективные договоры на уровне предприятий и компаний помимо традиционных пунктов (продолжительность рабочего времени, оплата труда и т. п.) включаются такие важные пункты, как распределение капиталовложений, гарантии занятости. Например, в коллективном договоре (от 1 мая 1976 г.), заключенном профсоюзом металлистов с отраслевым объединением частных предприятий, рабочим удалось добиться определенных успехов не только в отношении условий труда, но и в плане контроля за капиталовложениями, децентрализацией производства, использованием рабочей силы. Определенные возможности для расширения влияния трудящихся Швеции дает закон о соучастии, действующий с 1 января 1977 г.

Успехи трудящихся в борьбе за участие в управлении производством вызывают усиление сопротивления со стороны монополистической буржуазии. Наряду с прямыми ограничениями правящие круги все чаще прибегают к методам реформизма, призванным свернуть рабочее движение на путь «экономизма» и классового сотрудничества. При этом «монополистический капитал стремится превратить вырванные у него уступки в «золотые цепи», приковывающие трудящихся к системе эксплуатации»[139]. Он «пытается насаждать иллюзии, будто все, к чему стремятся трудящиеся, может быть достигнуто без революционного преобразования существующего строя»[140].

В этих условиях особое значение приобретают усилия коммунистов, направленные на формирование классовой ориентации борьбы трудящихся за участие в управлении экономикой. Коммунисты исходят из того, что активная борьба за участие в управлении экономикой — важный показатель высокого уровня зрелости рабочего движе-

---

[139] Коммунист, 1971, № 15, с. 17

[140] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 300.

ния. Нужно иметь в виду, что буржуазия, борясь за свои интересы, маневрирует, разрабатывает новые технические приемы. Поэтому для закрепления и развития завоеваний рабочих необходимо их непосредственное участие в процессе выработки экономической стратегии на всех уровнях. Это дает возможность систематизировать широкий круг выдвигаемых требований, получать необходимую дополнительную информацию о деятельности монополий и тем самым значительно сокращать возможности для их маневрирования. Острие борьбы рабочих обращается уже не против последствий политики монополий, а против самой политики, что усиливает наступательный характер классовой борьбы. Расширяя кругозор рабочих, участие в управлении экономикой способствует сближению экономической и политической форм борьбы

Необходимо учитывать также, что предприятие попрежнему остается важнейшим бастионом буржуазии, где власть хозяина наиболее прочна. Поэтому буржуазия стремится внедрять выгодные ей стереотипы в сознание трудящихся, нужное ей понимание общественных отношений, свою идеологию прежде всего на своем предприятии. Это очень важно учитывать, поскольку на предприятии решаются не только производственные, но и многие социальные вопросы: организация досуга, повышение квалификации, жилищные проблемы и т. п. Вместе с тем предприятие — это основная сфера воспитания и классовой закалки трудящихся, ибо именно здесь классовый антагонизм проявляет себя в наиболее четкой форме. В силу этих причин марксисты придают исключительно большое значение борьбе трудящихся масс за участие в управлении производством в капиталистических странах [141].

Практика борьбы трудящихся масс за участие в управлении экономикой, разумеется, не вмещается в рамки либерального плюрализма, ибо очевидно, что «капитал не может допустить и никогда не допустит реального участия трудящихся в решении производственных и общественных дел» [142]. Однако лозунг «участия в управлении», наполняясь пролетарским содержанием все боль-

---

[141] Programm der Deutchen Kommunistischen Partei.— Unsere Zeit, 1977, 9 Dez., N 285, s. 11—61; The Britich road to socialism. Programme of the Communist Party. L., 1978, p. 41.

[142] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 2. М., 1973, с. 370.

ше направляется против основных устоев капитализма.

Таким образом, разнообразные концепции «экономического плюрализма» отражают попытки буржуазии использовать некоторые новые явления в развитии современного капитализма для расширения возможностей социального маневрирования. Характерно, что даже многие из тех факторов, которые, казалось бы, играют временно амортизирующую роль, создают более благоприятные предпосылки для социалистической революции.

К числу важнейших подобных факторов относится научно-техническая революция. В частности, рост производства дал в руки буржуазии некоторые дополнительные возможности социального маневра путем материальных уступок трудящимся массам. Буржуазные идеологи постоянно спекулируют на этом факте, заявляя о приобщении пролетариата к частной собственности, его «интеграции» в систему капиталистических отношений и т. д. Они утверждают, например, что в отличие от времен Маркса рабочему теперь есть что терять. Подобные формулы, поверхностно отражая изменения, происшедшие в положении рабочего класса, по существу имеют спекулятивный характер. Когда в «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс говорили о том, что «пролетариям нечего в ней терять (в революции.— *В. И.*) кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» [143], то они в образной форме выражали мысль о том, что если при капитализме рабочий лишен собственности на основные средства производства, политической власти со всеми вытекающими отсюда последствиями, то, напротив, после социалистической революции его положение коренным образом изменится, он станет полным хозяином положения. Ясно, что и сегодня, несмотря на утверждения буржуазных идеологов о «распылении» частной собственности, эта мысль так же верна, как и прежде.

Даже в наиболее богатых капиталистических странах десятки миллионов людей живут в нищете, страдают от безработицы, неуверенности в завтрашнем дне, в то время как недоиспользуются огромные созидательные возможности, колоссальные средства тратятся на угрожающую всему человечеству гонку вооружений.

Как известно, потенциальные возможности научно-технической революции еще далеко не использованы. Но

[143] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 459.

уже и сегодня она создает новые объективные предпосылки для расширения классовой борьбы. Тот факт, что буржуазия вынуждена чаще идти на уступки рабочему классу, способствует формированию у него уверенности в своих силах, придает наступательный характер его борьбе. Растет активность, организованность, сознательность рабочего класса, расширяются масштабы и совершенствуются методы его борьбы, повышается уровень выдвигаемых требований. В условиях роста неустойчивости политической системы господствующих классов, усиления кризисных явлений в экономике все это грозит глубоким потрясением устоев буржуазного общества.

Дальнейшее обострение противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения при капитализме обусловливает тенденцию к повышению роли государства в экономике. Это в известной мере способствует временному увеличению темпов роста производства. Однако сам факт возрастания экономической мощи государства наносит сильнейший удар по идее незыблемости буржуазной частной собственности. Для буржуазии опасность возрастания роли государства усугубляется также все более активным стремлением масс к установлению подлинно демократического контроля над деятельностью государственного сектора экономики, всех государственных институтов. И, как показал самый глубокий за послевоенное время кризис 1974—1975 гг. с последующим застоем в экономике, данный резерв капитализма близок к своему исчерпанию.

В условиях научно-технической революции буржуазия нередко заинтересована в использовании «участия» рабочих в управлении предприятиями. Это дает определенный экономический и классово-амортизационный эффект. Однако если проследить историю борьбы за демократизацию сферы управления экономикой, то станет очевидным углубление выдвигаемых рабочими требований. Нередко речь идет по существу о прямом вмешательстве рабочих в сферу отношений частной собственности. Пока что буржуазия еще имеет возможности для маневра — где-то она уступит, где-то возьмет реванш. Но борьба переносится на поле буржуазии. Логично предположить наступление такого момента, когда для нее будут исчерпаны возможности маневрирования. Тогда она либо попытается отбросить рабочее движение назад,

а это повлечет за собой решающее классовое столкновение, либо вынуждена будет сдать свои позиции.

Таким образом, усиление попыток буржуазии приспособиться к современным условиям не приводит к стабилизации капитализма. Кризис капитализма продолжает углубляться [144], и поэтому даже те факторы, которые временно смягчают ситуацию, в конечном счете способствуют созданию более благоприятных предпосылок для социалистической революции.

---

[144] См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

Глава II

Социальный плюрализм

1. Буржуазные концепции «групповой динамики»: апология социальных контрастов

Согласно мнению плюралистов, «диффузия собственности», «революция управляющих», «участие» рабочих в управлении и «революция доходов» привели к тому, что социально-экономические различия людей, связанные с их отношением к собственности, перестали быть доминирующими. Результатом этого явилось распадение классов на страты — различные социальные слои, образующиеся по каким-либо частным признакам: доходу, престижу, профессии, образованию, месту жительства, полу, национальной принадлежности и т. д. В свою очередь процесс образования страт, считают плюралисты, послужил основой для возникновения «групп интересов», или «групп давления». Таким образом, если «стратификационная сетка» отражает как бы социальную статику общества, то теория «групп давления» описывает его динамику.

Буржуазные идеологи уделяют большое внимание изучению различных общественных слоев, групп, организаций. Ими предпринимаются попытки создания общей теории конфликта [1]. В процессе этих исследований накоплен богатый материал, который представляет определенный интерес. В то же время общая методология и классовая направленность буржуазных теорий стратификации и групповой динамики, создаваемых на основе этого материала, заслуживают серьезной критики.

Так, согласно мнению плюралистов, развитие общества есть результат воздействия множества независимых друг от друга, равноправных факторов: биологических, географических, социальных, экономических, военных и т. п. Другой формой многофакторного плюрализма является наличие множества концепций примитивного

[1] *Alum P.* La constitution écrite: les groupes de pression. Veltro. Roma, 1979, A. 23, p. 65—82; *Krusmansky H. J.* Sociologie des Konflictes. Hamburg, 1971.

монизма, когда все многообразие форм и законов общественного развития сводится к действию какого-то одного фактора, например экономики, «национального духа», полководцев, бога и т. д. Не вдаваясь подробно в критику подобных концепций, отметим, что их главный методологический порок заключается в полном отрицании классов и классовой борьбы и их решающего влияния на систему общественных отношений.

На чем же спекулируют буржуазные идеологи, отвергающие марксистское учение о классах и классовой борьбе? Во-первых, на усложнении механизма эксплуатации трудящихся в условиях современного капитализма. Хотя, как мы видели, здесь по существу не произошло ни рассеивания собственности на основные средства производства, ни «революции управляющих», а для участия трудящихся в управлении экономикой по-прежнему существуют классовые барьеры. Активное социальное маневрирование буржуазии в значительной мере тормозит процесс созревания пролетарского классового сознания. Уменьшение доли физического труда психологически может восприниматься обывателем как известное облегчение гнета капиталистической эксплуатации. Этому же способствуют более быстрые по сравнению с довоенным периодом темпы роста зарплаты и т. д. Однако по существу все это создает лишь видимость исчезновения классовых антагонизмов, ибо, например, повышение зарплаты, не говоря уже о том, что оно является результатом ожесточенной классовой борьбы, сопровождается еще более быстрым ростом прибылей, а следовательно, усилением эксплуатации рабочих.

Во-вторых, для спекуляций используется факт усложнения социальной структуры современного буржуазного общества, усиление общественного разделения труда и увеличение количества и разнообразия профессий, в некоторых случаях рост численности промежуточных слоев, возрастание доли отраслей нематериального производства и т. д. Конечно, тот факт, например, что между рядовым рабочим и главой крупнейшего концерна стало значительно больше промежуточных социальных ступеней, в определенной мере затрудняет осознание всей глубины пропасти между крайними полюсами. Однако наличие большего количества промежуточных состояний не ведет к уменьшению социальной дистанции между рабочим и капиталистом. Аналогично, скажем, увеличение

числа рабочих профессий вовсе не означает распада рабочего класса и т. д.

Далее, рост уровня потребностей, разнообразия интересов и форм жизнедеятельности является одной из причин образования «групп интересов». Этому обстоятельству способствует также известное увеличение продолжительности свободного времени как результат классовой борьбы трудящихся за свои права. Вследствие этого во внепроизводственной сфере возникло множество разнообразных групп — туристических, спортивных, коллективов художественной самодеятельности, научно-технического творчества, общественных организаций и т. д. Одним из важных стимулов их образования является естественное стремление людей удовлетворить потребность в общении, общественном признании (что особенно актуально на фоне углубления кризиса буржуазной морали). В итоге в развитых капиталистических странах существует огромное количество самых разнообразных «групп интересов», их количество во многих странах исчисляется тысячами. Вот этим-то обстоятельством и пытаются воспользоваться буржуазные идеологи.

«Освещая тот факт, что американцы имеют много частных интересов и имеют возможность присоединиться ко многим частным группам, групповая теория заключает, что причиной действий американцев не является принадлежность к очень большим группам, которые марксисты называют классами» [2],— пишет Д. Ричи. Это относится не только к американцам. Аналогично рассуждает, например, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстэн. В книге «Французская демократия», опровергая марксистский подход к социальной структуре современного западного общества, он утверждает, что классовый лозунг «власть трудящимся» удачен только по видимости, ибо человек — это не только трудящийся, но и потребитель, и вкладчик, у него есть семья и частная жизнь. Почему не должны найти выражение эти аспекты его личности? А лица преклонного возраста, женщины, не имеющие профессии, молодые люди — разве они граждане второго сорта? «Лозунг плюралистического государства,— заключает он,— власть гражданам, т. е. муж-

---

[2] *Ricci D.* Community power and democratic theory. The logic of political analysis. N. Y., 1971, p. 74.

чинам и женщинам, взятым во всем их многообразии и в их сложной реальности, в их праве на различия»[3].

В свою очередь мы можем ответить, что эти рассуждения вряд ли способны создать видимость убедительности. Разве классовые различия не разделяют между собой семьи вкладчиков, потребителей, мужчин, женщин и т. п. Много ли, например, женщин, не имеющих профессии и нуждающихся в ней, среди буржуа? Не показали ли себя коммунисты наиболее последовательными и решительными борцами за интересы всего народа — молодежи и пенсионеров, студенчества и крестьянства, других групп и слоев? Наоборот, именно они борются за создание условий для всестороннего развития личности трудящегося человека. А дискриминационные различия между мужчинами и женщинами, молодежью и старшим поколением и т. д., ставящие многих людей в положение «граждан второго сорта», не являются ли порождением системы классовой эксплуатации? Для всякого информированного и непредвзятого исследователя ответ на эти вопросы очевиден, и он не в пользу плюралистов.

Рассуждения, подобные приведенным выше, призваны создать как можно более пестрый и запутанный фон бескрайнего плюрализма, на котором и существование частной собственности, и классовые антагонизмы выглядели бы вполне «естественным» и рядовым явлением. «С возрастанием количества групп различия между ними делаются менее отчетливыми, общество становится расплывчатым, кажется однородным»[4]. Попробуй-ка, разберись, кто кого угнетает? В дискриминации женщин, оказывается, виноваты мужчины, в сверхэксплуатации молодежи — старшие, в дискриминации негров виновен консерватизм наиболее обездоленных белых и т. п. А буржуазия, оказывается, здесь ни при чем. Наоборот, ее апологеты, пользуясь подобной теоретической путаницей, стараются внушить массам, что она сторонница равенства и защитница обездоленных. Некоторые из этих теоретиков договариваются даже до того, что, мол, различия между пешеходами и водителями машин в социальном смысле существеннее, чем различия людей по классам.

---

[3] *Giscard D'Estaing V.* Démocratie française, p. 151.

[4] *Rogin M. P.* The politics of protest and pluralist vision.— Pluralism and protest (Cal.), 1973, p. 276.

Буржуазные идеологи часто ссылаются на социально неоднородный состав «групп давления». В связи с этим хотелось бы отметить следующее:

1. Далеко не все группы являются социально неоднородными. Много ли, например, рабочих в клубах богачей? А разве тот факт, что деятельность этих клубов протекает в обстановке строжайшей секретности, говорит об их доступности для других слоев общества? Много ли капиталистов вступает в организации, выражающие интересы пролетариата?

2. Чем теснее цели той или иной группы переплетаются с классовыми интересами буржуазии, тем в большей степени буржуазия стремится придать такой группе выгодную ей классовую ориентацию и верховодить в ней. Акционерное общество в данном случае является тривиальным и в то же время ярким примером. Аналогично обстоит дело во многих кооперативных обществах, скажем в сельскохозяйственных кооперативах США: здесь, как правило, заправляют богатые крупные фермеры. Деньги, связи, известность делают свое дело: в любой организации буржуа и пролетарий имеют разный удельный вес.

3. По мнению буржуазных ученых, нивелировке классовых различий способствует создание групп, преследующих относительно нейтральные в классовом отношении цели. Однако если, скажем, капиталист и рабочий оказались в одном обществе содействия борьбе против раковых болезней или в одном клубе любителей музыки Бетховена, это вовсе не означает, что у них стали общими классовые интересы. Кроме того, даже в общих группах буржуа и пролетарий преследуют в конечном счете противоположные цели. Например, они ходят в одну церковь, принадлежат к одной церковной общине, слушают одного попа. Но один из них молится о повышении зарплаты, другой — прибыли, один просит у бога помощи, другой погуще заваривает «опиум для народа». В обществе защиты окружающей среды рабочий искренне стремится к сохранению природы, буржуа же нередко стремится использовать давление этого общества для ослабления позиций своего конкурента и т. д.

Вероятность образования социально смешанных групп и организаций возрастает и вследствие того, что на современном этапе общественного развития повышается роль некоторых общедемократических проблем — борьбы

за мир, защиты окружающей среды и др. Этому же способствует усиление внутриклассовой дифференциации, увеличение доли в общей структуре населения промежуточных слоев, а также ряд второстепенных факторов, имеющих по отношению к социальным характеристикам той или иной группы подчиненное значение, например унификация некоторых форм проведения досуга (спорт, музыка и т. д.). Деятельность многих «групп давления» направлена на решение конкретных, частных вопросов. Ясно, что чем более узкая цель ставится группой и чем больше ее интересы удалены от отношений собственности, тем более вероятно, что в этой группе могут оказаться представители разных слоев.

Несомненно, что факт распространения подобных организаций в известной мере способствует созданию только видимости социальной однородности. Капиталист, не желающий сгореть в огне термоядерной войны и выступающий за мир, все же остается капиталистом. Выступая против монополий, средний буржуа также не меняет своей классовой сущности. Классовая дистанция не уменьшится оттого, что буржуа и пролетарий просмотрят один и тот же фильм по телевидению и т. п.

Усложнение социальной структуры современного буржуазного общества, рост уровня и разнообразия потребностей, возникновение множества «групп интересов» — процесс вполне естественный. Пра́ва на различные, в том числе групповые, формы ассоциации трудящиеся добились в результате классовой борьбы, многие из созданных ими организаций служат защите их коренных интересов. С деятельностью этих организаций трудящиеся и связывают свои надежды. Коммунисты стремятся как можно полнее учитывать специфику интересов этих групп, активно ведут борьбу за повседневные нужды трудящихся.

Однако нужно иметь в виду и другую сторону проблемы. Усложнение социальной структуры общества, основанного на господстве частной собственности, чревато обострением всей системы социальных отношений.

В капиталистическом обществе социальные отношения опосредуются господствующими интересами и властью буржуазии. Защищая свои корыстные интересы, буржуазия приносит в жертву им жизненно необходимые социальные связи, нагнетает напряженность в системе социальных отношений. Например, не удовлетворяя за-

конных требований транспортников, вынуждая их бастовать, буржуа объективно сталкивает интересы этого отряда трудящихся с интересами населения в целом и т. д.

Трудности сочетания групповых интересов возрастают благодаря насаждению искусственных социальных различий путем чрезмерной дифференциации товаров, размеров зарплаты, статусов, насаждения искусственных потребностей и т. д. Особо следует сказать о существовании самых разнообразных форм социальной дискриминации.

Например, во многих капиталистических странах существует множество различных национальных организаций от мелких групп до националистических партий, которые, выдвигая и отстаивая свои требования, проявляют большую общественно-политическую активность. Извращая действительные причины их образования, некоторые буржуазные идеологи заявляют, что XX век — это вообще «век национализма», поэтому, дескать, естественно, что в современном западном мире «национальная солидарность имеет тенденцию превалировать над классовой солидарностью»[5]. Однако в действительности главной причиной образования националистических «групп давления» является неспособность буржуазии ликвидировать национальный гнет, корни которого глубоко уходят в систему классово антагонистических отношений.

Подъем национально-освободительного движения в колониальном мире сопровождался ростом национального самосознания угнетенных народов. В то же время обострение межимпериалистических противоречий, стремление реакции подавить национально-освободительное движение вели к оживлению различных концепций буржуазного национализма в развитых капиталистических странах. Неспособной оказалась буржуазия решить национальный вопрос и внутри своих стран. Например, в ведущей стране капиталистического мира — США до сих пор не решена негритянская проблема: средняя зарплата негра составляет 61% средней зарплаты белого. Среди негров значительно выше уровень безработицы. Средняя продолжительность жизни негра на 7 лет меньше, чем белого[6]. А ведь расовой дискриминации подвергаются не только негры, но и мексиканцы (8 млн. человек), пу-

---

[5] *Parsons T* Essays in Sociological Theory. New York — London, 1965, p. 322.

[6] См. Социализм и нации. М., 1975, с. 45.

эрториканцы (1 млн. человек) и другие национальные меньшинства. Поэтому не случайно в США периодически вспыхивают расовые волнения, существует множество организаций, выступающих за национальное равноправие.

В соседней с США Канаде такой проблемой являются взаимоотношения канадцев английского и французского происхождения. Здесь только в 1969 г. было юридически признано равноправие английского и французского языков. Националистические партии существуют и в провинциях Великобритании: Шотландии, Уэлсе, Северной Ирландии. Уже многие годы Англию лихорадит ольстерская проблема. В Бельгии весьма напряженные отношения между фламандцами и валлонами, что обусловлено неравномерностью и противоречивостью регионального развития страны, более быстрым повышением удельного веса Фландрии. В большинстве развитых капиталистических стран иммигранты представляют собой значительный слой, подвергающийся особой дискриминации.

Нельзя отрицать объективной сложности решения национального вопроса. Однако суть дела именно в том, что в условиях капитализма этот вопрос последовательно и демократически в принципе и не может быть решен. Дискриминация трудящихся по национальному признаку в сфере экономики дает буржуазии огромные сверхприбыли. Буржуазный национализм, какими бы демагогическими формами он ни прикрывался, является важнейшим средством раскола международного рабочего движения. И в рамках отдельных стран, используя такие особенности национального сознания, как психологическая инертность, эмоциональная насыщенность, легкая возбудимость, ранимость национальных чувств и т. д., буржуазия стремится трансформировать неудовлетворенность трудящихся своим положением в межнациональную вражду.

Все это говорит о том, что последовательно и окончательно национальный вопрос может быть решен только в результате кардинальных изменений социальной системы буржуазного общества. Ярчайшим доказательством этого является успешное решение национального вопроса в нашей стране, несмотря на то что у нас этот вопрос стоял исключительно остро и решался в исторически неблагоприятных условиях.

Другим примером, иллюстрирующим социальное маневрирование буржуазии, может служить ее отношение к молодежному движению. Как известно, 60—70-е годы были отмечены резким ростом общественно-политической активности молодежи. Более чем по 70 капиталистическим странам прокатилась волна выступлений молодежи, студентов. В связи с этим значительно выросло внимание буржуазных идеологов к молодежной проблематике. Активизировались попытки усилить влияние на молодежь с целью изоляции ее от рабочего класса. Именно этим объясняется появление разных «теорий» об исключительности и даже авангардности молодежной культуры.

Одной из таких псевдотеорий является концепция «конфликта поколений». Согласно этой концепции, основными классами (стратами) любого общества являются класс молодых и класс взрослых, между которыми якобы идет вечная борьба. Обосновывая эту «теорию», буржуазные идеологи спекулируют на некоторых особенностях социального положения молодежи в структуре современного капиталистического общества.

К числу таких особенностей относится известная либерализация отношений между родителями и детьми в семье, т. е. допущение сравнительно большей степени свободы в поведении детей, в их отношении к родителям. Этому способствуют относительное повышение уровня жизни, возрастание ценности семьи (в частности, на фоне углубления кризиса буржуазной морали), увеличение продолжительности свободного времени, повышение культуры родителей, сокращение рождаемости, изменение форм и методов обучения и т. д.

Другая особенность положения молодежи — возрастание степени относительной самостоятельности молодежных групп. Причины этого явления обусловлены повышением удельного веса общественного воспитания в связи с удлинением сроков обучения как в средней школе, так и в вузе. Кроме того, следует отметить возрастание числа женщин, вовлекаемых в производство, а следовательно, уменьшение надзора родителей за детьми.

Увеличение возрастной дистанции между младшим и старшим поколениями также в известной мере осложняет взаимоотношения между ними. Дело в том, что увеличение этой дистанции происходит в условиях научно-технической революции, ускорения процесса изменения

условий бытия. Все это привело к усилению различий в опыте поколений.

Не всегда гладко складываются взаимоотношения молодежи с традиционными авторитетами — родителями, педагогами. Частично это объясняется биологической и психологической акселерацией при более длительной зависимости детей от родителей в экономическом и социальном аспектах, повышением роли средств массовой информации, рядом указанных выше причин.

Буржуазная пропаганда в целях расширения влияния на молодежь стремится активно насаждать в ее среде потребительскую психологию. Известно, что научно-технический прогресс предъявляет повышенные требования к общеобразовательному и профессиональному уровню подготовленности работников. Спекулируя на удлинении сроков обучения, создающих ситуацию, в которой молодежь вначале формируется преимущественно как потребитель материальных и духовных ценностей, созданных трудом людей старшего поколения, а затем уже как их производитель, буржуазия гиперболизирует значение этого начального этапа. Это дезориентирует молодежь, создает определенные трудности в выработке разумной системы потребностей, учитывающей объективные возможности.

Данная ситуация усугубляется тем, что социальный опыт представителей старшего и младшего поколений неодинаков. Старшее поколение трудящихся, вступавшее в трудовую жизнь в гораздо более раннем возрасте, чем большинство современной молодежи, и перенесшее тяжелые материальные лишения, более высоко оценивает достигнутый уровень материального благосостояния (иногда переоценивая его). Шкала же ценностей современной молодежи формируется под влиянием значительных сдвигов в содержании и структуре потребления, относительно быстрого роста его общего уровня (конечно, это не относится к обездоленным слоям). Это увеличивает возможность неадекватной ориентации при определении объективной значимости тех или иных ценностей, которыми располагает общество; мешает ей осознать необходимость личного трудового вклада в создание материальных благ. Иногда деформация шкалы ценностей молодежи проявляется в чрезмерно завышенных требованиях, обоснованных лишь ее абстрактными возможностями. Отдельные проявления потребительского подхода

молодежи могут формироваться также под влиянием того обстоятельства, что очень часто в зажиточных семьях молодежь является привилегированной в отношении потребления, а с другой стороны, она теперь в гораздо меньшей степени, чем раньше, участвует в сфере домашнего труда. В силу ее неопытности, увлечения всем необычным, броским, склонности к подражанию взрослым, доверчивости и т. п. буржуазии удается втянуть часть молодежи в потребительскую гонку и тем отвлечь ее от классовой борьбы.

Конечно, марксизм не отрицает противоречивости, сложности решения отмеченных проблем социализации современной молодежи в капиталистических странах. Но, исходя из научного понимания сущности общественных процессов, он выступает решительно против любых попыток гипертрофировать их значение с целью противопоставления молодежи классовым организациям пролетариата. Разоблачая буржуазных идеологов, коммунисты стараются донести до сознания масс правду о положении молодежи, особенно ее пролетарских слоев, в капиталистическом обществе. Они показывают, что именно дискриминация широких слоев молодежи лежит в основе проблемы «конфликта поколений».

Столкновение с буржуазным обществом нередко начинается уже с детского возраста[7]. Не секрет, что многие дети из пролетарских семей подвергаются эксплуатации, голодают. Не является секретом и тот факт, что, лишенные средств существования, родители порой вынуждены даже продавать своих детей для усыновления богатым или в рабство. Миллионы детей в капиталистических странах, вместо того чтобы учиться, работают по 10—14 часов в день, причем их зарплата, как правило, в 2—3 раза меньше, чем у взрослых. В США 25 млн. детей страдают от недоедания и отсутствия необходимой медицинской помощи.

Детям неуютно не только в «мире взрослых», но даже в «мире родителей». Их бьют и в школе, и дома. В ФРГ, например, ежегодно регистрируется 2 тыс. дел о нанесении детям открытых ран, ожогов, переломов костей и т. д. Согласно данным газеты «Вельт», 30 тыс. детей ФРГ ежегодно становятся жертвами жестокого обраще-

---

[7] *Ullrich S.* Die Kinderfeindlichkeit des Imperialismus.— Ursachen und Erscheinungen.— Einheit, B., 1979, jg 34, N 5, s. 539—545.

ния, около 1 тыс. из них погибают. Немецкое общество защиты животных насчитывает 600 тыс. человек, а Немецкий союз защиты детей — 15 тыс.[8] В Англии ежегодно более 700 детей погибают от побоев, жестокого обращения. Вместе с тем в Национальном обществе покровительства животным здесь состоит 500 тыс. человек, а в Национальном обществе по предотвращению жестокого обращения с детьми — 20 тыс.[9]

В США 30% переломов костей у детей до трех лет — результат избиения родителями. До 15 тыс. малолетних детей ежегодно получают неизлечимые физические увечья. От родительских побоев и истязаний здесь погибает больше детей, чем от всех детских болезней, вместе взятых[10]. Наряду с категориями «инвалид производства», «инвалид войны» в капиталистических странах известна и такая, как «калека детства»... И это один из наиболее ярких показателей степени враждебности и отчуждения, характеризующих социальные отношения и нравственный климат буржуазного общества.

Вступая в трудовую жизнь, молодежь за одинаковый со взрослыми труд получает значительно меньшую зарплату. Среди молодежи значительно, а иногда в несколько раз выше безработица. Многие тяготы, общие для всех трудящихся, молодежью переносятся гораздо болезненнее[11]. Например, безработица деклассирует и выбивает из колеи молодежь, не имеющую еще жизненной, трудовой и дисциплинарной закалки, да и материальных сбережений. Чрезмерная интенсификация труда разрушает неокрепшую психику прежде всего именно молодых рабочих, не имеющих достаточных навыков в выполнении трудовых операций; она обусловливает также высокий уровень травматизма среди молодежи. Молодые рабочие чаще, чем взрослые, меняют профессии, место работы, что не в последнюю очередь объясняется высоким

---

[8] См. Правда о правах человека. М., 1977, с. 133.

[9] См. там же, с. 138—139.

[10] См. там же, с. 143.

[11] Подробнее о положении молодежи в странах капитала см.: *Бойко Г. Д.* Социально-экономическое положение и борьба молодежи развитых капиталистических стран. М., 1977; *Потехин А. В.* Положение рабочей молодежи современной Америки. Киев, 1978; Молодежь, НТР, капитализм. М., 1979; *Кретова Т. М.* Западная Европа: молодежь в мире капитала. М., 1979; *Шараев Н. С.* Классовая борьба пролетариата и современная молодежь. Л., 1980, и др.

уровнем безработицы среди молодежи. Их организованность ниже, чем у старших, квалифицированных рабочих. Этим пользуется буржуазия, еще больше усиливая эксплуатацию молодежи.

Молодежь подвергается дискриминации и в области политической. Всевозможные цензы — возрастные, имущественные, оседлости и т. п.— более всего ущемляют ее права. Например, высокие возрастные цензы в избирательной системе существуют в Швеции (23 года), Голландии (25 лет). В послевоенное время в конгрессе США более 150 раз рассматривался законопроект о предоставлении молодежи права голоса с 18 лет, и только в конце 1970 г. в результате резкой активизации молодежного движения в США этот законопроект был принят.

Удлинение сроков обучения молодежи ведет к возрастанию вероятности столкновения авторитета педагога с юношеским негативизмом переломного периода, однако степень такой вероятности резко возрастает тогда, когда падает социальный престиж педагога и особенно когда за порогом школы молодых людей — выходцев из пролетарских семей часто ждет безработица, неквалифицированная работа, неопределенность.

В качестве одной из причин подъема демократического студенческого движения в 60—70-х годах следует указать кризис системы образования в условиях капитализма. Суть его заключается, в частности, в том, что существующая система образования не способна удовлетворить возросший спрос на высококвалифицированных специалистов, так как на пути к высшему образованию представителей трудящихся нередко стоят всевозможные преграды. Отсутствие стипендий, общежитий и т. п. для студентов — выходцев из богатых семей не имеет особого значения, но среди студентов хотя и медленно, но все-таки увеличивается число выходцев из пролетарских слоев. Для них отсутствие стипендий, общежитий, необходимость платить за обучение, особенно когда эта плата растет, зачастую являются непреодолимым препятствием. Немалую роль играет и общекультурный барьер, различные формы дискриминации — по национальному признаку, полу и т. д. Кроме того, важной причиной недовольства студентов является пролетаризация широких слоев трудовой интеллигенции. Студенчество — это преинтеллигенция, поэтому она болезненно реагирует на подобные изменения положения интеллигенции.

Таким образом, чрезмерная эксплуатация трудящейся молодежи, кризис системы образования и пролетаризация интеллигенции, различные формы дискриминации, особенно пролетарских слоев молодежи, и ряд других особенностей ее положения в буржуазном обществе лежат в основе молодежного протеста. Капитализм — общество без будущего, поэтому естественно, что прогрессивная молодежь, которой принадлежит будущее, отказывается связывать свою судьбу с капитализмом. В этом, а не в «извечном конфликте поколений» лежат истоки молодежного движения.

Среди многочисленных организаций в странах капитала не последнее место занимают женские организации. Например, в США насчитывается несколько тысяч различных феминистских организаций. Ими издается более 150 периодических изданий [12]. В современных условиях под влиянием объективных и субъективных факторов значительно увеличилась общественная активность женщин [13]. Вместе с тем женское движение достаточно молодо и не имеет большого опыта классовой борьбы, как, например, рабочее движение. На активность женщин в известной мере влияют и семейно-бытовые проблемы. В условиях капиталистической действительности женщинам приходится нести основное бремя бытовых забот, что в определенной мере связано с наличием старых традиций, ставящих мужчину в привилегированное положение [14].

В результате во многих, даже наиболее развитых в экономическом отношении капиталистических странах женщины подвергаются самым различным формам дискриминации. В области экономической это проявляется прежде всего в неравной с мужчинами оплате труда. Например, в Японии женщина за одинаковый с мужчиной труд получает лишь половину вознаграждения.

Неравенство проявляется в ограничении сфер приложения женского труда. Среди инженеров и техников в Японии женщины составляют около 2%, в США — 1%,

---

[12] См. *Воронина О. А.* Идеология феминистского движения.— США: экономика, политика, идеология, 1980, № 9, с. 41.

[13] См. Международное коммунистическое движение. М., 1972, с. 383.

[14] См. Женщины мира в борьбе за социальный прогресс. М., 1972, с. 387—389; Женщины и дети в современном мире. М., 1980, с. 22.

хотя, по американским обследованиям, 40% женщин в равной степени с мужчинами способны к этому виду деятельности. Среди врачей женщины составляют в Японии 9,8%, в США — 7%. Во многих капиталистических странах женщины значительно ограничены в праве собственности. Во Франции, Бельгии муж может распоряжаться общим семейным имуществом без согласия жены. Во Франции, если муж не разрешает работать жене вне дома, она может добиться разрешения только через суд. В ряде стран (ФРГ, Турция и др.) муж может через суд лишить жену родительских прав, если докажет, что ее работа мешает воспитанию детей. Гражданские кодексы многих капиталистических стран гласят, что муж — глава семьи, и это не просто фраза, а узаконенное неравное положение женщины в обществе. Оно проявляется и при расторжении брака. Если виновата жена, то она обычно теряет право на воспитание детей. В Бельгии по закону за измену жена может быть заключена в тюрьму на срок до двух лет, муж — только в том случае, если будет доказано, что сожительница проживала под одним кровом с женой, но и тогда он может быть заключен только на один год. Подобное положение в области права характерно и для других капиталистических стран [15].

Дискриминация женщин дает буржуазии огромные выгоды. Например, дополнительные прибыли английской буржуазии за счет «экономии» на зарплате женщин ежегодно составляют 1,2 млрд. ф. ст., американской — 63 млрд. долл., западногерманской — 10 млрд. марок [16]. Поэтому в законодательстве стран капитализма до сих пор сохраняются положения, ставящие женщин в неравноправное положение. Так что и в случае с женскими организациями дело совсем не в том, что женщины имеют какие-то особые интересы, просто они вынуждены объединяться для защиты своих элементарных прав, попираемых обществом «равных возможностей».

Буржуазные идеологи любят порассуждать о «естественности» социальных различий в современном обществе, о необходимости учитывать «специфические» инте-

---

[15] *Мартынов Э. И.* Положение женщин в капиталистических странах. М., 1975; *Блинова Е. В.* Положение трудящихся женщин в развитых капиталистических странах. М., 1975; *Филимонова Г. В.* Положение женщин в странах Западной Европы. — Рабочий класс и современный мир, 1979, № 9, с. 152—154, и др.

[16] *Михайлюк В. Б.* Легенды и правда о женском труде, с. 26.

ресы различных социальных групп и т. п. Однако они игнорируют тот факт, что многие социальные различия в капиталистическом обществе являются проявлением эксплуататорской сущности буржуазных отношений. Кому не известен, например, такой социальный слой, как безработные? Конечно, положение безработных весьма «специфично», этого никто не станет отрицать, но даже буржуазные идеологи часто признают его противоестественным. Разве может быть естественной существующая пропасть в области жилищного обеспечения, когда одни живут в трущобах, а другие утопают в роскоши в аристократических районах, одни владеют пустующими домами, а другие остаются бездомными? Ясно, что «естественными» подобные контрасты можно признать только в смысле их соответствия законам джунглей. Конечно, социальные антагонизмы в условиях капитализма не сводятся только к различным формам дискриминации. Но характерно, что буржуазные идеологи, побивая все рекорды демагогии, нередко сами апеллируют именно к наиболее дискриминируемым социальным слоям. При этом они становятся в позу покровителей слабых, утверждают, что якобы виной бедственного положения этих слоев являются не объективные законы капиталистического общества, а наличие мощных организаций, которые «думают только о себе», пренебрегая интересами тех, кто «молча страдает на задворках общества».

Спекулируя на чувствах трудящихся, они заявляют о создании «новых моделей плюрализма», «плюрализма с новыми горизонтами». В постиндустриальном обществе, говорят они, «линия, разделяющая имеющих и неимеющих власть, проходит не между трудом и капиталом, а между влиятельными организациями... с одной стороны, и остальным обществом — с другой» [17]. В «остальное» общество они включают пенсионеров, неорганизованных наемных рабочих, женщин, детей, иммигрантов, инвалидов и др. Спрашивается: зачем понадобились подобные спекуляции, какова их цель? Сами буржуазные идеологи определяют ее таким образом: «Мы хотим иметь сильное государство, чтобы оно... могло быть защитником... слабых, неорганизованных... пенсионеров, женщин и детей,

---

[17] *Biedenkopf K.* Freiheit, Gerechtigkeit und Solidaritad.— Demokratische Geselschaft. Konsensus und Konflikt. Bd I. München — Wien, 1975, s. 65.

тех, кто часто остается в стороне и не пользуется поддержкой влиятельных организаций»[18]. Итак, цель ясна: столкнуть между собой организованных и неорганизованных, угнетаемую часть трудящихся, направить их недовольство против наиболее влиятельных организаций рабочего класса, являющегося последовательным противником всяких форм эксплуатации и дискриминации, а заодно под предлогом «защиты слабых» оправдать усиление буржуазного государства.

Нагнетание напряженности в социальных отношениях вполне вписывается в стратегию буржуазии, ибо ее важнейшая цель — раскол рядов трудящихся. Именно поэтому плюралисты так расхваливают «свободу конкуренции», выдавая ее за свободу вообще (например, Р. Дарендорф заявляет, что свобода возможна только в условиях социального конфликта[19] и т. д.). Межгрупповая конкуренция отвлекает внимание трудящихся от классовой борьбы, нейтрализует их энергию, создает благоприятный фон для оправдания частной собственности.

Здесь важно также учитывать, что различные социальные антагонизмы — между городом и деревней, умственным и физическим трудом и др. — с одной стороны, в решающей мере обусловлены господством частной собственности, а с другой стороны, являются органическим продолжением классовых антагонизмов и одной из опор частной собственности. Частная собственность — это своеобразный фокус социальных противоречий, и существовать она может только при наличии множества этих частных противоречий. Именно поэтому буржуа проявляют столько заботы о поддержании, консервации, гальванизации социальных различий и противоречий.

Как было сказано ранее, усложнение социальной структуры современного капиталистического общества и ряд других причин породили проблему регулирования и сочетания интересов различных социальных групп и организаций. Важнейшим условием решения этой пробле-

---

[18] *Kohl H.* Mit für eine politische Zukunft. Stuttgart, 1974, s. 5.

[19] *Darendorf R.* Konflikt und Freiheit. München, 1972, s. 10. С данным тезисом практически не согласны, например, многие американцы, традиционно отличающиеся высокими оценками свободы. Например, 72% из опрошенных американцев против 21% ответили, что хотят участвовать в деятельности, где люди сотрудничают, а не конкурируют (см. *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 25).

мы является обеспечение приоритета общих, коренных интересов. Однако в обществе, основанном на частной собственности, даже общие интересы, как правило, проявляются и реализуются через столкновение индивидуумов и «групп давления», а поэтому в крайне противоречивой форме. Сочетание частных и общих интересов в модели «конфликтного общества» предполагает объективного посредника. Такую роль мог бы сыграть только исторически прогрессивный класс и его государство. Однако политика буржуазии, являющейся господствующим классом в системе частнособственнических отношений и ставшей исторически реакционной, нередко играет роль искры, воспламеняющей потенциал социальной напряженности. Ясно, что все это в огромной мере отягчает проблему сочетания групповых интересов.

Таким образом, современное буржуазное общество характеризуется обострением всей системы социальных отношений. Главной причиной этого является обострение классовых противоречий и стремление буржуазии разрядить потенции классового антагонизма в межгрупповых столкновениях. Поэтому коренное преобразование социальных отношений возможно лишь в результате осуществления социалистической революции. Только при социализме на основе общественной собственности создаются возможности ликвидации противоположности между городом и деревней, умственным и физическим трудом и т. д. Здесь формируется эффективный механизм гармонизации общественных отношений. Социальные различия при социализме не являются результатом классовой борьбы, к тому же они постоянно уменьшаются. В этих условиях остающиеся пока различия не воспринимаются как несправедливые и опасные и не ведут к социальным столкновениям.

Наряду с социально-экономическими необходимо отметить ряд социально-политических и других факторов, способствующих насаждению апологетических идей «стратификационно-групповой» ориентации и затрудняющих у определенной части трудящихся, и прежде всего у мелкобуржуазных слоев, формирование классовой ориентации. Углубление кризиса буржуазной демократии, падение престижа ее политических институтов, с одной стороны, и активизация демократических сил — с другой, при относительно высоком уровне политической зрелости отдельных слоев трудящихся обусловливают преувеличе-

ние представителями этих слоев роли групповых форм организации. Этому способствует также недостаточно четкое осознание классовой обусловленности кризиса политики буржуазного государства, что оборачивается активным, но абстрактным антиэтатизмом, кроме того, дискредитация политики правооппортунистических партий, порождающая стихийные настроения против партий вообще.

Буржуазия и правые оппортунисты, спекулируя на возрастании роли буржуазного государства, на всех перекрестках трубят, что политика государства может превратить «плохой» капитализм в «хороший» и даже в социализм. Для людей, которые склонны всерьез принимать подобные заявления, «противоречия, органически присущие государственно-монополистическому капитализму, в большинстве случаев предстают как результат недостатков и ошибок политических лидеров или правительственного курса. Буржуазная пропаганда спекулирует на этом искаженном отражении реально существующего переплетения интересов бизнеса и государства, добиваясь известного эффекта при переходе к новым фазам политики» [20].

Известно, например, что во время предвыборных кампаний конкурирующие буржуазные политические группировки соревнуются в умении дискредитировать друг друга в глазах избирателей. Все неудачи капиталистической системы сваливаются на политиков, а капитал остается в тени. Взаимные упреки сводятся в основном к подрыву личного авторитета: ставится под сомнение способность руководить, порядочность и т. п. Другими словами, они стремятся свести пороки капитализма к субъективистским ошибкам отдельных партий, лидеров, обходя таким образом действительные причины кризиса капиталистической системы.

Иллюзорная убежденность части мелкой и средней буржуазии в надклассовости государства, в том, что оно есть воплощение «чистой демократии», под влиянием постоянных провалов государственной политики, несмотря на смену у руля правления «конкурирующих» буржуазных партий, трансформируется в абстрактно-антиэтатистские настроения, желание уничтожить или сильно

---

[20] *Майер Л.* Государственно-монополистический капитализм — новые явления.— Проблемы мира и социализма, 1972, № 3, с. 70.

ограничить «неуправляемое» государство путем искусственного ограничения его функций (например, запрещением вмешательства государства в экономику). И чем сильнее обостряются глубинные противоречия капитализма, тем чаще буржузия сознательно использует этот механизм обезвреживания потенциала объективно антикапиталистического недовольства.

Абстрактный антиэтатизм имеет тенденцию сопровождаться негативным отношением к любым партиям, во-первых, уже хотя бы в силу тесной связи буржуазных конкурирующих партий с находящимся на грани банкротства государством; во-вторых, абстрактно-негативное отношение к партиям является результатом кризиса политики правосоциалистических партий, с которыми определенная часть трудящихся капиталистических стран связывает свои интересы. Реформистское движение неизбежно порождает реформистскую же партию. Как и всякая партия, она в своих программных установках претендует на выражение прежде всего общих интересов представляемых ею социальных слоев и групп. А так как свойственное реформистским движениям преувеличение роли частных интересов и промежуточных целей подрывает и без того недостаточно прочную общность, то между руководством партии и массами не образуется тесной связи. Реформистски настроенные партийные верхи быстро находят общий язык с буржуазией и шаг за шагом скатываются в болото политики «классового мира», что означает на практике предательство коренных интересов трудящихся. В этих условиях преувеличение роли групповых форм организации, требование отделения групп от партий становятся одной из форм протеста против подобной политики. Мотивом для подобных форм протеста нередко служит также реформистская политика правых лидеров оппортунистически ориентированных профсоюзов.

Усиление тенденции к бюрократизации в социал-реформистском и профсоюзном движении — одна из причин оживления анархо-синдикализма, вписывающегося в реформистскую сущность концепций групповой динамики. Насколько далеки интересы некоторых представителей руководства профсоюзов от интересов трудящихся масс, свидетельствует признание одного из наиболее реакционных профсоюзных деятелей США, ныне покойного, Дж. Мини, который хвастал тем, что никогда в

своей жизни не организовывал забастовку и никогда не имел ничего общего с пикетами забастовщиков[21].

Бюрократизм лишь одна из болезней реформистского партийного и профсоюзного руководства[22]. Причинами напряженных отношений, взаимного недоверия низов к руководству являются также довольно тесные связи последнего с миром бизнеса, организованной преступности и т. д. Поэтому не случайно в США лишь 25% рабочих организованы в профсоюзы. Лишь 7% опрошенных в 1976 г. рабочих высказали доверие руководителям профсоюзов[23].

Расхождение между социал-реформистским руководством и рядовыми членами профсоюзов в настоящее время принимает самые разнообразные формы: в одних случаях усиливается левое социалистическое движение, в других — создаются автономные профсоюзные центры[24], организуются так называемые дикие, не санкционированные руководством профсоюза забастовки, учащаются случаи переизбрания функционеров, уменьшается численность некоторых консервативных профсоюзных организаций и т. п.

Лозунг «отделения», автономии групповой организации по отношению к партиям в некоторых случаях отражает негативную реакцию групп, преследующих относительно классово нейтральные цели, на настойчивые и неуместные попытки каких-либо партий политизовать их деятельность, подчинить ее прямому влиянию партии. Настроения в пользу автономии по отношению к партиям могут возобладать даже в организациях, деятельность которых объективно носит классовый характер. Например, соперничество ряда левых партий, борющихся за влияние на профсоюз, может создать угрозу парализации его деятельности. Это особенно вероятно в тех случаях, когда ни одна из соперничающих партий не получает явного перевеса. В подобных условиях лозунг авто-

---

[21] См. *Гаевский И. А.* Верные слуги монополий. М., 1962, с. 38.

[22] Подробнее об этом см.: *Рогова Г* Профсоюзы США: кризис доверия.— Мировая экономика и международные отношения, 1973, № 9, с. 124—126; *Урбан К.* О возможности сотрудничества с социал-демократами.— Проблемы мира и социализма, 1973, № 4, с. 61—62.

[23] См. *Кузьмин Э. Л.* Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1977, с. 148.

[24] См. *Лапицкий М. И.* США: роль профсоюзов во внутриполитической жизни. М., 1973, с. 127—130.

номии профсоюза по отношению к партиям является формой своеобразного компромисса между этими партиями в сфере профсоюзной деятельности.

Ориентация многих, особенно небольших, «групп давления» на достижение своих узких целей в известной мере также тормозит формирование их политической ориентации и затрудняет их связи с прогрессивными партиями. Так, Н. П. Попов отмечает, что одной из традиционных причин «аполитичности американской публики» является «участие в многочисленных неполитических организациях и ассоциациях»[25]. Активная деятельность в такой группе поглощает физические и духовные силы личности, нейтрализует их в зауженном спектре активности. Чрезмерный акцент на частных задачах отвлекает от коренных общественных проблем, тем более что этому способствует буржуазная пропаганда, внушающая, например, что выдвижение требования организовать стоянку автомобилей около завода не предполагает обязательного участия в политической борьбе и требования свержения власти.

Популярности лозунга «автономии» групповых форм организации прямо или косвенно способствуют также антиавторитарные настроения трудящихся, особенно усилившиеся в последнее время и отражающие глубинные противоречия системы капиталистического управления. Управление при капитализме, как в любом антагонистическом обществе, имеет двойственную природу. Наряду с собственно управлением как координацией коллективной деятельности оно является функцией эксплуатации[26]. Причем управляющий не пассивное, а, как мы уже отмечали, активное орудие эксплуатации и фактически ее соучастник. Разделение функций управления и собственности, передача менеджерам все большей части прерогатив владельца способствуют дальнейшему развитию эксплуататорской функции управления и маскировке эксплуататорской сущности частной собственности. Этот факт достаточно ясно иллюстрирует истинные причины негативного отношения к любому авторитету и аппарату управления.

Тесная связь, переплетение, взаимопереход функций собственно управления и эксплуатации (принимающей, в

---

[25] *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 13.
[26] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 343.

частности, форму усиления бюрократизма), спекуляции на авторитете приводят к тому, что протест против эксплуатации принимает форму протеста против авторитета вообще. Вероятность такой формы протеста увеличивается тогда, когда трудящиеся массы начинают интуитивно чувствовать, что ими манипулируют, но они еще не в состоянии осознать существо механизма манипуляции.

Усложнение общественной жизни делает неизбежным расширение сферы социального управления. Бюрократический аппарат все больше опосредует взаимосвязи отдельных людей, групп и организаций между собой. И чем разностороннее, шире это опосредование, чем больше бюрократический аппарат централизует власть и инициативу, тем сильнее социальная дезориентация масс и тем больше вероятность того, что противоречия капитализма, в том числе и межгрупповые, предстанут в форме бюрократического произвола. В подобных случаях «буржуазная бюрократическая организация выступает как воплощение стихийно складывающихся законов и тенденций капиталистического общества, которые подчиняют себе человека, господствуют над ним, принуждая его к тем или иным действиям, противоречащим его личным стремлениям, нуждам и чаяниям». Таким образом, в сознании масс, формирующемся вне классово организованного рабочего движения, распространяется бюрократический фетишизм.

Буржуазия активно поддерживает также стереотип организационного фетишизма. Паразитируя на общественном характере производства, она стремится представить противоречия капитализма, всеобщую ожесточенную конкуренцию в виде противоречий общественной организации, как таковой, которой якобы имманентно присуща конфликтность отношений между различными группами, слоями населения, между индивидом и обществом и т. д.

Кроме того, современный уровень развития производительных сил, процесс усложнения техники и технологии сопровождаются усилением технологической дисциплины, относительно независимой от условий общественного производства [27] Эта дисциплина, перейдя в условиях капитализма все допустимые границы и меры, превращается в технологический гнет. Поэтому буржуазия,

---

[27] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 303—304.

стремясь нейтрализовать недовольство трудящихся, активно насаждает технократический фетишизм, утверждая, что их враг — «это уже не капиталист, а технократия»[28]. В связи с этим уместно привести высказывание классиков марксизма. Они писали: «...социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединённая сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают...»[29] Тем более чуждой эта сила становится тогда, когда она персонифицируется, т. е. выступает в лице эксплуататора и его приказчиков.

Настроения абстрактного антиавторитаризма наряду с отмеченными причинами объясняются также некоторыми особенностями социального положения промежуточных слоев (интеллигенции, студенчества, мелкой буржуазии и др.).

Антиавторитаризм мелкого буржуа связан с тем, что мелкотоварное производство по своей природе в меньшей степени нуждается в централизованном руководстве. В хозяйстве мелкого собственника трудовое взаимодействие, как правило, ограничено кругом родственников (семейные хозяйства). Ремесленник-кустарь, мелкий фермер располагает достаточно широкой свободой в процессе труда: он сам регламентирует его, устанавливает последовательность, темп работы и т. п. Поэтому в сфере экономики единственным авторитетом в глазах кустаря является рынок, который хотя и «организует» производство и «управляет» судьбой мелкого буржуа, однако является по своей сути анонимным.

Мелкий предприниматель инициативен, ибо конъюнктура мелкотоварного рынка, как правило, очень динамична. Следовательно, степень инициативности, изворотливости мелкого буржуа по необходимости должна быть очень высокой. Постоянное чрезвычайное напряжение предпринимательских способностей является частью «постоянного капитала» мелкого буржуа, которым он часто старается восполнить недостаток финансовых возможностей.

---

[28] *Dupral C.* Ouvriers et techniciens en mai 1968. Paris, 1968, p. 158—159.

[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 33.

Антиавторитаристские настроения распространены среди значительной части интеллигенции. Творческий характер труда многих ее категорий несовместим с жесткими рамками бюрократизма, своекорыстием частного бизнеса. Научный поиск по самой своей природе предполагает широкую свободу выбора, направлений поиска. Поэтому произвольные административные запрещения или поощрения тех или иных научных школ могут нанести большой вред науке. Монополистическая буржуазия, стремясь как можно быстрее получить максимальные прибыли, нередко произвольно ограничивает развитие фундаментальных наук в пользу прикладных. Эти противоречия в организации науки в буржуазном обществе нередко заставляют интеллигенцию расценивать менеджера как «бюрократа, бумажного волокитчика и паразита, типа, лишенного творческого начала и оригинальности» [30].

Одной из особенностей организации труда интеллигенции является усиление его специализации. В частности, все резче намечается общественное разделение труда работников, занятых постановкой и исследованием фундаментальных проблем, и «исполнителей», разрабатывающих программу, выдвинутую первыми [31]. Постоянно возрастает численность вспомогательного научного персонала, функции которого выполняют многие лица с университетским образованием. «Необходимость выполнять жестко регламентированные вспомогательные функции при доминировании установки на самостоятельные исследования ведет к отрицательным мотивационным сдвигам» [32].

Сегодня бо́льшая часть интеллигенции занята исполнительским трудом. Если раньше наличие административных прав по отношению к нижестоящему уровню управленческой иерархии смягчало остроту восприятия необходимости подчиняться вышестоящему уровню, то потеря таких прав означает ликвидацию амортизационного клапана, резкое усиление ощущения полной подчиненности.

---

[30] *Надель С. Н.* Научно-техническая интеллигенция в современном буржуазном обществе. М., 1971, с. 128.

[31] См. *Микулинский С. Р., Ярошевский М. Г.* Социально-психологические аспекты научной деятельности.— Вопросы философии, 1973, № 1, с. 36.

[32] Там же, с. 33.

С поисковым характером науки связано часто возникающее противоречие между логикой индивидуального научного исследования и общей логикой работы научной группы, это подтверждают исследования специалистов по организации научного труда. По данным американских исследователей Д. Пельца и Ф. Эндрюса, наибольшую положительную корреляцию с продуктивностью труда ученых получили «потребность в независимости» и «свобода развивать собственные идеи»; отрицательную корреляцию — «руководитель в качестве источника идей». «Непрерывная опека со стороны шефа притупляет самостоятельность и инициативу ученого, а ведь это основные качества, требующиеся для его успешной работы»[33]. В тех организациях, где предоставляется малая свобода выбора, многие работники чувствуют себя в сильной степени отчужденными от организации, а при большой свободе выбора их доля резко сокращается. Не случайно в ряде капиталистических стран пытаются учесть эту особенность, ослабляя административный контроль над учеными, вводя методы «консультативного» руководства и т. п.

В условиях научно-технической революции антибюрократические настроения среди интеллигенции могут возникать также вследствие столкновения ее ориентаций на профессиональное и административное продвижение с искусственными ограничениями. Особенно это относится к молодым специалистам, считающим свою компетентность главным условием продвижения по служебной лестнице. Однако, когда они обнаруживают, что такое продвижение в решающей степени зависит от способности к адаптации, демонстрации лояльности по отношению к руководству фирмы, возникает конфликт между профессиональными экспертами и бюрократией: эксперты начинают протестовать против бюрократизма. Несмотря на то что подобные выступления по существу не затрагивают устоев капитализма, однако, как показывает практика, буржуазия все же старается найти новые возможности для маневрирования, идя на определенные уступки.

Восприимчивости части интеллигенции к анархо-синдикалистским воззрениям в известной степени способствует и образование ею своих профсоюзов. В 50—60-х го-

---

[33] *Пельц Д., Эндрюс Ф.* Ученые в организациях. М., 1973, с. 74.

дах уровень организации интеллигенции значительно возрос. Наряду с организациями цехового типа возникали и стали развиваться крупные профсоюзные организации. Если учесть, что эти профсоюзы создавались в условиях демократических свобод, завоеванных ранее рабочим классом, то станет ясно, что первые успехи интеллигенции на пути профсоюзного движения способствовали переоценке ею роли профсоюзов и даже противопоставлению их более высоким формам организации, свойственным рабочему движению в целом.

Как показали выступления «новых левых», антиавторитарные настроения весьма распространены среди студентов. Большинство ученых, занимающихся исследованием этого движения, отмечают преобладание в нем анархизма[34]. Нельзя упускать из виду также тот факт, что основную массу студентов составляют выходцы из средних слоев. Например, их доля составляла в 1973 г. в Италии 39%, в ФРГ — 53, в Бельгии — 54% студентов и т. п.[35] Анализируя причины этого движения, следует отметить следующее. Известно, что университеты обладают определенной автономией. Эта традиция сложилась в те времена, когда образование было почти исключительной привилегией господствующего класса.

В большинстве случаев свободные университеты находились на содержании меценатов — богатых частных собственников, которые проявляли мало склонности серьезно вмешиваться в жизнь этих университетов. Положение дел резко изменилось в век научно-технической революции, когда начался процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. Теперь меценаты пытаются сделать университеты собственными фабриками научно-технических открытий. Аналогичную заинтересованность проявляет и буржуазное государство. Его грубое вмешательство во внутриуниверситетскую жизнь встречает решительный отпор студентов, защищающих свои демократические свободы.

Вмешательство в дела высших учебных заведений господствующий класс осуществляет прежде всего через административный и преподавательский состав, что обо-

---

[34] См. *Юдина И. С.* Буржуазные идеологические течения в США. М., 1971; *Баталов Э. Я.* Философия бунта. М., 1973; *Новиков Н. В.* Мираж «организованного общества». М., 1974, и др.

[35] См. Современный антикоммунизм. Политика, идеология. М., 1973, с. 393.

стряет отношения между студентами и преподавателями. Перечисленные, а также некоторые другие обстоятельства делают университеты одним из самых авторитарных и консервативных элементов буржуазного общества. Известно, например, что труд преподавателя прежде всего связан и с выполнением педагогической функции. Вместе с тем преподавателями нередко становятся люди, лишенные педагогических способностей. Так, подавляющее большинство преподавателей Италии не имеют специального педагогического образования [36]. Среди преподавателей неполных школ там только 25% преподавателей мужчин и 59% женщин пошли в школу по призванию [37]. В условиях нехватки педагогов учебные заведения вынуждены приглашать на работу совместителей, не имеющих педагогического образования.

Демократизация средней школы и вуза зачастую создает дополнительные напряжения в отношениях между преподавателями и учащимися, так как контакт с выходцами из бедных семей преподавателям установить труднее. В демократизации состава учеников преподаватели часто склонны видеть главную причину ухудшения своего положения. Да и учащиеся — выходцы из пролетарских слоев — очень чувствительны к сословной заносчивости учителя. Падение авторитета учителя заставляет его все больше прибегать к административным методам в обучении, что на фоне возрастания объективной необходимости в самообразовании учащихся также усиливает напряжение во взаимоотношениях между ними.

Сегодня в рабочее и демократическое движение вливаются еще совсем недавно аполитичные слои. У них большой потенциал революционной энергии, но им не хватает опыта, знания закономерностей классовой борьбы, выдержки, последовательности действий. В целом для них, и особенно для мелкобуржуазных слоев, характерно преклонение перед стихийностью. Двойственность положения мелкого буржуа выражается в непоследовательности, эклектизме его мировоззрения, неустойчивости взглядов как по общим, так и по частным вопросам. Этим объясняется наличие разнообразных мнений, концепций, непримиримость к оппонентам. Так, анархисты

---

[36] См. *Кувалдин В. Б.* Интеллигенция в современной Италии, с. 219.

[37] См. там же, с. 129.

могут расходиться между собой по одному пункту из 100, но считать друг друга противниками. Не случайно они и сами далеко не всегда могут сказать, в чем же одни группы расходятся с другими.

Идейная и организационная разобщенность, отсутствие опыта классовой борьбы, наличие огромного потенциала недовольства мелкобуржуазных слоев, эмоциональные формы протеста и стихийность движения приводят к тому, что мелкая буржуазия и другие недавно аполитичные массы быстро переходят от пассивности к ультрареволюционной активности.

Каждая новая группа людей, включаясь в движение протеста, выставляет собственные требования, которые на первых порах отражают сильное влияние группового, профессионального и другого опыта. Учитывая различия в содержании, условиях труда и жизни, а следовательно, и в идейных представлениях включающихся в борьбу групп людей, можно понять причины большого разнообразия требований и скороспелых «теорий». Диалектика общественного развития отражается в противоречивости группового опыта и в противоречивых требованиях. Вследствие этого появляется масса так называемых «инициативных центров», которые предлагают огромное разнообразие «новейших» и часто ошибочных лозунгов борьбы. «Любой группировке присуще отклонять все, что не исходит от нее самой» [38],— констатирует один из левацких лидеров «мятежных студентов» — Кон-Бендит. Возможный компромисс воспринимается ими как полный отказ от избранных принципов, попытка переубедить их — как авторитаризм и посягательство на свободу личности. Результатом всего этого является дезорганизация мелкобуржуазных движений.

Мелкобуржуазные требования размягчения организации, ведущей к фракционности, обусловлены и тем, что для мелкой буржуазии жизненно важна свобода маневрирования как внутри своего класса, так и между основными классами общества. Мелкобуржуазному индивидуализму «*всякая* пролетарская организация и дисциплина кажутся *крепостным правом*» [39], диктатурой, насилием над личностью. Слабая организация, отсутствие тесной связи с пролетариатом приводят к потере классо-

---

[38] Цит. по: *Ломейко В.* Левее истины. М., 1970, с. 14.
[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 344.

вых ориентиров. Мелкий буржуа чувствует себя один на один с огромным государством; в частности, и этим объясняется его склонность к партизанско-групповым методам борьбы.

Таким образом, некоторые особенности социального положения и общественно-политической активности мелкобуржуазных и родственных им слоев в условиях обострения социально-классовых противоречий капиталистического общества, углубления кризиса буржуазной демократии обусловливают определенную склонность к преувеличению групповых форм организации со стороны представителей этих слоев. Однако тенденция к объединению всех революционных и демократических сил в едином антиимпериалистическом фронте является сегодня определяющей. Этому способствует ряд объективных причин.

Под влиянием научно-технической революции ускоряется процесс концентрации и централизации капитала. Он ведет к созданию гигантских конгломератов, объединяющих предприятия различных отраслей. Повышается степень взаимозависимости различных отраслей хозяйства, расширяется процесс интернационализации производства. Объективной основой укрепления единства трудящихся является тенденция к выравниванию материального уровня жизни других различных социальных слоев. Увеличивается мобильность рабочей силы в межпрофессиональном, межотраслевом и других планах. Например, различные изменения ежегодно затрагивают в США 11,5 млн. рабочих мест и 8,5 млн. рабочих [40].

Тенденция к унификации условий эксплуатации находит свое развитие в политизации ее механизма, все более широком вмешательстве государства во все сферы экономики, регулировании условий труда, подготовке рабочей силы, проведении «политики доходов» в национальных масштабах, увеличении доли налогов в доходах трудящихся, использовании этих налогов в интересах кучки монополий, расширении государственного сектора, где условия труда и оплаты более единообразны, чем в частном секторе. Все это создает предпосылки для расширения политического кругозора трудящихся.

Поэтому в современном рабочем движении социально-

---

[40] См. Политическая экономия современного монополистического капитализма. М., 1970, с. 96.

экономические требования трудящихся все чаще дополняются политическими, а некоторые экономические требования зачастую приобретают политическое значение. Например, требование национализации ведущих отраслей экономики имеет не только и не столько экономическое, сколько политическое значение. Рабочие государственного сектора, требуя отмены запрета на право бастовать, непосредственно выступают против государства. Профсоюзы все более активно участвуют в разнообразных политических мероприятиях, выборных кампаниях, разработке альтернативных путей развития общества и т. п. Например, в ФРГ многие профсоюзы активно добиваются развития взаимовыгодных отношений с социалистическими странами. В Италии профсоюзами неоднократно проводились забастовки протеста против активизации неофашистских сил, в Испании — забастовки с требованием предоставления автономии национальным меньшинствам и т. д. Сегодня большинство крупных забастовок, проводимых в капиталистических странах, сопровождается выдвижением политических требований.

Указанные факторы способствуют росту организованности рабочего движения. Это проявляется в различных формах: в росте авторитета и влияния марксистских партий, росте численности членов прогрессивных профсоюзов и т. п. В 1850 г. профсоюзы существовали только в Англии. В 1913 г.—во всех капиталистически развитых странах в их рядах было 15 млн. человек, а сейчас в рядах профсоюзов 340 млн. человек [41].

Рост организованности рабочего движения проявляется в усилении тяги к единству профсоюзного движения, коммунистических и демократических партий, усилении координации действий организованных и неорганизованных рабочих, росте числа и доли общенациональных забастовок, забастовок солидарности и т. п. Нередким явлением в некоторых капиталистических странах стали всеобщие забастовки, в которых одновременно участвуют миллионы трудящихся.

В современных условиях вследствие ряда факторов происходит сближение социалистического и демократического движения. Что это за факторы? Во-первых, усиление мощи, сознательности и организованности проле-

[41] X Всемирный конгресс профсоюзов.— Правда, 12 февраля 1982 г.

тариата, ставшего центром притяжения всех демократических сил. Во-вторых, расширение социальной базы революционного движения. В-третьих, углубление многих демократических требований, расширение их спектра и усиление связи между ними, что значительно ограничивает возможности маневрирования правящих классов. В-четвертых, возрастание значимости некоторых общедемократических задач для судеб всего человечества — борьбы против угрозы фашизма, против мировой термоядерной войны, за ликвидацию разрыва в уровне развития между империалистическими и многими освободившимися странами, борьбы в защиту окружающей среды и др.

Современный империализм, его наиболее агрессивные круги стремятся любыми путями ликвидировать демократические завоевания трудящихся. Они идут на союз с крайне реакционными силами, поддерживают фашистские диктатуры. Все более отчетливо проявляя свою враждебность интересам народа, империализм разоблачает тем самым враждебность этим интересам самого капитализма, ибо монополии являются неизбежным порождением капитализма и в то же время основной формой его существования. Именно в антимонополистическом движении, представляющем собой движение подавляющего большинства народа, широкие слои трудящихся все более ясно осознают свое угнетенное положение. В результате демократическое, антиимпериалистическое движение приобретает в конечном счете антикапиталистическую направленность.

Бурный рост численности служащих, интеллигенции, исчезновение некоторых социальных различий между ними и рабочим классом объективно сближают пролетариат с промежуточными слоями. Именно на этом и спекулируют буржуазные идеологи, твердя о «растворении» рабочего класса, поглощении его средним классом» и т. п. Однако они сознательно игнорируют тот факт, что сближение социального положения рабочего класса и промежуточных слоев основывается на усилении пролетаризации этих слоев.

Если в XIX в. торгово-конторские служащие получали в 2—3 раза больше зарплату, чем промышленные рабочие, то сегодня у них зарплата нередко даже меньше, чем у рабочих. Ускоряется процесс пролетаризации интеллигенции. Если в XIX в. большинство интеллигенции

было лицами свободных профессий, то теперь в странах капитала ее основная часть — это лица наемного труда. Они, так же как и рабочие, не распоряжаются результатами своего труда, подчиняются его строгой регламентации на «фабриках научно-технических исследований». Интеллигенция, как и рабочие, страдает от безработицы. Все большая ее часть занимается исполнительским трудом. Постоянно уменьшается разрыв в уровне доходов интеллигенции и рабочих и т. п.

Процесс пролетаризации промежуточных слоев неравномерен, в некоторых случаях он находится еще на начальной стадии развития. К тому же пролетаризация промежуточных слоев далеко не сразу находит отражение в их сознании — большую роль играет инерция группового сознания. Нередко, находясь по своему объективному положению на уровне рабочего, отдельные представители служащих и интеллигенции по-прежнему относят себя к привилегированным слоям общества. К тому же подобные взгляды активно поддерживает буржуазия, стремясь искусственно сохранять различия или преувеличивая их роль: служащий-де каждый день может за руку здороваться с управляющим, общаться с ним, у служащих отдельная стоянка автомобиля, отдельный выход, несколько отличающаяся система отпусков и т. д.

Однако углубление процесса пролетаризации промежуточных слоев неизбежно, поэтому неизбежно и осознание ими изменения своего положения в обществе. Уже сегодня к пролетарским методам борьбы прибегают самые различные слои служащих, интеллигенции. Ежегодно в капиталистических странах бастуют сотни тысяч учителей, инженеров, государственных служащих. Растет организованность этих слоев, усиливается тяга к единству действий с рабочим классом.

В век научно-технической революции союз рабочего класса с интеллигенцией приобретает важное значение. Интеллигенция — быстро растущий социальный слой. Хотя в мировом масштабе главным союзником пролетариата является крестьянство, нельзя забывать, что численность его быстро сокращается, что в ряде стран (Англия, Норвегия) уже нет традиционного крестьянства и что, например, в США в сельском хозяйстве численность занятых (включая наемных работников) значительно меньше, чем численность студентов (не говоря уже об интеллигенции в целом).

Важным направлением сближения социалистического и демократического потоков движения является сближение коммунистов и социал-демократов. Этому способствуют и указанные выше факторы, и углубление кризиса капитализма, и кризис политики реакционных кругов буржуазии, и бурный подъем движения широчайших масс в странах капитала за мир, международную безопасность и сотрудничество, против угрозы мировой термоядерной войны В 1956 г. бюро социалистического Интернационала заявляло, что «между социализмом и коммунизмом нет ничего общего»[42]. Однако в результате роста числа фактических нарушений запрета на сотрудничество коммунистов и социал-демократов соответствующие положения были удалены из многих уставов профсоюзов, находящихся под влиянием социал-демократов. Например, из устава западногерманского ОПП было вычеркнуто положение о том, что оно «ведет борьбу с коммунизмом». Нидерландские профсоюзы отменили положение устава, объявляющее членство в них несовместимым с членством в компартии или связанных с ней организациях. Конгресс британских тред-юнионов аннулировал запрет на участие коммунистов в ежегодных региональных конференциях профцентра. В конце 1970 г. международная конференция свободных профсоюзов отменила запрет на контакты с социалистическими странами. В 1977 г. съезд профсоюза автомобильной промышленности США исключил из своего устава статьи, запрещавшие коммунистам занимать руководящие посты в профсоюзе. Под давлением этих фактов бюро социалистического Интернационала приняло решение о том, что входящие в него партии свободны принимать решения об установлении контактов с коммунистами[43].

Исключительно важная роль в обеспечении единства революционных и демократических сил принадлежит мировому коммунистическому движению, ставшему самой влиятельной политической силой современности. Огромное значение для укрепления тенденции к единству революционных и демократических сил играет усиление могущества и авторитета мировой системы социализма, ко-

---

[42] Подробнее см.: *Сильчев С. С.* Социал-демократия: идейно-политическая эволюция и проблемы борьбы за единство рабочего класса, с. 34—46.

[43] См. Международное рабочее движение, с. 114.

торая объединяет вокруг себя все прогрессивные силы мира. Борьба за мир, разрядку международной напряженности и мирное сотрудничество стран с различными социальными системами, которую активно и последовательно ведут страны социализма, также способствует сплочению международного рабочего движения. В этих условиях все более широкие слои трудящихся осознают, что единство всех передовых общественных сил является необходимым условием успешности их борьбы за демократию и социальный прогресс.

Таким образом, буржуазные концепции «социальной стратификации» и «групповой динамики» имеют вполне определенную классовую направленность. Авторы этих концепций ставят своей целью доказать, что в современном буржуазном обществе исчезли классы и классовая борьба, остались одни страты и «группы давления» и что это является признаком зрелости, морального здоровья общества, шагом вперед на пути к «новому социальному равновесию».

Вместе с тем действительность убедительно свидетельствует о том, что в обществе, где господствует частная собственность, не могут исчезнуть эксплуатация, а следовательно, классы и классовые антагонизмы. Поэтому идея о «новом социальном равновесии» является реакционной, ибо с ее помощью буржуазные идеологи пытаются снизить накал революционной борьбы, внушить трудящимся мысль о возможности «классового мира» в современном капиталистическом обществе.

Буржуазные идеологи любят порассуждать о том, что существование множества «групп давления» есть проявление независимости граждан, условие динамизма общества и свободы личности. Конечно, свобода ассоциаций имеет исторически прогрессивное значение, и участие трудящихся в деятельности различных прогрессивных организаций позволяет им успешнее бороться за свои интересы. Однако нельзя забывать, что среди множества существующих «групп давления» немало реакционных организаций, противопоставляющих свой эгоистический групповой интерес общественному интересу. Существование «групп давления» отражает наличие острых социальных противоречий, раздирающих буржуазное общество.

В современном буржуазном обществе социальные отношения и политика все теснее переплетаются между со-

бой, государство стремится регулировать социальные отношения, оно порой вынуждено проводить меры, направленные на смягчение остроты социальных противоречий [44]. Однако классовое государство может проводить только классовую, социальную политику. Поэтому, например, правительства Р. Рейгана и М. Тэтчер под шумок разглагольствований об «опоре на собственные силы» резко сокращают расходы на социальные нужды, подавляют права трудящихся (чего стоит, например, только увольнение американской администрацией 12 тыс. авиадиспетчеров, объявивших забастовку), проводят экономическую политику, увеличивающую безработицу, и т. д. Ясно, что подобная политика не может изменить сути классовых отношений капиталистического общества. Деятельность прогрессивных организаций трудящихся имеет важное значение для формирования их классового сознания. Однако абсолютизировать роль «групп давления», противопоставлять их политическим организациям рабочего класса — значит лить воду на мельницу буржуазии, стремящейся расколоть ряды трудящихся, ограничить их общественную активность. Преувеличение роли «групп давления» отражает реакцию мелкобуржуазных и промежуточных слоев на углубление кризиса буржуазной демократии, реакции, которая принимает форму абстрактного антиэтатизма, аполитизма и кризиса системы управления в форме абстрактного антиавторитаризма, что неизбежно выливается в преклонение перед стихийностью и негативное отношение к политической организации.

Однако в современном буржуазном обществе, как мы видели, действует ряд объективных факторов, способствующих усилению тенденции к сплочению всех прогрессивных сил. Это является объективным основанием для образования единого антиимпериалистического фронта, способного не только свергнуть гнет монополий, но и под руководством коммунистической партии провести революционные социалистические преобразования.

---

[44] Несмотря на популярность среди американцев тезиса об «опоре на собственные силы», 75% американцев ответили положительно на вопрос: «Считаете ли вы, что на федеральном правительстве лежит обязанность приложить усилия к уменьшению безработицы?», 72% — одобрили бы возможные попытки государства покончить с бедностью в стране (*Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 45—46).

2. Буржуазный индивидуализм: его истоки, формы проявления в сфере политики

Социальная дезинтеграция буржуазного общества проявляется не только на политическом и групповом, но и на индивидуальном уровне. Поэтому не случайно «исходным пунктом понимания демократии в рамках буржуазного мировоззрения является абсолютизируемая свобода отдельной личности, индивидуализм»[45]. Буржуазный индивидуализм — один из общих знаменателей всех разновидностей буржуазной идеологии, в том числе и плюрализма. Однако в плюрализме индивидуализм занимает особое место. Свобода личности приобретает здесь черты надысторического и субстанционального начала. Идя на сознательный обман трудящихся, буржуазия утверждает: «Свобода — в человеке. Она неразрывна с его природой»[46]. Ее объявляют главной ценностью, исходной точкой отсчета во всех измерениях общественной жизни. «В политическом отношении,— считает Д. Ричи,— индивид важнее группы»[47]. «Свободы, имеющиеся в либеральном государстве, являются прежде всего ограничениями государства»[48]. А по мнению Дж. Вильнера, «закон индивидуальности есть наиболее важный из действующих на нашей планете законов»[49].

Таким образом, в моделях буржуазного плюрализма индивидуализм не является оторванной от жизни абстракцией или политически невинной категорией морали. Наоборот, ему отводится центральное место, он приобретает ярко выраженное политическое, классовое звучание. Поэтому не случайно в последние годы наблюдается активизация попыток использовать индивидуализм в качестве непосредственной основы для организации различных антикоммунистических кампаний («защиты прав человека» и т. д.).

Как отмечалось, важнейшей целью политики социального лавирования буржуазии является ставка на раскол рядов трудящихся, причем не только на групповом, но и на индивидуальном уровне. Буржуазия тысячами явных

---

[45] *Кузнецов Э.* Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1976, с. 36.

[46] *Burdeau G.* Le liberalisme. Paris, 1979, p. 8.

[47] *Ricci D.* Community power and Democrasy theory, p. 11.

[48] *Debbasch Ch.* L'Efat civilise contre le pouvoir sauvage, p. 19—20.

[49] *Vilner J.* L'individualisme contre l'egalité. Paris, 1976, p. 73—74.

и скрытых способов насаждает дух индивидуализма, ибо это та благодатная почва, на которой всходят и аполитизм, и дезорганизация в самых различных формах, и конкуренция рабочих между собой. Кроме того, таким путем буржуазия стремится расширить свою социальную базу, ибо каковы бы ни были истоки индивидуализма, он социально созвучен частнособственническим принципам.

Стремясь охватить своим влиянием широкие социальные слои, буржуазия поощряет самые разнообразные мотивы и проявления индивидуализма, используя соответствующие стимулы в системе образования, в спорте, насаждая культ насилия, секса и т. д. Конечно, для подавляющего числа людей погоня за символами «успеха», как правило, оканчивается крахом индивидуалистических надежд. Например, облегчение формальных условий поступления в вуз (во многих вузах Запада зачисление в студенты производится без сдачи вступительных экзаменов) оборачивается невозможностью продолжения обучения из-за материальных трудностей; некоторая демократизация сферы высшего образования сочетается с пролетаризацией интеллигенции; превращение рабочего в мелкого «бизнесмена» далеко не всегда означает повышение его социального статуса, так как положение мелкого товаропроизводителя по многим показателям бывает даже ниже уровня рабочих. Использование так называемых «брачных лифтов» приводит к личным трагедиям, душевной опустошенности. Однако крах индивидуалистических надежд обывателя в одной области буржуазия стремится при помощи рекламы разнообразия возможностей трансформировать в еще более азартное желание «снова попробовать свои силы» в другой области. Она хотела бы, чтобы индивидуализм, не удовлетворенный в сфере коммерции, пытался найти удовлетворение в сфере потребления, превращаясь в потребительский индивидуализм, чтобы проигравший в карты попытался добиться «успеха в любви» и т. д. Именно поэтому для нее важна гальванизация как можно более разнообразных форм проявления индивидуализма.

В первой главе были проанализированы некоторые формы индивидуализма в экономической сфере. Однако индивидуализм невозможно объяснить непосредственно только экономическими отношениями собственности, ибо он фокусирует в себе сущность всей буржуазной морали. Его можно понять, только учитывая кризис всей системы

буржуазного образа жизни, который прямо или косвенно питает буржуазный индивидуализм.

Капитализм в отличие от других антагонистических формаций до предела обнажил эксплуататорскую сущность буржуазных общественных отношений, поскольку главной целью этого общества является погоня за прибылью и успех в делах любой ценой, когда ближний нередко оказывается лишь средством достижения этой цели. «...Чем больше и многообразнее становится могущество общества в рамках частнособственнических отношений, тем *эгоистичнее*, тем менее общественным, тем более отчужденным [entfremdeter] от своей собственной сущности становится человек»[50]. В таком обществе, писал К. Маркс, деньги являются «всеобщим *средством разъединения*»[51]. Почитание денег часто превращается в почитание негодяев, владеющих деньгами. Разжигание низменных страстей становится выгодным бизнесом, своеобразным средством борьбы против трудящихся, нейтрализации их революционной энергии. Буржуазное общество превращает в товар действительные человеческие ценности, подчиняя их корыстному потребительству[52].

Насаждение индивидуализма выгодно правящим классам. Однако господство монополий в буржуазном обществе неизбежно порождает кризис буржуазного индивидуализма, ибо «конкуренция при *таком* капитализме,— как отмечал В. И. Ленин,— означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, деспотизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы»[53]. Подавление предприимчивости, энергии, крах индивидуалистических надежд оборачиваются для многих людей разочарованием, бессилием, страхом, озлобленно-

---

[50] *Маркс К.* Заметки по поводу книги Джемса Милля.— Цит. по: Вопросы философии, 1966, № 2, с. 122.

[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений, с. 618.

[52] Буржуазия «ведет идеологическую кампанию, с тем чтобы отвратить массы от политической деятельности через упрочение культа индивидуализма и потребительства, распространяет идеи философского прагматизма и плюрализма» (*Питтман Дж.* США: степень зрелости субъективного фактора.— Рабочий класс и современный мир, 1979, с. 67).

[53] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 35, с. 195.

стью, равнодушием и душевной опустошенностью. В результате трудящиеся, искренне верившие в обещания и лозунги индивидуализма и обманутые в своих надеждах, зачастую выражают свое глубокое возмущение в анархическом бунте против всех и всяческих дисциплинарных и организационных форм общества.

Концентрированным выражением морального кризиса современного буржуазного общества является прежде всего падение высшей ценности — ценности самой человеческой жизни. Рост милитаризма, угроза развязывания империализмом термоядерной войны, в которой смерть одного человека не значила бы ровным счетом ничего, ибо в этой войне практически мгновенно исчезли бы целые народы, оказывают, как утверждают буржуазные идеологи, постоянное отрицательное влияние на нравы, даже если это влияние не осознается людьми. Прежде всего это касается молодежи. «Естественно, что новое поколение,— пишет Х. Арендт,— живет с более острым ощущением возможности конца света, чем те, которым за 30. Если вы зададите представителю этого поколения два вопроса: «Каким вы хотели бы видеть мир через 50 лет?» и «Какой бы вы хотели видеть свою жизнь через 5 лет?», то ответам часто предшествуют оговорки: «При условии, что мир еще будет существовать», «При условии, что я еще буду жить». Мы сталкиваемся с поколением, которое совершенно не уверено, есть ли у него вообще будущее» [54]. О какой вере в будущее может идти речь, если с начала XX в. в США от рук уголовных преступников погибло гораздо больше людей, чем во время первой и второй мировых войн, а также во всех локальных войнах, в которых США участвовали за это время.

Рост травматизма, смертных случаев на производстве, транспорте также не делают жизнь более ценной, приучают к мысли о возможной гибели как о неизбежной «судьбе». Буржуазная пропаганда, паразитируя на сенсационных «критических ситуациях», способствует выработке у людей безразличия к человеческой жизни. Увеличение числа людей, выталкиваемых из процесса производства, также является одной из основных причин, понижающих ценность человеческой жизни.

---

[54] *Arendt H.* Crisis of the republic. Hying in politics. Civil disobedience. On violence. Thoughts on politics and revolution. N. Y. 1972(9), p. 120.

Кризис буржуазного индивидуализма является одной из причин падения ценности жизни в глазах обывателя. В этих условиях следование человека принципу исключительно личной ответственности приводит к тому, что неудача прямо ассоциируется с его неполноценностью. Потерпевший неудачу человек теряет уважение к себе, уважение других. Кроме того, личность, рассчитывавшая на высокий престиж и не получившая ожидаемого признания общества, склонна воспринимать это как неуважение, недостаточную чуткость и даже аморализм окружающих.

Обезличенность человеческих отношений, являясь сама по себе весьма сложным явлением, оказывает значительное влияние на уровень нравственности, понижая ценность человеческой индивидуальности и вызывая порой обратную реакцию анархистского толка. Расширение и усложнение общественных связей, возрастание значения безличных средств общения, опосредованность отношений могут иногда порождать иллюзию полной независимости людей друг от друга, вести к утере глубины и непосредственности человеческих контактов. Например, студентам, получающим стипендию от государства, может казаться, что они независимы от старшего поколения; пенсионерам, получающим пенсию от государства или какого-либо фонда,— что они независимы от младшего поколения; больной, принимающий курс лечения за счет какого-нибудь частного благотворительного фонда, не всегда вспомнит о том, что первоисточником финансирования его лечения является прибавочный труд рабочих, а не мецената, и т. п.

Особенно характерны обезличенные формы общения для крупных городов с их перенасыщенностью поверхностными и случайными контактами. Еще в 1845 г. Ф. Энгельс писал, что в крупных городах раздробленность человечества на монады, каждая из которых имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, достигает своего апогея. Люди здесь «пробегают один мимо другого, как будто между ними нет ничего общего, как будто им и дела нет друг до друга... и при этом никому и в голову не приходит удостоить остальных хотя бы взглядом. Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются

на небольшом пространстве. И хотя мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, всё же нигде эти черты не выступают так обнажённо и нагло, так самоуверенно, как именно здесь, в сутолоке большого города... Подобно любезному Штирнеру, каждый смотрит на другого только как на объект для использования...»[55].

Подобная нравственная атмосфера весьма благоприятна для формирования соответствующих качеств индивидуалистически ориентированной личности. Кроме того, эта атмосфера нередко вызывает болезненные реакции у выходцев из иной среды общения, например у людей, переезжающих из деревни в город. В деревне отношения между людьми в значительно большей степени носят личностный характер. Человеку, который вырос в подобной среде, трудно быстро переориентироваться на городскую систему отношений, отличающуюся бо́льшим рационализмом, обезличенностью. Например, выходец из деревни обнаруживает, что соседи из одного дома не здороваются, окружающие не особенно разговорчивы в трамвае, в городе меньше прислушиваются к мнению старших и т. д. Многое в подобных ситуациях выходец из деревни принимает за непосредственные признаки отчуждения и падения нравов и тем самым часто снижает требовательность к самому себе.

Нервное переутомление, стрессовые состояния, обусловленные чрезмерной интенсификацией труда, всем капиталистическим способом жизнедеятельности, как бы побуждают людей к экономии нервной энергии, порождают безразличие к посторонним, увеличивают вероятность случайных конфликтов.

Чрезмерное количество связей, особенно в крупных городах и организациях, обусловливает необходимость оперативной усредненной оценки партнеров по общению, что стимулирует конформизм в поведении, образе жизни. Кроме того, подобная оценка нередко ориентирует на выделение в других людях преимущественно тех свойств, которые связаны с ситуационным интересом оценивающего, что может восприниматься как эгоизм и бездушие.

Утилитарно-функциональное, односторонне-ролевое общение, основанное на принципах выгодного использо-

---

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 264.

вания одного человека другим, исключает бескорыстные привязанности, вызывает кризис интимности. «Возведение интереса в связущее начало человечества,— подчеркивал Ф. Энгельс,— необходимо влечёт за собой — пока интерес остаётся именно непосредственно субъективным, просто эгоистичным — всеобщую раздробленность, сосредоточение индивидов на самих себе, изолированность, превращение человечества в скопление взаимно отталкивающихся атомов...» [56]

Как отмечалось ранее, рост бюрократизма также оказывает отрицательное влияние на мораль, способствуя усилению обезличенности, вседозволенности чиновничьего аппарата и безволия, безынициативности массы обывателей. Возникающее чувство безвластия и растерянности нередко порождает преступное поведение как способ самоутверждения личности.

Буржуазный индивидуализм — это не абстрактно-этическая формула. Это важнейшая составная часть самых разнообразных политических платформ, начиная от ультралевых и кончая реакционными. Одним из примеров использования буржуазного эталона «свободы» личности в качестве основы для организации политических кампаний явилась так называемая кампания в «защиту прав человека» в различных ее модификациях. Однако в наиболее обнаженном виде на политической арене индивидуализм выступает в форме анархизма. Его суть, по выражению В. И. Ленина,— «вывернутая наизнанку буржуазность» [57]. Сами анархисты утверждают, что «быть анархистом — значит быть индивидуалистом» [58]. Особенно оживляется анархизм в периоды подъема общественно-политической активности мелкобуржуазных слоев. Игнорируя исторический опыт, современные анархисты не перестают утверждать, что личное освобождение является предпосылкой классового освобождения, противопоставляя по существу индивидуализм организованной классовой борьбе. Пытаясь как-то обосновать свои взгляды, одни из них говорят, что все должно происходить в форме постепенной эволюции личности, ее самосовершенствования (например, Г. Леваль), другие призывают к «революции сознания» (Ч. Рейч). Пы-

---

[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 605.
[57] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.
[58] *Guerin D.* L'anarchisme. Paris, 1965, p. 35.

таясь найти «новые аргументы» против классового подхода к проблеме свободы личности, анархисты заявляют, что современный капитализм настолько интегрировал личность, что человек даже в мыслях не может освободиться от него. Поэтому единственно, что остается желать,— это будить фантазию искусственными средствами: способствовать распространению в массовом масштабе наркотиков, алкоголя, использовать всевозможные ультрамодные и оторванные от жизни формы искусства, демонстрировать «смелые» эксперименты и т. д.

Анархисты утверждают, что современный капитализм противопоставляет революционерам настолько мощную организацию, что нет никакой возможности создать в противовес ей организацию революционную и что все попытки такого рода с самого начала обречены на провал. Следовательно, необходимо развивать борьбу в неорганизованных формах индивидуального бунта, перерастающего во всеобщий массовый бунт. Любая организация погубит движение либо еще до революции, либо после революции, когда эта организация, ставившая своей первоначальной целью борьбу за свободу народа, якобы неизбежно превратится в бюрократический аппарат насилия над народом. Подобные рассуждения направлены на дискредитацию прогрессивных организаций, и прежде всего марксистско-ленинских партий, являющихся политическим авангардом революционного рабочего класса.

Буржуазный индивидуализм нередко изображается его апологетами в качестве препятствия на пути тоталитаристских тенденций. Однако в действительности он является одним из факторов, усиливающих эти тенденции. Психологический механизм превращения доведенной до крайности индивидуалистически понимаемой свободы в тоталитаризм таков: сначала человек «бежит от общества», но когда, как ему кажется, он достиг цели, он начинает чувствовать себя заброшенным и одиноким. Бремя такой ноши («свободы») слишком тяжело. Поскольку общество превращено в толпу морально одиноких, то сплотить их могут только «сильные страсти», «сильные личности» и т. д. В этом случае возникают «толпообразные движения», характеризующиеся такими чертами, как однолинейность и инертность мнений, пониженный интеллектуальный потенциал и моральный уровень, повышенная эмоциональность и агрессивность, потеря чув-

ства реальности и ответственности, податливости манипуляциям со стороны «героев». А отсюда, как указывает опыт, недалеко и до тоталитаризма. Например, немалое число бывших анархистов — участников «нового левого» движения впоследствии влилось в ряды неофашистов.

Сегодня, как и в прошлом, неофашисты, сея анархию, надеются пожинать тоталитаризм. Они всячески стремятся внести хаос в общественную жизнь, дискредитировать общедемократические институты. Эта тактика была в свое время осуществлена в Чили, проводится в Италии («красные бригады»), Испании, Турции и других странах. Цель неофашистов — вызвать у «свободного» обывателя тягу к «сильной власти», т. е. к фашизму. И анархисты им в этом первые помощники.

Таким образом, активизация попыток гальванизировать индивидуализм и использовать его для организации различных антикоммунистических движений и кампаний — одно из важных направлений классовой стратегии и тактики буржуазии на современном этапе. Буржуазия стремится не просто расколоть рабочее и демократическое движение, она ставит своей целью «распылить» его, превратив в толпу одиноких людей. Насаждая индивидуализм, буржуазия поддерживает благоприятный фон для частнособственнических отношений, ибо психология индивидуализма созвучна частнособственнической идеологии, служит для нее питательной основой. В этих условиях буржуазия стремится направить потенциал антикапиталистического недовольства против пролетарского интернационализма, социалистического коллективизма, против революционного рабочего движения и реального социализма. Поэтому борьба марксистов против буржуазного индивидуализма приобретает все более актуальное политическое значение.

Глава III
Идейно-политический плюрализм

1. «Разделение власти» — исходный критерий «плюралистической демократии»

В предыдущих главах было выяснено, что попытки идеологов монополистической буржуазии обосновать якобы происходящие качественные изменения в отношениях собственности, обусловливающие, по их мнению, «демократизацию» в экономической сфере, опровергает капиталистическая действительность. Именно в экономической сфере, где власть сконцентрирована в руках финансовой олигархии, наиболее ярко проявляется классовая ограниченность буржуазной демократии. Эти факты находят соответствующее подтверждение в трудах буржуазных идеологов, уделяющих исключительно большое внимание пропаганде «политической демократии», в которой свободная игра политических сил якобы ничем не ограничена. Они стремятся изобразить политику как заповедное поле плюрализма, который базируется на «независимых» от экономики устоях — «разделении власти» (элит), многопартийности и т. д. [1] Исходным положением в подобных рассуждениях служит тезис о разделении власти между экономической и политической элитами.

Плюралистическая концепция «разделения и равновесия» экономической и политической элит имеет ярко выраженные буржуазно-апологетические цели. Во-первых, она направлена против марксистского положения об определяющей роли экономического базиса по отношению к политической надстройке и идеологии; во-вторых, она сознательно маскирует тот факт, что государство при капитализме есть орудие эксплуатации экономически господствующего класса; в-третьих, гиперболизация роли политики призвана «сбалансировать» очевидное неравенство в системе экономических отношений.

---

[1] *Servan-Schreiber J.-J., Albert M.* Ciel et terre. Manifeste radical. Paris, 1977, p. 264; *Pross H.* Kapitalismus und Demokratie. F. a. M., 1978, S. 12.

Марксистско-ленинская теория в принципе не отрицает усиления роли политики в современном мире, в том числе в империалистических странах. Диалектическая взаимосвязь политики и экономики особенно ярко проявляется в условиях резкого обострения противоречий капитализма: между общественным характером производства и частной формой присвоения, между стихийными законами развития рынка и попытками их государственно-монополистического регулирования. Эта взаимосвязь проявляется также в форме углубления неравномерности политического и экономического развития капитализма на его империалистической стадии. На этот факт указывал в свое время и В. И. Ленин. Он отмечал, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»[2]. Сегодня больше, чем когда-либо, ясно, что определяющее политическое значение для капиталистического общества имеет власть частной собственности, и прежде всего монополий. Даже некоторые политические деятели Запада отмечают, что горстка привилегированных обладает экономической властью и через ее посредство всеми другими видами власти, политическая демократия лишь прикрывает жалкий обман и под маской либеральных институтов осуществляет классовую диктатуру.

Протаскивая тезис о демократизации буржуазного общества в результате повышения роли политики (в которой якобы уже господствуют демократические принципы и через которую можно обуздать произвол частной собственности), буржуазные идеологи спекулируют на ряде объективных обстоятельств, действительно способствующих усилению относительной самостоятельности политического фактора. Это — усиление регулирующей роли буржуазного государства в сфере экономики, социальных отношений, культуры и соответствующий рост бюрократического аппарата. Это усиление происходит на фоне расширения борьбы широких слоев трудящихся за свои права.

Если при капитализме эпохи свободной конкуренции государство в основном выполняло функции «ночного сторожа», то в эпоху господства монополий его функции расширяются, углубляется его вмешательство в эко-

---

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.

номику. Однако это вовсе не означает, что изменилось соотношение экономики и политики в современном буржуазном обществе. Напротив, повышение относительной самостоятельности государства сопровождается усилением зависимости политики от экономики. Политические рычаги используются финансовой олигархией для достижения своих корыстных экономических целей.

В то же время активизация борьбы трудящихся масс за свои социально-экономические права, рост их организованности, политизация механизма эксплуатации, повышение уровня выдвигаемых требований способствуют все более тесному переплетению экономических и политических интересов, что побуждает трудящихся усиливать давление на политику государства, а государство при разработке политики исходить из более детального учета экономической ситуации.

Основные направления внешней политики современных империалистических государств, методы ее осуществления также в решающей мере определяются экономическими интересами господствующих кругов империалистической буржуазии. К традиционным экономическим мотивам добавились новые: обострилась межимпериалистическая конкуренция за передел мира, в том числе экономическими средствами; резко возросло значение вывоза капитала, усилилась зависимость капиталистических стран от внешних источников сырья и энергии, углубился процесс интернационализации экономической жизни и т. д. Отношения между капиталистическими странами носят весьма противоречивый характер. В области внешней политики полностью раскрывается эксплуататорская, агрессивная сущность буржуазии — стремление к разорению конкурентов, присвоению результатов чужого труда, грабежу, обогащению любым путем вплоть до применения военной силы, ведь что может быть легче и быстрее военного грабежа! Предельно обнаженному раскрытию эксплуататорских, экспансионистских устремлений буржуазии в области внешней политики благоприятствует ряд других обстоятельств.

Национальные отряды буржуазии в высокой степени независимы друг от друга, внешняя политика в меньшей степени подконтрольна народу, противоречия и средства их разрешения концентрируются в гигантских масштабах. Важно также и то, что буржуазия рассчитывает загребать жар чужими руками — руками собственного на-

рода, который расплачивается за ее военные авантюры кровью, несет на себе все бремя милитаристских расходов.

По мере повышения роли политического фактора в империалистических странах, как раковая опухоль, разрастается милитаристская машина, возрастает значение военно-промышленных комплексов, усиливается их агрессивность. Далеко не последнюю роль при этом играют экономические мотивы, и в частности размеры сверхприбылей, которые получают военные корпорации, выполняющие правительственные заказы. Многие буржуазные экономисты признают, что усиление военно-промышленного комплекса дает в руки государства важные рычаги для экономического регулирования, сглаживания остроты циклических кризисов, что в их глазах является веским основанием для оправдания его существования.

По мере обострения противоречий буржуазия все более активно использует милитаризм, национализм в качестве средств подавления классовой борьбы. Разжигая национализм, она стремится разобщить международный пролетариат, изолировать его авангард — коммунистические партии, фальсифицировать успехи реального социализма — главной революционной силы современности и тем создать благоприятную обстановку для проповеди идеологии «классового мира» в своих странах.

Таким образом, утверждения плюралистов о «независимости» политики от экономики и о якобы «облагораживающем» значении политики буржуазного государства не имеют почвы в реальной жизни. Политика империалистических государств все в большей степени программируется коренными экономическими интересами буржуазии. Срастание монополий с государством и образование военно-промышленного комплекса как в фокусе раскрывает реакционное содержание альянса экономической и политической элит — альянса, имеющего единую антигуманную, агрессивную и эксплуататорскую сущность.

Наряду с разделением власти между экономической и политической элитами важнейшим устоем «плюралистической демократии» ее сторонники объявляют «разделение» в рамках государственного аппарата. Известно, что главные критерии демократизма буржуазные идеологи видят не в повседневном, широком и активном участии трудящихся в управлении общественными и го-

сударственными делами, а в различных внешних проявлениях функционирования буржуазного политического механизма. Именно поэтому разделение государственной власти преподносится ими в качестве «фундамента демократии» [3], «надежной гарантии демократии» [4] и т. д.

Идеи о разделении государственной власти возникли еще в античный период. Они отражали необходимость углубления разделения труда в сфере государственного управления, выделения военной, судейской и других функций власти. Например, первоначально военное дело было занятием всех мужчин. Однако развитие земледелия исключало произвольный отрыв мужчин от производительного труда ввиду его сезонности. Учащение военных столкновений и необходимость эффективной обороны требовали создания военных отрядов, находящихся в постоянной боевой готовности, усложнялось искусство ведения войн и т. д. Вследствие этого военное дело стало специализированным занятием группы постоянно вооруженных людей, что привело к возникновению армии.

Появление частной собственности резко усилило напряженность в системе социальных отношений. Усложнение общественной жизни, возрастание числа конфликтных ситуаций, остроты социальных, и прежде всего классовых, антагонистических, противоречий показали неэффективность существовавших ранее институтов власти. Возникла потребность в новых органах — суде, полиции и т. д. Необходимость унификации норм поведения и отношений между людьми в масштабе общества обусловила развитие законодательных функций и законодательных органов власти.

Словом, происходил процесс развертывания новой системы власти, профессионализации функций государственного управления и специализации деятельности различных его органов. Этот процесс нашел отражение в трудах мыслителей античности. Платон возвел разделение законодательной, исполнительной и судебной власти в основной принцип строения государства [5]. Впоследствии этот принцип все больше наполнялся политическим содержанием.

Вследствие того что государство в тот период было

---

[3] *Birnhaum P.* La structure du pouvoir aux Etats — Unis. Paris, 1971, p. 150.

[4] *Sampson A.* Anatomy of Britain today. L., 1965, p. 264.

[5] См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 378.

непосредственно внутренней формой организации господствующего класса, усиление относительной самостоятельности основных форм государственности нередко сопровождалось усилением борьбы между различными общественными силами внутри класса за полноту власти. В средневековье, например, эта борьба нередко велась между светской и духовной властью. Клерикальные круги требовали ограничения королевской власти в пользу католической церкви. В эпоху подъема буржуазно-демократических движений идеи о разделении власти были направлены против феодального абсолютизма, власти монарха, интерпретируясь таким образом, что верховная власть должна принадлежать народу в лице парламента, а власть монарха должна быть ограничена функцией исполнения воли народа.

В классической форме тезис о «разделении власти» впервые сформулирован Ш. Монтескьё в книге «О духе законов». В разделении власти он видел прежде всего средство, исключающее злоупотребление ею со стороны правителей. «Чтобы не было возможности,— писал он,— злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [6]. Законодательная власть должна принадлежать народу, исполнительная — монарху. Они должны взаимно сдерживать друг друга. Суть концепций Ш. Монтескьё (которая лежит в основе и современных концепций плюрализма [7]) можно выразить формулой: разделение, взаимное сдерживание, соединение.

Нетрудно распознать, что предлагаемая Ш. Монтескьё система органов государственной власти отражает закономерности функционирования экономики капитализма периода свободной конкуренции: монады экономической власти, ничем не сдерживаемые изнутри, приходят к гармонии лишь благодаря взаимной конкуренции, взаимному сдерживанию. В результате устанавливается равновесие как отрицание крайностей произвола — вот лейтмотив буржуазных теорий того времени.

Абсолютизм к тому времени выполнил свою историческую задачу: политическая власть оказалась сосредоточенной в руках центрального государственного аппарата. Но он таким образом вступил в противоречие с потреб-

[6] *Монтескьё Ш.* Избр. произв. М., 1955, с. 289.

[7] *Rogin M. P.* The politics of protest and pluralist vision. Pluralisme and protest. Cupertino (Cal.), 1973, p. 273.

ностями капиталистического рыночного хозяйства, требующего широкого простора для частной инициативы. Это нашло отражение во всевозможных концепциях «сдерживания» государства вплоть до его ограничения функциями «ночного сторожа». В тех же случаях, когда вмешательство государства становилось необходимым, оно, по мнению буржуазных идеологов, должно было быть минимальным, сдержанным, учитывающим разнообразие интересов.

Лозунг о «разделении власти» имеет и теперь широкое хождение в капиталистических странах. Как и раньше, он отражает необходимость разделения труда в рамках государственного аппарата (и внутри господствующего класса) и процессы политической борьбы. Однако старая форма тезиса о разделении власти сегодня зачастую скрывает новое содержание, отражающее особенности государственно-монополистического капитализма. Например, поворот буржуазии от демократии к реакции в современную эпоху нашел отражение в том, что буржуазные «противовесы» стали направляться не против сил феодализма, как это имело место раньше, а против трудящихся. Практика буржуазного реформаторства привела к тому, что лозунг «разделения власти» все чаще рассматривается с точки зрения повышения эффективности капиталистического механизма управления.

Говоря о разделении государственной власти, плюралисты обычно имеют в виду прежде всего такие его виды, как разделение государственной, исполнительной и судебной власти, деление на центральную и периферийную власть, «распыление» государственной власти среди народа. Кроме того, имеются в виду и более частные модификации: «свободное судейское право»[8], «невмешательство» армии в политику[9], деление парламентов на палаты и др.

В общей форме разделение законодательной и исполнительной власти, по мнению плюралистов, предполагает:

1) разделение труда и соответствующие гарантии независимости в сфере своей компетенции[10];

[8] См. *Туманов В. А.* К критике концепций «судебного права».— Советское государство и право, 1980, № 3, с. 111—119.

[9] См. *Минц И.* Милитаризм на службе реакции.— Правда, 29 сентября 1981 г

[10] *Burdeau G.* Droit constitutionnel et institutions politiques. P., 1974, p. 140.

2) обеспечение различий и преемственности в подходе к общим проблемам. Различие в позициях обусловливается различием функций разных органов власти, различием источников их формирования [11], партийными различиями и т. д.;

3) разделение власти как основа системы «сдержек и противовесов». Этот аспект разделения, по мнению его последователей, предполагает конкурентность различных органов власти, наличие средств для их взаимного сдерживания и поддержание относительного равновесия сил [12] Конкурентность обеспечивается указанным ранее различием в подходе к общим проблемам, различием интересов групп, влияющих на те или иные органы власти, и т. д. Согласно взглядам плюралистов, система «сдержек и противовесов» означает, что разделение труда между различными ветвями власти не является абсолютно строгим. Наоборот, оно включает в себя те или иные формы совместного участия различных органов власти при решении наиболее важных вопросов;

4) оно предполагает также разделение персонала: представитель одной ветви власти не может одновременно состоять в аппарате другой ветви [13]. Например, судья не может быть депутатом парламента, чиновником административного аппарата и т. д.

В концепции разделения власти наибольшую идеологическую нагрузку несет так называемая система «сдержек и противовесов», которая якобы может оградить общество от произвола властей. В этой связи следует отметить, что с течением времени само понятие «произвол» утратило для буржуазии тот объективный смысл, который оно имело на заре формирования буржуазной государственности. Прогрессивная в период буржуазно-демократических революций буржуазия, естественно, была склонна отождествлять волю отживающего класса феодалов с произволом, и это было исторически оправдано. Власть феодалов держалась преимущественно на внеэкономическом принуждении и по мере усиления роли экономических детерминант общественной деятельности все более воспринималась как произвол. Принцип само-

---

[11] *Debre J.-L.* La constitution de la V-e Republique. Paris, 1975, p. 44.

[12] *Burdeau G.* Droit constitutionel, p. 146.

[13] *Debre J.-L.* La constitution de la V-e Republique, p. 44.

регуляции домонополистического капитализма предполагал широкую свободу частной инициативы, поэтому любое ее ограничение трактовалось как нарушение «естественных» законов. В настоящее время система «сдержек и противовесов» своим острием направлена в конечном счете на ограничение демократических свобод, и в частности на ограничение роли более демократической ветви власти — буржуазного парламента. (Относительно больший демократизм парламента обусловлен тем, что в нем, как правило, более адекватно представлено множество разнообразных интересов, депутаты парламента в большей степени зависимы от избирателей, чем чиновники исполнительного аппарата, и рядом других обстоятельств).

Именно поэтому важнейшим проявлением тоталитаристских тенденций в условиях государственно-монополистического капитализма является усиление исполнительной власти в ущерб законодательной. По признанию самих буржуазных деятелей, «та ветвь правительства, которая наиболее полно представляет народ, еще не сломлена, но настолько накренилась, что вот-вот рухнет» [14]. Этот процесс имеет под собой объективные основания. К числу наиболее важных из них относятся следующие:

1. Усиление власти монополий, которые в исполнительных органах имеют послушный аппарат для реализации своих интересов. В этом плане плюралистическая практика «разделения власти» — удобное прикрытие для усиления исполнительной власти в ущерб законодательной, нейтрализации демократических потенций последней и упрочения всесилия монополий. В частности, разделение власти используется для того, чтобы исполнить только те законы, которые выгодны правящим кругам, монополиям. Например, действительное содержание антитрестовского законодательства в США определяется не актами конгресса, а административной и судебной практикой, что обусловливает возможность произвола в толковании законов в пользу монополий.

2. Усиление динамичности и сложности общественной жизни, что предъявляет повышенные требования к компетенции и оперативности исполнительного аппарата управления.

---

[14] Time, 1973, 15. I, p. 16.

3. Расширение регулирующих функций государства во всех сферах общественной жизни. Например, расширение экономических функций государства привело к появлению большого числа исполнительных органов — от дирекции государственных предприятий до министерств.

4. Милитаризация, рост аппарата насилия (армия, полиция, разведка). Усиление внешнеполитической и экономической экспансии.

5. Обострение классовой борьбы, требующей концентрации усилий буржуазии, обеспечения секретности при подготовке антинародных акций.

Существуют и другие причины усиления исполнительной власти. Например, в США практика «партийного плюрализма» создает благоприятный климат для усиления президентской власти в условиях, когда партийная принадлежность президента фактически потеряла сколько-нибудь существенное значение и даже вызывает у многих избирателей отчуждение. Вследствие этого, по мнению американских политологов, создается иллюзия, что «если бы мы только могли определить и избрать надлежащего человека, наши высшие стремления были бы реализованы» [15]. Неистовство, с которым политические деятели проводят президентские кампании, ведет к тому, что от президента ждут слишком многого. Таким образом, у обывателя создается впечатление, что президенты являются непосредственными представителями народа, совершенно независимыми от финансовой олигархии и способными решать любые проблемы. К тому же действительность современного буржуазного общества способствует фетишизации «великой личности». Эти обстоятельства благоприятствуют раздуванию культа личности президента, а следовательно, усилению исполнительной власти.

В послевоенное время институт президентства в США, по мнению западных специалистов, значительно укрепил свои позиции [16]. Д. Кеннеди в свое время говорил: «Президент США есть главная должность в стране» [17]. Р. Никсон также с самого начала взял твердый

---

[15] *Cronin T.* The texbook presidency and political science.— Congressional record. Washington, 1970, oct. 5, p. 1703.

[16] *Simone R. H., Dvorin E. P.* Public administration: values, policy and change. N. Y., 1977, XVI, p. 41.

[17] *Cronin T.* The texbook presidency and political science... p. 1704.

курс на резкое усиление президентской власти. Буржуазные идеологи стали говорить даже о «президентской революции» (эту «революцию», как известно, остановил «уотергейт»).

Конкретные проявления изменения баланса сил в пользу правительства весьма многогранны. Атмосфера секретности, которую поддерживают буржуазные деятели с целью сокрытия от народа истинных целей своей политики, создает преимущество исполнительной власти. Так, в США конгрессмены, как правило, информированы значительно хуже, чем представители исполнительных органов власти. К середине 70-х годов различные исполнительные учреждения располагали более чем 7 тыс. компьютеров с 50 тыс. человек обслуживающего персонала. Капитолий же имел лишь три закупленные и шесть арендованных машин [18]. И дело не только в технике.

На пути распространения информации в конгрессе стоит мощный заслон в виде так называемой «привилегии исполнительной власти», в соответствии с которой именно президент определяет, является информация секретной или нет. Например, с 1952 по 1974 г. различные американские президенты около 50 раз под предлогом «разделения власти» отказывались предоставить конгрессу информацию по его запросу (из них 22 приходится на президентство Р. Никсона) [19]. Ясно, кому служит секретность и какие возможности манипулирования конгрессом (парламентами) она дает. Видный американский политолог А. Шлессинджер-младший в свое время отмечал: «Поскольку система засекречивания контролировалась теми, кого она защищала и кому давала престиж, она вышла далеко за рамки своих законных целей. К 60—70-м годам религия секретности превратилась в универсальное средство, при помощи которого американское президентство стремилось переиначить цель своего существования, скрыть свои ошибки, манипулировать гражданами и максимально увеличить свою власть» [20].

---

[18] Советское государство и право, 1974, № 11, с. 117.

[19] None of your business. Government secresy in America. N. Y., 1974, p. 14—15.

[20] *Schlessinger A.* The imperial presidency. Boston, 1973, X, p. 344—345.

Наиболее явно экспансия исполнительной власти буржуазии проявилась в области внешней политики. Так, хотя прерогативы решения вопросов войны и мира формально принадлежат конгрессу, однако практически их в большей мере осуществляет президент. Например, закон не запрещает президенту начать оборонительную войну. И именно под предлогом «самообороны» была спровоцирована война во Вьетнаме, когда сознательно дезинформированный конгресс единогласно принял так называемую «тонкинскую резолюцию». В большинстве случаев интервенция осуществлялась под предлогом «защиты» жизни и собственности американцев. Такие предлоги (разрешенные законодателями) использовались во время интервенции США в 1918—20-х годах в Советскую Россию, во время военной интервенции в Ливан в 1958 г., в Доминиканскую Республику в 1965 г., в Камбоджу — в 1970 г., в Лаос — в 1971 г. В 1900 г. президент США Мак-Кинли послал в Китай тысячи солдат также якобы во имя защиты жизни и собственности американцев, что «на самом деле было военной интервенцией с политическими целями» [21].

Особенно явно тенденция к усилению президентской власти проявилась в послевоенный период. Р. Трумэн, втянув США в агрессивную войну в Корее, «в опасной и драматической степени расширил право будущих президентов втягивать страну в большую войну» [22]. Оправдывая политику «холодной войны», он использовал «тактику запугивания страны до смерти» советской, коммунистической угрозой. Миф о «советской военной угрозе», который и сегодня, не переставая, муссирует администрация США,— это помимо прочего привычный для нее конституционный камуфляж, прикрывающий ее политические авантюры. Достаточно вспомнить, сколько раз не только народу, но и конгрессу США преподносили (и преподносят сегодня) фальшивые данные о якобы угрожающем превосходстве СССР в ракетах, самолетах и других видах вооружения. Под впечатлением этих «данных» конгресс утверждает огромные военные бюджеты. И хотя подобные фальшивки рано или поздно разоблачаются, раскрывая полную несостоятельность «секретных» сведений, однако отлаженный механизм буржуаз-

---

[21] Там же, с. 88.
[22] Там же, с. 135.

ной политической системы продолжает работать на военно-промышленный комплекс. Во имя «национальной безопасности» американская администрация готовила несостоявшуюся интервенцию против Ирана, для защиты «национальных интересов» США в любой точке земного шара создан «корпус быстрого развертывания», расширилось вмешательство американского империализма во внутренние дела других государств.

Усиление исполнительной власти проявляется и в том, что президенты все более активно стремятся осуществлять законодательную функцию. Например, с 1907 по 1971 г. они издали 12 тыс. исполнительных президентских приказов. Дальше других американских президентов пошел в свое время Р Никсон, по признанию самих западных деятелей, «сорвав даже те фиговые листки, которыми его предшественники прикрывали свои притязания на единоличную публичную власть»[23]. Он резко увеличил аппарат своих помощников, игнорировал прессу, элементарную гласность, объявил «войну печати». (За 12 лет своего пребывания у власти Ф. Рузвельт провел более 1 тыс. пресс-конференций, а Р. Никсон за 4 года — всего 28.) Он запретил руководителям ведомств являться на слушания в конгресс, стал гораздо чаще отказывать конгрессу в предоставлении нужной ему информации, манипулировал утвержденными бюджетами и т. д.

Усиление исполнительной власти в ущерб законодательной в современном капиталистическом обществе имеет под собой важные объективные основания. Однако это не означает, что данный процесс протекает без противоречий. Более того, соотношение сил между законодательной и исполнительной властью иногда может меняться и не в пользу последней. Это зависит от многих обстоятельств: от соотношения классовых сил, общей обстановки («чрезвычайное законодательство» передает власть в руки исполнительных органов), остроты борьбы между различными группами монополистической и немонополистической буржуазии. Здесь возможны самые различные ситуации. Например, при сильном давлении «снизу» и относительном равновесии сил монополистических группировок может взять верх тенденция к увеличению роли исполнительной власти. Там, где давление

---

[23] *Schlessinger A.* The imperial presidency, p. 18.

«снизу» слабее или не выходит за рамки либерализма и где нарушается равновесие монополистических группировок, может возобладать тенденция к усилению власти парламента.

Дело в том, что в условиях ожесточенной межмонополистической конкуренции обладание сильной президентской властью лишь одной из монополистических группировок дало бы ей слишком большие преимущества. Кроме того, изменение соотношения сил и обострение борьбы между монополистическими группировками могут привести к неустойчивости самой исполнительной власти. В подобной ситуации у буржуазии возникает стремление к новому перераспределению власти в пользу законодательных органов, где баланс сил более уравновешен, к поиску «нейтральной» фигуры на пост президента. (Не случайно в первом кабинете администрации Д. Картера не было непосредственных представителей финансово-промышленной элиты, да и сам Д. Картер относился к числу мало известных до выдвижения на пост президента политиков[24]).

Другой важнейшей причиной, порождающей тенденцию к перераспределению власти в пользу парламента, явилось углубление кризиса внутренней и внешней политики реакционных кругов во многих капиталистических странах, и прежде всего в США: инфляция, кризис городов, рост преступности, провал внешнеполитических авантюр привели к ситуации, в которой стремление к изменению политического курса вылилось в ряде стран в требование ограничения президентской власти. Более энергично стали выдвигаться требования реорганизовать систему принятия решений, поднять ответственность и расширить возможности органов местного самоуправления, дебюрократизировать федеральный аппарат и т. п.

Так, конгресс США в 1974 г. принял (отклонив президентское вето) законопроект о «свободе информации», ряд актов, ограничивающих полномочия президентов вести необъявленные войны без санкции конгресса (в противном случае они должны быть прекращены в течение 60 дней). Конгресс активизировал свою расследовательскую деятельность, контроль за назначением администрации. Так что «президентской революции» не произошло.

---

[24] См. *Зорин В. С.* Доллары и власть в Вашингтоне, с. 44—45.

Однако напрасно ожидать, что эти меры приведут к радикальному изменению механизма власти. Степень соперничества между президентом и парламентом обычно идеологами сознательно преувеличивается. По свидетельству самих буржуазных деятелей, «сотрудничество между конгрессом и исполнительной властью имеет гораздо большее значение в функционировании американской системы, чем факт их раздела» [25]. Поэтому возможные колебания в соотношении сил между ними не чреваты никакой революцией. Речь может идти лишь об образовании новых «качелей власти» (дополняющих межпартийный механизм) на фоне общей тенденции усиления исполнительной власти.

Противоборство законодательной и исполнительной власти в ряде случаев порождает тенденцию к автономизации различных органов управления. Например, конгресс США, традиционно противодействуя созданию крупных федеральных министерств (на создание министерств внутренних дел и сельского хозяйства потребовалось 37 лет, министерства торговли — 40, министерства труда — 45 лет [26]), прилагает усилия для образования более мелких организаций — самостоятельных бюро, обладающих определенной автономией в составе министерств. Кроме того, исполнительный аппарат включает большую группу независимых агентств, которые формально не подчинены ни законодательной, ни исполнительной, ни судебной власти.

В такой форме правительственное регулирование сферы частного предпринимательства оказывается менее навязчивым, вызывает меньше возражений со стороны монополий, которые выступают против чрезмерного усиления государства и которым легче найти с этими агентствами общий язык. Самостоятельные агентства и бюро выполняют и ряд других функций. Они стали формой управления при осуществлении крупномасштабных, многопрофильных, т. е. комплексных целевых программ, которые не укладываются ни в территориально-административные, ни в министерские рамки (например, программа космических исследований — НАСА). Весьма удобно

---

[25] *Hitt R*. Congress: two decades of analysis. N. Y., 1969, p. 216.
[26] См. Политический механизм диктатуры монополий. М., 1974, с. 180 (примеч.).

как для государства, так и для монополий прикрывать статусом «независимого агентства» разведывательные, карательные и другие антидемократические органы [27].

Автономизации отношений между различными федеральными органами управления благоприятствует и возникновение «комплексов» (групп отраслей) с соответствующими правительственными органами. Это также способствует оживлению концепции разделения государственной власти, так как обостряющаяся, например, межотраслевая конкуренция проявляется теперь и на уровне государственных органов. Во многом аналогична ситуация и в других капиталистических странах [28].

Противоречия между различными звеньями государственного аппарата отражают противоречивость результатов государственного регулирования. Цели, на достижение которых направлена деятельность различных органов регулирования, далеко не всегда совпадают. Возьмем для примера денежно-кредитное регулирование. Если, например, центральный банк ставит своей целью противодействовать растущим кризисным явлениям путем увеличения объема денежной массы, то это может привести к быстрому росту цен, что идет вразрез с деятельностью органов, осуществляющих политику «цен и доходов». Или, допустим, правительство стремится улучшить платежный баланс путем привлечения иностранного капитала и сдерживания импорта. Тогда банк, следуя этой линии, будет проводить дефляционный курс, направленный на снижение цен, повышение процента ставок и т. п., а это неизбежно приведет к снижению потребительного и инвестиционного спроса в стране, спаду экономической активности и т. д. Налицо явная противоречивость интересов.

Национализация банков не означает их полного поглощения государством. Зачастую его контроль носит формальный характер; «имеется много случаев, когда несогласие центрального банка с политикой правительства перерастало в открытый конфликт, причем руководители банка не ограничивались словесным заявлением, а

---

[27] О некоторых других причинах существования «автономных» органов см.: Современный буржуазный федерализм. М., 1978, с. 10.

[28] *Бунин И. М.* Буржуазия в современном французском обществе. М., 1978, с. 250—251.

проводили мероприятия, тормозящие осуществление правительственных программ» [29].

Таким образом, функциональная дифференциация органов государственной власти в условиях обострения межмонополистической конкуренции и срастания государства с монополиями, кристаллизуясь в бюрократических формах (не только по отношению к обществу, но и внутри государственного аппарата), породила так называемый новый механизм плюралистической системы государственных служащих. Американский экономист и политолог П. Дракер определяет его так: «Все правительственные органы превращаются в автономные и руководствуются собственными стремлениями к власти, своим собственным рациональным началом, своим узковедомственным представлением о вещах и своим боссом, а не национальной политикой и «национальным правительством». Государственная политика во всевозрастающей степени фрагментируется, причем руководство ею отделяется от ее исполнения. Исполнение направляется скорее инерцией больших бюрократических империй, а не соображениями государственной политики» [30].

Столь же псевдорадикальны и другие формы разделения власти: федерализм, деление парламента на палаты и т. п. Например, двухпалатное строение буржуазных парламентов сложилось в период становления буржуазной государственности и явилось в большинстве случаев формой компромисса с феодалами. Впоследствии подобные половинчатые меры буржуазия использовала для «уравновешивания» верхней палатой более демократически настроенной нижней палаты. Известно, что верхние палаты буржуазных парламентов, как правило, более консервативны по своему социальному составу и по характеру проводимой политики. Например, в Англии, когда у власти находятся консерваторы, палата лордов мало напоминает о себе, открывая дорогу законопроектам консервативного правительства. Наоборот, в период правления лейбористов лорды резко активизируются, используя право годичного отлагательного вето и т. п. Усложняя процедуру принятия решений, двухпалатная

---

[29] Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. I, с. 416.

[30] *Druker P.* The age of discontinuity, guidelines to our changing society. N. Y., 1969, p. 221.

буржуазная парламентская система ослабляет оппозицию правительству, способствуя тем самым усилению исполнительной власти (которая, кстати, нередко оправдывает узурпацию власти ссылками на «медлительность» парламента).

Во многих доктринах плюрализма большое значение придается федерализму как рычагу «балансирования» между местными и федеральными властями [31]. Некоторые буржуазные идеологи пытаются изобразить принцип федерализма в качестве чуть ли не «самого блестящего изобретения человеческого разума». Однако в действительности смысл федерализма вообще-то весьма тривиален. Буржуазный федерализм — одна из форм, которую обретают некоторые центробежные общественные силы в условиях капитализма. Нередко его основой является воинствующий национализм, а также неравномерность развития отдельных районов, штатов и т. п.

Процессу централизации противодействуют те группы монополистического капитала, влияние которых ограничено пределами штата или провинции; аналогичное сопротивление может оказывать мелкая и средняя буржуазия. Федерализм склонны также поддерживать представители земледельческого капитала, земельная аристократия (например, либерально-аграрная коалиция Австралии). Склонность к переносу межпартийной борьбы на местную почву обнаруживают те партии, которые теряют свое влияние в национальном масштабе. В США это десятки местных партий. В Англии это либеральная партия, которая в своих последних программах выступила с требованием усиления автономии Шотландии и Уэльса.

Особенностью буржуазной политической системы является наличие в ее структуре такого компонента, как лоббизм [32], который нередко называют «третьей палатой» парламента. Являясь частью политического механизма капиталистического общества, он отражает его характерные черты и по существу ничего качественно нового в систему не вносит. Так же как и во всей политической си-

---

[31] Современный буржуазный федерализм. М., 1978.

[32] Под лоббизмом обычно имеется в виду «система контор и агентств крупных монополий или организованных групп при законодательных органах США, оказывающих давление... на законодателей и государственных чиновников с целью принятия решения в интересах представляемых ими организаций» (Краткий политический словарь. М., 1980, с. 217).

стеме капитализма, в лоббизме господствует крупный бизнес [33]. Дело, конечно, не только в том, что его представляет большинство лоббистов (в Вашингтоне, например, проживает около 5 тыс. лоббистов). Надо учитывать, что речь идет о политической системе, которая, по словам самих буржуазных специалистов, «порождает коррупцию так же естественно, как производит прибыли. Она необходима для функционирования государственно-монополистического капитализма» [34].

Согласно данным американских ученых, лоббисты ежегодно тратят около 40 млн. долл. на подкуп конгрессменов. Не случайно для многих американцев слово «лоббизм» является синонимом слова «коррупция». Так что «третья палата» в конгрессе не является «пятым колесом в телеге»: систему подкупа в период избирательных кампаний она дополняет системой повседневного долларового давления на органы управления.

«Разделение власти», по мнению плюралистов, является лишь одной, хотя и главнейшей гарантией от тоталитаризма. «Плюралистическая демократия», считают они, застрахована от тоталитаризма еще и тем, что государство не имеет «классового характера» и что в его руках концентрируется не вся власть. «Диффузия власти», согласно взглядам плюралистов, происходит в различных формах: разделения власти между государством и народом, когда «высшая власть государства уравновешивается... демократическим контролем со стороны граждан» [35], передачи части государственных прерогатив общественным организациям и т. д.

Признавая буржуазное государство в качестве «неклассового» («надклассового»), нейтрального органа, являющегося лишь одной из «групп давления», хотя и первой среди множества других, плюралисты нарушают свою же «стратификационную» логику. С одной стороны, они утверждают, что все группы выступают как «заинтересованные», отстаивающие свои интересы через конкуренцию, давление, а с другой стороны, они признают, что государство — нейтральный орган — может заботиться о благе всех, быть беспристрастным арбитром, доброволь-

---

[33] См. *Зяблик Н. Г.* США: лоббизм и политика. М., 1976, с. 25.
[34] Political Affairs, 1972, July, p. 29.
[35] *Zanone V.* L'alternativa laica — Mondo economico. (Milano), 1976, a. 31, N 1, p. 16.

но отдавать часть своей власти другим группам и т. п. И это в обществе, где всеобщим законом является лозунг «каждый за себя, один бог за всех» и где даже бог, как показывает жизнь, на стороне господствующих классов.

В числе постоянных аргументов плюралистов, доказывающих «надклассовость» государства, ссылки на то, что оно якобы выполняет общественные функции, поэтому преследует общесоциальные цели.

Действительно, буржуазное государство решает и такие вопросы, в которых заинтересовано все общество, например поддержание элементарного общественного порядка Но даже в решении таких вопросов оно исходит из интересов господствующего класса. Так, многие уголовные преступления, совершаемые представителями господствующего класса, скрываются государственными службами, или за них накладывается совершенно не соответствующее вине наказание. Во многих случаях за одни и те же нарушения бедняки попадают в тюрьму, а богачи откупаются.

В чем же еще проявляется «надклассовость» государства? В предвыборной программе СДПГ 1972 г. говорилось, что «государство имеет задачей поддерживать слабых, держать в узде могущественных и добиваться законным образом необходимых изменений вопреки привилегированным» [36]. Исходя из этого, можно предположить, что государство поддерживает равновесие путем оказания помощи «слабым» и «обуздания могущественных». Но почему тогда постоянно воспроизводится деление на «слабых» и «могущественных»? Почему государство жестоко подавляет «слабых», если те осмеливаются выступить против такого деления? «Слабого» можно поддерживать по-разному, например заботиться о нем, чтобы он мог тянуть лямку за «могущественных».

Когда эксплуатация превышает допустимые рамки и создается опасность либо вырождения рабочего класса (подобную ситуацию описал в «Капитале» К. Маркс), либо социального взрыва, тогда государство как мозговой центр, штаб буржуазии может оказаться достаточно благоразумным (с точки зрения интересов буржуазии), чтобы принять меры, смягчающие ситуацию. Но это не свидетельствует о том, что в постоянном противоборст-

---

[36] Цит. по: *Гернс В. и др.* Оппортунизм сегодня. М., 1977, с. 51.

ве труда и капитала государство поддерживает рабочих. Буржуазные и оппортунистические идеологи, подчеркивая второстепенные функции государства, совершенно игнорируют тот очевидный факт, что оно верный защитник классовых привилегий, охраняющий такие порядки, при которых «могущественные» могут эксплуатировать и угнетать «слабых».

Почему государство в классово антагонистических обществах всегда тяготеет к поддержке экономически господствующего класса? Эксплуатация трудящихся экономически господствующим классом и его паразитическое потребление создают благоприятный фон для оправдания эксплуататорских поползновений и паразитизма политической элиты. Деспотизм частных собственников — хороший фон для деспотизма буржуазных политиков. Их сближает с экономически господствующими классами наличие в их руках большой власти, уровень информированности, культуры, особенности управленческого труда, во многом буржуазный образ жизни, воспитание, связи, ориентации (не говоря уже о том, что собственники или их прямые ставленники занимают большинство ключевых государственных постов).

При капитализме произошло более четкое, чем при феодализме, разделение экономической и политической сфер управления. Однако это ни в какой мере не подорвало власть экономически господствующего класса. Управление при капитализме, в том числе в масштабах всего государства, определяется характером собственности. Всякого рода управляющие, чиновники соучаствуют в эксплуатации народа и во многих случаях не менее частных собственников заинтересованы в сохранении существующей системы. Зачастую они проявляют даже большее усердие в ее защите, чем сами капиталисты. Положение предпринимателя устойчиво, оно гарантируется мощью всего класса. Положение управляющих неустойчиво, оно зависит даже от капризов их хозяев. Господствующий класс использует рвение такого промежуточного слоя, как управляющие, у которых несколько больше контактов с рабочими и которые всеми силами рвутся «наверх» и потому преданно служат буржуазии.

Рассмотрим теперь плюралистические идеи о разделении власти между народом и государством [37] и «соуча-

---

[37] *Debbasch C.* L'Etat civilise contre pouvoir sauvage, p. 16; *Birn-*

стии в политике». Большинство сторонников «плюралистической демократии» проявляют явную склонность к возможно большему ограничению этого «соучастия». Например, Р. Дарендорф заявляет, что «внимательная общественность» должна составлять лишь небольшую часть всех граждан. Главной формой участия Й. Шумпетер считает избрание группы лиц, которые принимают решения. Лидеры же, получив власть, обязаны лишь более или менее отзывчиво относиться к мнению рядовых. Основной гарантией демократии плюралисты считают по существу конкуренцию между элитами. Аргументы, выдвигаемые ими в пользу такой «модели демократии», заключаются в следующем. Масса мало интересуется политикой, она не компетентна, непостоянна, не хочет свободы. Ясно, что в решающем вопросе о демократии плюралисты переходят на позиции «элитарной демократии», смыкаясь по существу с консерваторами. При этом оказывается, что практическое отстранение народа от участия в политической жизни изображается на языке плюралистов как «отделение партий от государства» (см. § 2 этой главы), ограничение деятельности первичных общественных групп частными целями, «независимость» депутатов от избирателей. Например, в конституции ФРГ (1949 г.), в ст. 38, сказано: «Депутаты германского бундестага... являются представителями всего народа, их не связывают никакие поручения и указания, они подчиняются только велению собственной совести». Видимо, именно «совесть» должна подсказать буржуазным парламентариям, за какую сумму продать интересы народа в том или ином случае.

Одной из форм «разделения власти» между народом и государством, по мнению плюралистов, является «передача» части прерогатив государства общественным организациям, решениям которых придается юридическое значение. Подобные утверждения могут вызвать изумление даже у непосвященного читателя. Как можно совместить наличие действительной власти в руках буржуазного государства с рассуждениями плюралистов о передаче функций государства общественным организациям? Разве, например, фактический рост мощи военно-полицейских сил происходит в форме создания рабочей

---

baum P. La structure du pouvoir aux Etats — Unis, p. 150; *Pross H.* Kapitalismus und Democratie, S. 27.

милиции? Разве буржуазное государство позволит где-нибудь создание военизированных общественных организаций трудящихся, призванных хотя бы как-то ослабить полицейский произвол? Разве опережающий рост государственного сектора, невиданное расширение функций государства, рост бюрократизма подтверждают тезис о передаче государственных прерогатив общественным организациям (например, профсоюзам)? Конечно, нет.

«Распыление» государственной власти может иметь место только в интересах буржуазии. Когда, например, фабрикант создает отряд охраны, напротив, он дополняет и усиливает ее, ибо главная функция буржуазного государства — охрана частной собственности. Конечно, государство может придать юридическую силу институтам «соучастия», коллективному договору. Однако оно может себе позволить поиграть в демократию именно потому, что вся система буржуазных отношений гарантирует общий перевес сил на стороне класса буржуазии, т. е. сохранность существующих отношений собственности.

Несомненно, что плюралистическая концепция «распыления» власти государства отражает некоторые важные направления социального маневрирования правящих классов. Когда трудящиеся массы капиталистических стран все больше ощущают или даже осознают классовый характер государства и когда в условиях углубления общего кризиса капитализма дальнейшее обнажение его классовой сути становится исключительно опасным для существования буржуазии, особенно удобно проводить империалистическую политику через формально негосударственные органы и организации. Именно этим объясняется рост числа «независимых» агентств, «негосударственных» третейских судов, «независимых» экспертных организаций. Именно этим объясняется также усиленная пропаганда идеи об интегрировании рабочего класса и его организаций (партии, профсоюзов) в систему государственно-монополистического капитализма.

Как отмечалось, функции буржуазного государства резко расширились во всех сферах общественной жизни. Однако при господстве частной собственности и анархии общественной жизни регулирование можно распространить только на ограниченную часть системы. Оно способно поддерживать лишь общие (элементарные) нормы социального поведения. При подобной организации управления неизбежно остаются обширные неконтролируемые

зоны, регулирование которых государственный аппарат практически не способен обеспечить. Даже в отдельных корпорациях существует значительная децентрализация оперативных полномочий управленческого аппарата, тем более это неизбежно, когда речь идет об управлении в масштабе государства.

Таким образом, когда государство принимает важнейшие стратегические решения и тем самым обеспечивает необходимые общие условия «воспроизводства» всей системы социальных отношений, в том числе и в не контролируемых им непосредственно ситуациях, ошеломленного ростом мощи государства обывателя нетрудно убедить в том, что оно «делегирует» ему часть своих функций, когда это государство милостиво «позволяет» ему управлять самим собой на уровне микроситуаций, оставляя ему «право» на элементарный самоконтроль.

Еще одной формулой, выражающей суть концепции «распыления власти» буржуазного государства, является утверждение о падении удельного веса государства по сравнению со «свободными и независимыми» общественными организациями и институтами. По мнению некоторых западных ученых, «эти группы в цивилизованном обществе независимы от власти...», они являются «контрвластью» и «сдерживают усиление государственного гнета»[38]. Абстрагируясь от содержания функций, концентрируемых в руках государства, они рассуждают об изменении соотношения сил государства и общественных организаций на основе чисто количественных сопоставлений. Конечно, можно создать десятки общественных организаций типа общества холостяков, цветоводов, спортивные общества и т. д., но если при этом ключевые вопросы жизни общества решает государство, если усиливается аппарат подавления, если государство опутывает своими щупальцами все прогрессивные организации (регламентация их деятельности, насаждение в их среде провокаторов, подслушивание и т. д.), то о каком изменении соотношения сил может идти речь? Разве, например, о возрастании роли общественных организаций говорят такие данные: лишь 1% опрошенных американцев считают возможным воздействовать на политику государства через политическую партию и 4% опрошенных —

---

[38] *Debbasch Ch.* L'Etat civilisé contre le pouvoir sauvage, p. 119—121.

через формальные группы, включая профессиональные союзы [39].

Далее. Капитализм периода свободной конкуренции нуждался в государстве главным образом постольку, поскольку оно обеспечивало общие условия его функционирования. Сегодня государство стало необходимым компонентом в общественной жизни капиталистической системы. Увеличение его роли — закономерный процесс, отражающий логику развития производительных сил, общественного производства, словом, капиталистического общества в целом. Развитие производительных сил достигло такой степени, когда рыночный механизм не способен разрешать противоречия капиталистического воспроизводства.

Усиление господства монополий порождает неустойчивость всей капиталистической системы и опасность необычайно глубоких кризисов. Первым таким кризисом был кризис 1929—32 гг., когда объем промышленного производства, например, в США и Германии сократился до 57%, во Франции — до 74% [40] от уровня 1928 г., безработица возросла до 30—50% рабочей силы. Наиболее дальновидные буржуазные политики осознавали опасность подобных тенденций и необходимость активного вмешательства государства в экономическую жизнь (кейнсианство, «новый курс» Рузвельта и т. д.).

Государство приходило на помощь капиталу всюду, где он оказывался неспособным выполнять необходимые функции. Оно брало на себя ответственность за отрасли, по своему характеру требующие общественного регулирования (связь, энергетика, транспорт и др.), обеспечивало ускорение целенаправленных изменений в отраслевой структуре в соответствии с требованиями НТР, восполняло неспособность капитала удовлетворять такие потребности общества, как развитие системы образования, медицинского обслуживания и т. п. Сегодня практически все звенья капиталистической системы (прямо или косвенно) регулируются государством. В повышении его экономической роли немаловажное значение имеют и факторы политического характера: обострение борьбы с

---

[39] См. *Ашин Г К.* Политический плюрализм или «элитарная демократия»? — Мировая экономика и международные отношения, 1975, № 3, с. 101.

[40] См. Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. I, с. 43.

социализмом, милитаризация экономики, борьба трудящихся за улучшение системы социального обеспечения, за национализацию ведущих отраслей народного хозяйства и т. д.

Разнообразны формы вмешательства государства в экономическую жизнь. Прежде всего — это его участие в роли предпринимателя. Государственные предприятия составляют сегодня значительную часть всех промышленных предприятий капиталистически развитых стран. Темпы роста инвестиций в государственном секторе выше, чем в частном. Кроме того, роль государственного сектора в экономике капиталистических стран возрастает и вследствие того, что доля государства особенно высока в ряде ведущих отраслей (машиностроение, металлургия, энергетика, транспорт); в государственном секторе выше степень концентрации капитала, что также усиливает его позиции. Значение государственного сектора в капиталистической экономике возрастает и в связи с усилением классовой борьбы пролетариата.

Активную роль в экономике играют государственные финансы (государственный бюджет, фонды социального страхования, финансы предприятий государственного сектора). Через них осуществляются самые разнообразные формы экономического регулирования (кредит, воздействие на рынок, амортизационная и налоговая политика и т. п.). Большое значение имеет и собственно денежно-кредитная политика, проводимая прежде всего через центральные банки (регулирование учетной ставки, банковских резервов, операции на рынке). Государственные финансы аккумулируют до 50% национального дохода и существенным образом опосредуют движение всех составных частей капитала [41].

Немаловажную роль играет и такая форма государственного регулирования, как административное вмешательство, начиная со всевозможных инструкций и кончая законодательными актами. Примерами административных форм регулирования могут служить различные комплексы законов: «антитрестовское» законодательство, регулирование квот международной торговли, всевозможные межгосударственные договоры и т. д. Объединяющим началом, основой всех этих направлений и форм государственного регулирования экономики является государственное программирование: сбор, обработка, хра-

[41] См. там же, с. 417—428.

нение, распространение соответствующей информации, различные консультативные органы, составление программ.

Роль государства возрастает и в области культуры, образования, деятельности средств массовой информации и т. п. И тем не менее буржуазные идеологи пытаются искать новые аргументы, призванные доказать, что государство сегодня — лишь одна из «групп давления». Сказанное не отрицает известной популярности концепций групповой динамики, особенно среди промежуточных социальных слоев. Однако эта популярность ни в коей мере не объясняется готовностью буржуазного государства поделиться своей властью с трудящимися. Наоборот, она отражает углубление кризиса буржуазной демократии и усиление сопротивления масс антидемократическим тенденциям.

Таким образом, тезис о «разделении власти» как «надежной гарантии демократии», даже взятый в абстрактной форме, отражает классовую ограниченность буржуазной демократии. «Взаимное сдерживание» законодательной и исполнительной власти в классово антагонистическом обществе есть не что иное, как ограничение законодательной власти в пользу более послушного монополиям исполнительного аппарата. Поэтому не случайно подобные концепции служат прикрытием усиления всевластия монополий. Лозунг «независимости и надклассовости» буржуазного государства скрывает его тесную связь с монополиями, а концепция о «разделении власти» используется как удобная форма для усиления исполнительной власти.

Что касается «нового механизма» государственного плюрализма, то даже многие буржуазные политологи вынуждены признать его кризисный характер. Срастание монополий с государством (при усилении межмонополистической конкуренции) неизбежно приводит к автономизации различных правительственных органов. Подобная автономизация отражает противоречивость результатов государственного регулирования, когда одни органы фактически противодействуют другим. Автономизации государственных органов способствует и ряд других обстоятельств: обычно слабая дисциплина внутри правящих партий, конкуренция между продажными кликами чиновников. Конечно, подобная «плюрализация» государственного аппарата снижает эффективность его работы.

Столь же ненадежной гарантией демократии является «разделение власти» между народом и государством. В этой формуле также отражается классовая ограниченность буржуазной демократии, ибо государство, представляющее интересы эксплуататоров, не может делить власть с эксплуатируемыми. К тому же, по мнению самих плюралистов, государство должно делить власть не со всем народом, а лишь с его «активным меньшинством» (под которым, естественно, имеется в виду прежде всего буржуазия).

Все сказанное не означает, что в концепции «разделения власти» не содержится отдельных рациональных положений (разделение в системе управленческого труда, независимость суда и т. д.), демократических элементов (укрепление региональной, национальной автономии, повышение роли общественных демократических организаций). В той мере, в какой требование «разделения труда» отражает сопротивление трудящихся, мелкой и средней буржуазии засилью монополий, рост демократического движения, они находят понимание и поддержку у широких масс. Вместе с тем в целом эта концепция имеет четкую классовую направленность и отражает стремление идеологов буржуазии прикрыть действительное усиление тоталитаристских тенденций.

Практическое осуществление плюралистической концепции «разделения власти» таит в себе значительные контрреволюционные потенции, особенно при осуществлении социалистической революции мирным, парламентским путем. Весьма показателен в этом отношении опыт Чили. В ней лозунг «разделения власти» соблюдался наиболее «строго». Известно, что народным массам здесь удалось победить на президентских выборах и президентом страны стал представитель левых сил С. Альенде.

Однако правые силы, располагая большинством в конгрессе, блокировали многие радикальные инициативы президента. Буржуазные суды освобождали всех политических противников правительства Народного единства, террористов, саботажников. В результате усилия правительства были парализованы. И наконец, «нейтральная армия», которая, как считалось, традиционно придерживается принципа «невмешательства в политику», грубо нарушив конституцию, свергла законно избранное правительство.

Мирная форма революции предполагает относительно медленные темпы процесса преобразований. Следовательно, в этих условиях прогрессивные силы не могут овладеть сразу всей государственной машиной. Поэтому правящие классы, обладая даже только частью власти, будут иметь время и возможность для дезорганизации и блокирования революционного процесса. Отсюда мирный парламентский путь осуществления социалистической революции предполагает борьбу против выгодных правящим классам форм «разделения власти».

2. «Отделение партий от государства» в механизме «плюралистической демократии»

Важнейшее место в политической системе современного капиталистического общества многие буржуазные идеологи отводят партиям, которые, по их мнению, выполняют роль «движущих сил политической жизни» [42] и являются «сущностью либеральной демократии» [43]. Свойственная многим капиталистическим странам многопартийность нередко рассматривается как дополнение и развитие системы разделения власти [44], важнейшая гарантия буржуазной демократии. Выборы, в организации которых ведущая роль принадлежит политическим партиям, представляются ими в качестве главной формы «разделения власти» между государством и народом. Именно благодаря выборам гражданин «становится арбитром, которому принадлежит конечный выбор и который обладает правом решающего голоса в конечной инстанции» [45].

Существование партий и избирательной системы нередко изображается буржуазными идеологами как нечто само собой разумеющееся, изначально присущее капиталистическому обществу. Однако в действительности дело обстоит не так. Известно, например, что основатели американского государства считали партии «орудием для подрыва власти народа и узурпации власти правительства», «отвлекающей и разобщающей силой», выражением «эгоистических интересов». Ныне далеко не все буржуазные идеологи и политики считают многопартийность

---

[42] *Burdeau G.* Traite de science politique. Vol. 3. Paris, 1968, p. 265, 446.

[43] *Debbasch Ch.* L'Etat civilise contre le pouvoir sauvage, p. 37.

[44] Там же, с. 38.

[45] *Ciscard D'Estaing, V.* Democratie francaise, p. 146—147.

необходимым признаком демократии. В некоторых капиталистических странах (с фашистским режимом) деятельность партий сильно ограничена или даже запрещена вообще. Эти факты говорят о том, что такие политические институты, как партии, избирательная система, являются продуктом конкретно-исторического развития, а не неким свойством, исключительно присущим «чистой» демократии.

Предпосылки буржуазной избирательной системы формировались в процессе возникновения и становления капитализма. Ведь институт массового политического голосования был чужд феодализму. Низкий уровень сознательности трудящихся исключал тогда их объединение в самостоятельную политическую организацию. Этому мешали жесточайшая эксплуатация, покоившаяся на внеэкономических методах принуждения, а также жесткие сословно-кастовые перегородки, освященные авторитетом церкви.

Отношения собственности, распределение и перераспределение собственности внутри самого господствующего класса также осуществлялись главным образом в форме военных захватов, дарований и т. п. В этих условиях участие в политическом, административном, военном аппаратах принуждения «низших» сословий исключалось. Необходимо учитывать также и то обстоятельство, что при феодализме политическая власть жестко ассоциировалась с экономической, и не только потому, что главной формой принуждения трудящихся было внеэкономическое принуждение, но и вследствие недостаточного развития разделения труда в сфере общественного управления.

Участие масс в голосовании как форма установления соотношения сил между различными кланами феодалов также было невозможно при феодализме, и не только в силу указанных выше, но и ряда других причин. Соотношение сил между соперничавшими группировками феодалов определялось в основном соотношением числа душ, находившихся в их личной зависимости. В случае междоусобных войн (столь характерных для раннего феодализма) лично зависимые крестьяне автоматически становились военной силой суверена. Конечно, количество зависимых учитывалось и при назначении на должности, и при решении государственных проблем, но сам принцип личной зависимости и неразделенность экономи-

ческой и политической власти исключали возможность агитации среди подданных одного феодала в пользу другого.

Положение меняется с выходом на историческую арену буржуазии. Главной формой принуждения становится экономическая. Перераспределение собственности во все большей степени производится через рынок. В большинстве случаев становление буржуазии проходило в борьбе с феодальным государством. Постепенно усиливалось разделение труда в области общественного управления между экономической и политической формами. В результате значительные слои буржуазии уже менее ревностно, чем феодалы, смотрели на государство, а порой были настроены по отношению к нему даже враждебно. Главное же заключается в том, что экономическая зависимость становится всеобщей и достаточно прочной во взаимоотношениях между самими капиталистами, между ними и трудящимися в форме экономического принуждения; она также приобретает форму подкупа бюрократии всех уровней, включая государственный.

Ряд предпосылок, обусловливающих участие широких масс трудящихся в голосовании, закладывался в процессе борьбы буржуазии против феодализма. Именно здесь впервые проявилась такая особенность стратегии и тактики поднимающейся буржуазии, как обращение к народу с целью привлечения его на свою сторону в борьбе против господствующего класса феодалов. Ряд факторов делал необходимой и возможной такую агитацию в массах и вовлечение их в политику. К ним следует отнести: рост общественно-политической активности масс; стремление буржуазии к политической власти; возможности буржуазии в агитации и привлечении на свою сторону широких народных масс; личное освобождение трудящихся.

Рост общественно-политической активности масс отражал, с одной стороны, углубление кризиса феодализма и усиление эксплуатации трудящихся, а с другой — прогрессивные потенции нового, капиталистического способа производства. Буржуазия была в то время исторически прогрессивным классом. По мере роста ее экономической силы увеличивались и ее политические притязания, нетерпимость к тесным рамкам феодализма. Однако она по-прежнему не имела политической власти. Сословные ограничения делали невозможным для буржуазии созда-

ние внутри существующей феодальной политической системы достаточного плацдарма для наступления на власть феодалов. Она вынуждена была действовать вне этой системы.

Поскольку буржуазия не могла одна свалить абсолютизм, она вынуждена была обратиться к народу. Однако мобилизовать народ феодальным методом рекрутирования она не могла. Поэтому агитационное обращение к массам, как к свободным, так и к лично зависимым и мечтающим об освобождении, стало важнейшим средством формирования новых политических армий, направленных против политически господствовавших феодалов.

Ряд обстоятельств благоприятствовал влиянию буржуазии на массы. Она была растворена в третьем сословии, поэтому в период буржуазно-демократических революций не всегда можно было провести четкую грань между нею и пролетариатом. Нередко капиталист работал рядом с рабочим, немногим отличаясь от него и по уровню жизни.

Важно и то обстоятельство, что буржуазия по существу своей производственной деятельности нацелена на рынок, а следовательно, на массовый спрос и публику. Рынок в этом смысле выступал одним из источников власти буржуа. В существенной степени его положение определялось выбором массового покупателя. Поэтому буржуа склонен постоянно бороться за «симпатии» покупателей. Располагая возможностью обращения к массам в борьбе за влияние на рынке, буржуазия накапливала опыт общения с ними, манипуляции их вкусами, настроениями. Все это она использовала в политической агитации в борьбе с засильем феодалов.

Конечно, обращаясь к народу, буржуазия ставила классово ограниченные цели. Поэтому избирательное право с самого начала было жестко ограничено имущественным и другими цензами, что практически полностью отстраняло народ от участия в политической деятельности. Буржуазия была против введения всеобщего избирательного права, боясь раствориться в пестром представительстве третьего сословия. Однако превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу, рост сознательности и организованности трудящихся предопределили необходимость введения всеобщего голосования. Этот факт признают даже многие буржуаз-

ные идеологи, считая, что неуступчивость правящих кругов могла бы обернуться революционными потрясениями [46].

Завоевание пролетариатом избирательного права — это его огромная историческая победа. В большинстве капиталистических стран оно было введено в последней трети XIX в. И это было не случайно. Закончилась эпоха буржуазно-демократических революций, что несколько сгладило остроту выдвигаемых массами политических требований. Классовая борьба рабочих несколько ослабила пресс эксплуатации. Эти и ряд других причин способствовали тому, что наряду с революционными течениями в рабочем движении возник и развился оппортунизм. Наиболее дальновидные представители буржуазии того времени увидели в этом выход из положения. Немецкий государствовед конца XIX — начала XX в. Ф. Науманн писал: «Избирательный бюллетень является мощным предохранительным клапаном против революции... Каким странам угрожает революция? Англии или Америке? Нет, не им, а России, стране с самой консервативной культурой» [47]. Другой немецкий государствовед того времени, Г Мейер, в книге «Парламентское избирательное право» писал еще более откровенно: «Только участие трудящихся классов в пользовании политическими правами обеспечит спокойное и мирное течение государственного развития. Оно не способствует перевороту, а предупреждает его» [48].

Буржуазия рассматривала введение всеобщего голосования как уступку, которая должна была смягчить остроту классовых противоречий. При этом она прямо рассчитывала на усиление оппортунизма и, конечно, не собиралась передавать власть народу. Г Мейер писал: «Если удается таким образом превратить социал-демократию из революционной партии в партию реформы (хотя и радикальной), а также обеспечить доступ в ее ряды национальным взглядам, то тогда всеобщее избирательное право утвердится в Германии на длительное время. Если, напротив, социал-демократия пойдет по революционному пути и завоюет решающее влияние в рейхстаге,

---

[46] *Blacke R.* The conservative party from Peel to Churchill. L., 1970, XIII, p. 151.

[47] *Naumann F.* Democratie und Keisertum. Berlin, 1905, S. 11.

[48] *Meyer G.* Das Parlamentarische Wahlrecht. Berlin, 1901, S. 420.

то возникнет новая ситуация... тогда, вероятно, не останется ничего другого, как устранение этого права»[49].

Введение всеобщего избирательного права было важным завоеванием пролетариата, но борьба продолжалась. По мере появления политических организаций пролетариата, прежде всего рабочих партий, политические организации буржуазии модифицировались, принимали более четкие идеологические и организационные очертания и предпринимали настойчивые попытки «выйти в народ». Эти организации выполняли не только функции средства консолидации сил и разрешения фракционных противоречий внутри буржуазии, но и функцию отвлечения трудящихся масс от их классовых интересов, раскола их рядов и интеграции в существующую политическую систему. Таким путем, коротко говоря, в капиталистических странах сформировались современные многопартийные системы.

Большинство нынешних буржуазных идеологов считают многопартийность высшим критерием демократии. «Наличие или отсутствие соревнующихся политических партий,— заявляет Р. Даль,— можно использовать как испытание лакмусовой бумажкой наличия или отсутствия в стране демократии[50]. Однако анализ подобных аргументов показывает их несостоятельность. Многопартийность в условиях капитализма служит преимущественно манипулятивным целям. Она не спасает буржуазную демократию от углубляющегося кризиса. Отсутствие многопартийной системы в некоторых социалистических странах объясняется конкретными историческими условиями, в которых они развивались, и ни в коей мере не свидетельствует об отсутствии демократии, как это утверждают западные идеологи. Наоборот, тенденция к однопартийности в условиях социализма является синтетическим выражением глубочайших революционных изменений во всем образе жизни.

Суть проблемы состоит в том, что политическая организация общества отражает характерные черты экономических отношений, и прежде всего отношений собственности, социально-классовой структуры и соотношения классовых сил. Так, при капитализме существует тенден-

---

[49] Там же, с. 451.

[50] *Dahl R.* Pluralist Democrasy in the United States Conflict and Consent. Chicago, 1967, p. 203.

ция к многопартийности, в том числе на его империалистической стадии, когда усиливается его агрессивный, антидемократический характер. О существовании такой тенденции говорят многие факты: крушение целого ряда фашистских, тоталитарных режимов (Греция, Испания, Португалия), рост неустойчивости диктаторских режимов в Латинской Америке.

Важнейшей причиной перехода к многопартийности как условию существования политического плюрализма является усиление классовой борьбы между монополистической буржуазией, с одной стороны, и трудящимися массами, мелкой и средней буржуазией — с другой. Рабочий класс, другие слои трудящихся, подвергаясь эксплуатации со стороны владельца средств производства, вступают в классовое противоборство. Это важнейшая объективная основа существования различных буржуазных партий.

Буржуазия, провозглашая себя хранительницей демократических традиций, на протяжении многих десятилетий всячески травила, преследовала не только коммунистов, но и многих демократически настроенных деятелей. Такие права трудящихся, как право на собственную организацию, и в частности на создание своих партий и других организаций, являются результатом длительной и ожесточенной классовой борьбы. Их наличие отражает определенный сдвиг в соотношении классовых сил; каждое новое право, которого добиваются трудящиеся, означает, что рабочим удалось еще раз потеснить буржуазию, ограничить сферу ее произвола.

Существование во многих капиталистических странах мощных прогрессивных профсоюзных организаций, влиятельных коммунистических партий говорит о том, что буржуазия не обладает абсолютным влиянием. Однако это вовсе не означает, что классовая борьба — это, как утверждают западные идеологи, процесс «свободной игры политических сил», в результате которого устанавливается «гармоническое равновесие» в обществе. Но тогда почему же коммунистические партии находятся на нелегальном или полулегальном положении и подвергаются преследованиям во многих капиталистических странах (при одновременном легальном существовании фашистских, полуфашистских и других экстремистских организаций)? Очевидно, потому, что классовое соотношение сил в этих странах в целом или по крайней мере по важ-

нейшим политическим направлениям не в пользу рабочего класса. Везде, где буржуазия имеет перевес сил, она без обиняков использует его для подавления своих противников.

Среди объективных причин существования тенденции к многопартийности в условиях капитализма необходимо отметить специфику внутренней структуры класса буржуазии, высокую степень дифференциации, острые противоречия между различными ее слоями, динамичное изменение соотношения сил между отдельными фракциями, конкуренцию как существенную форму взаимоотношений.

Суть отношений частной собственности среди прочего заключается и в том, что различные отряды буржуазии конкурируют друг с другом: по степени концентрации капитала (мелкая, средняя и монополистическая буржуазия); по сферам вложения капитала (межотраслевая конкуренция, противоречия между промышленным, торговым, денежным, земледельческим капиталом, капиталом в военно-промышленной и гражданской сферах и т. д.). Изменения в экономической конъюнктуре нередко оказывают на разные отряды буржуазии прямо противоположное влияние. Например, понижение банковского процента наносит ущерб владельцам денежного капитала, землевладельцам как получателям ренты, но выгодно промышленным капиталистам, держателям акций, землевладельцам как продавцам земли. Инфляция благоприятствует капиталистам, чьи предприятия ориентированы на импорт, но затрудняет положение предприятий, ориентированных на экспорт, и т. п.

Как мы стремились показать, последствия политики государственного регулирования весьма противоречивы Контуры «полей конкуренции» очерчиваются не только по линии различий ее субъектов, но и в зависимости от условий, средств, используемых в конкурентной борьбе. Это разнообразие переплавляется в различные крупные формы конкуренции: региональную, национальную, политическую и др.

Динамизм капиталистического способа производства, свобода частнопредпринимательской деятельности, широкие возможности конкуренции обусловливают относительно высокий уровень динамизма внутриклассовой структуры буржуазии, неравномерность ее развития и постоянное изменение соотношения сил ее различных от-

рядов. Между различными фракциями буржуазии идет непрерывная борьба, которая также выступает в качестве важного объективного основания многопартийности в условиях капитализма.

В современную эпоху, характеризующуюся бурным ростом активности широких масс трудящихся, буржуазия не может не апеллировать к народу, не искать у него поддержки. Различные буржуазные партии стараются привлечь на свою сторону те или иные слои населения. В этих условиях отсутствие гибкого механизма учета соотношения сил между различными фракциями буржуазии на политическом уровне породило бы не только большие внутриклассовые напряжения, затруднив формирование единого антипролетарского фронта, парализовало бы деятельность государства, но и усилило бы опасность столкновения вовлекаемого оппозицией в водоворот событий народа с властью, которое могло бы стать неконтролируемым и угрожать самим устоям буржуазного общества. Этим в решающей мере объясняется взаимная терпимость конкурирующих фракций и сравнительная легкость передачи ими власти друг другу.

Наличие во многих капиталистических странах многопартийных систем и межпартийной борьбы, принимающей порой ожесточенные формы, в принципе не может угрожать существованию господства буржуазии. Более того, буржуазия заинтересована в существовании ослепляющих стен, в которых были бы эффектные и бессодержательные дуэли [51]. Предвыборные спектакли выполняют множество важных функций. Они служат средством искусственного вовлечения масс в предвыборные состязания, и это становится все более необходимым, ибо многие избиратели убеждаются в том, что выборы ровным счетом ничего не решают. «У многих американцев,— отмечал бывший президент США Дж. Картер,— существует беспрецедентное сомнение в том, представляет ли правительство в Вашингтоне американский народ. Ответ на этот вопрос ясен — нет» [52].

Этот вывод достаточно убедительно подтверждается многочисленными результатами опросов общественного мнения. Согласно данным института Харриса, «индекс отчуждения» по отношению к правительству составлял:

---

[51] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.
[52] *Carter J.* Why not best? Washington, 1978, p. 4.

в 1966 г.— 29%, в 1941 г.— 40, в 1980 г.— 58% [53]. Раньше подобное положение дел вполне бы устроило буржуазию. Сегодня же она стала настороженно относиться к «молчаливому большинству». В условиях обострения классовой борьбы политическая пассивность все чаще является одной из форм протеста, которая чревата стихийными взрывами недовольства. Плюралисты нередко высказывают мысль о том, что политическая апатия избирателей опасна, и они предпочитают ей такую активность, которая, с одной стороны, удовлетворяла бы избирателей, а с другой — была бы полностью подконтрольна правящей элите. Здесь-то и используется механизм современной буржуазной избирательной системы.

Разыгрывая внешне яркие дуэли, ставленники буржуазии рассчитывают на эффект заразительности. Действительно, большинство буржуазных обывателей довольно бурно реагируют на острые предвыборные баталии. Инстинктивно бросаясь в водоворот предвыборных событий, такой «избиратель», по мнению самих буржуазных идеологов, за кого-то начинает «болеть», уподобляясь болельщику спортивного зрелища [54]. Спекулируя на чувствах людей, идеологи буржуазии надеются, что если им удается навязать пассивному избирателю выбор одной из буржуазных партий, то этот избиратель будет склонен считать выбранную партию своей. Конкуренция, по их мнению, лишь разжигает интерес избирателей. Следовательно, чем она острее, тем более они будут преданы кандидату. Если избиратель недоволен бывшим правительством, то поддержка оппозиционной партии дает ему теперь возможность выразить протест и создать ложное чувство самоуспокоенности, видимость того, что он отстаивает собственные интересы.

В конечном счете этот спектакль отвлекает внимание некоторых слоев населения от того, что происходит за кулисами, где принимаются жизненно важные решения. Манипулируя партиями, перекладывая власть из одних рук в другие, буржуазия создает видимость решения проблемы и учета интересов народа. Это признают сами буржуазные теоретики: «Партия собственности с двумя подразделениями (республиканской и демократической

---

[53] *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 56.

[54] *Wahlko J. C.* Public Politicy and Representive Governemnt. N. Y., 1970, p. 37.

партиями.— *В. И.*) является одним из наиболее совершенных механизмов, с которым когда-либо имели дело богачи, преисполненные решимости сохранить свое господствующее положение. Она дает им значительную гибкость»[55].

Передача власти от одной партии к другой по существу запрограммирована системой буржуазной демократии. В условиях кризиса буржуазной избирательной системы, проявляющегося, в частности, в исчезновении даже формальных различий между оппозиционными партиями, проблема демонстрации различий встает особенно остро. Эти различия создаются искусственно за счет словесной мишуры, преувеличения роли незначительных, второстепенных фактов. Особо важная роль принадлежит предвыборным обещаниям, которыми буржуазные лидеры пытаются восполнить недостаточную альтернативность. Здесь раскрывается широкий простор для всякого рода демагогии, ибо депутаты буржуазных парламентов вовсе не считают нужным выполнять свои предвыборные обещания.

Партия оппозиции, давая обещания, которые она заведомо не может выполнить, как бы потенциально программирует переход власти к другой партии. Этому способствует и ряд других обстоятельств. Так, в правящей партии, как правило, усиливается дифференциация между ее правым и левым крылом. Наоборот, находящаяся в оппозиции партия в этот промежуток времени сплачивает свои ряды. Нельзя сбрасывать со счетов и действие психологического механизма «замещения» применительно к правительствам, чему также способствует система многопартийности. Результатом всего этого является, по образному выражению К. Маркса, то, что для трудящихся выборы, как правило, представляют лишь возможность «решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте...»[56]. С того времени мало что изменилось. Об этом свидетельствуют, например, слова французского плюралиста Ж. Бертрана: «Можно ли называть политической свободой... власть, которая позволяет время от времени выбирать

---

[55] *Domhoff G. W.* Who rules America. N. Y., 1967, p. 29.
[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 17, с. 344.

нам между двумя кандидатами, между плохим и худшим»[57].

Конечно, наличие однопартийной или многопартийной системы в условиях капитализма является одним из показателей уровня развития буржуазной демократии, ибо однопартийные системы здесь, как правило, являются признаком тоталитарных и фашистских режимов. В буржуазном обществе многопартийность имеет определенное прогрессивное значение. Наличие многопартийной системы, конкуренция между различными буржуазными партиями на фоне возрастания активности, организованности революционного движения в некоторой мере сдерживают развертывание деятельности реакции, благоприятствуют мобилизации прогрессивных сил, облегчая деятельность партий трудящихся. Это дает определенные возможности использовать противоречия в стане буржуазии с целью проведения демократических преобразований. Однако это не меняет существа буржуазной демократии, которая остается прежде всего демократией для кучки эксплуататоров. Частная собственность на средства производства, несмотря на все попытки буржуазных и правооппортунистических идеологов затушевать ее значение как основы капиталистической системы, по-прежнему остается решающим рычагом власти, обеспечивающим господство буржуазии во всех сферах общественной жизни.

При капитализме нет и не может быть «равных возможностей» для революционных и буржуазных партий. Вся буржуазная система «работает» на капитал. Особенно наглядно ее классовый характер проявляется в момент предвыборной кампании. Выборы в капиталистическом мире — довольно дорогое удовольствие. В США так называемые пожертвования делает лишь незначительное число избирателей, из них 1% дает 90% всех пожертвований. Процент пожертвований, как показывают обследования, зависит от уровня доходов избирателей: 3,7% пожертвований дает группа с доходом до 5 тыс. долл. в год, до 32% — группа с доходом более 20 тыс. долл. в год[58]. Кроме того, правящая элита обладает и такой «привилегией», как использование незаконных приемов

---

[57] *Bertrand J.* Ideologies et realites politiques. Paris, 1974, p. 119.
[58] *Adamoni D. W., Agree G. E.* Political money. A Strategy for compaign financing in America. Baltimor—London, 1975, IX, p. 29—30.

ведения предвыборной борьбы. Она устанавливает самые разнообразные искусственные преграды на пути прогрессивных партий (заградительные «избирательные барьеры», «избирательная география», мажоритарная система и т. п.) [59].

Западные политологи отмечают тенденцию перехода от многопартийных к двухпартийным в своей основе системам и к сокращению числа партий, представленных в парламентах [60]. Так, в ФРГ произошел переход от четырех крупных партий, существовавших до второй мировой войны, практически к двум в настоящее время. В Англии значительно снизилось влияние либеральной партии. «Вся американская система выборов,— пишет К. Росситер,— избирательное право, практика предвыборных кампаний, обычаи общества,— все решительным образом препятствует тому, чтобы мелкие партии добились общенационального влияния, даже второстепенного. Непомерная стоимость проведения предвыборных кампаний, законодательные ограничения во многих штатах, в результате которых трудно попасть в избирательные списки и остаться в них, легальный статус главных партий, в соответствии с которым они осуществляют надзор за проведением выборов,— это лишь немногие из тех препятствий, которые находятся на пути любой третьей партии» [61].

Буржуазные авторы указывают и на ряд других факторов, способствующих возникновению и сохранению двухпартийных систем. В частности, при двухпартийной системе возникает такое явление, как «боязнь потерянного голоса». Например, в Англии в 1969 г. 14% опрошенных, опасаясь, что голоса, поданные за малые партии, в результате поражения этих партий пропадут, голосовали не за того кандидата, за которого они хотели бы проголосовать [62]. Это дает основным буржуазным партиям важные преимущества. Не случайно В. И. Ленин считал двухпартийную систему «одним из самых могучих средств помешать возникновению самостоятельной рабочей, т. е. действительно социалистической партии» [63].

---

[59] Подробнее об этом см.: Партии и выборы в капиталистическом государстве. М., 1980, с. 49—53.

[60] См. там же, с. 143—144.

[61] *Rossiter C. L.* Parties and politics in America. N. Y., 1967, p. 19.

[62] См. Политический механизм диктатуры монополии. М., 1974, с. 264.

[63] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 193.

Конечно, тенденция к монополизации политики в разных странах проявляется неодинаково. В некоторых странах до сих пор существуют десятки политических партий (например, в Голландии, Греции, Испании и др.). Это создает настоящий хаос, совершенно сбивающий простых людей с толку и усиливающий элемент случайности в процессе голосования. При таком положении многие партии, не имеющие реальных шансов на успех, питают склонность к демагогическим и ультрарадикальным обещаниям. В этой какофонии псевдорадикальных обещаний действительно радикальные предложения коммунистов остаются многими избирателями незамеченными.

В настоящее время со всей очевидностью можно констатировать факт снижения эффективности системы буржуазной многопартийности, даже с точки зрения критериев буржуазной демократии. Растет число избирателей, которые не видят разницы между буржуазными партиями и колеблются между ними, например между республиканской и демократической партиями в США. Поэтому не случайно увеличивается доля так называемых независимых избирателей. По мнению буржуазных исследователей, «не только все большее число людей объявляет себя «независимыми», но даже те, кто зарегистрированы как республиканцы или демократы, с удовольствием готовы переметнуться на другую сторону и проголосовать за кого-нибудь из другой партии»[64]. Что же говорить об избирателях, когда крупнейшие монополии в период избирательной кампании жертвуют сразу обеими партиями. Если в 60-х годах 27% избирателей голосовали за президента от одной партии, а за конгрессмена — от другой, то в 1972 г. такое «раздвоение» достигло 60%[65]. В США практически не осталось ни одного однопартийного штата, голосующего только за республиканскую или только за демократическую партию.

Следует отметить, что в целом ряде стран установилось равновесие между основными оппозиционными партиями и конкурирующими партийными группировками. В ФРГ правящая коалиция в 70-х годах имела перевес над оппозицией ХДС/ХСС обычно всего в несколько го-

---

[64] *Bruno H.* Campaig'n 76: the disenchanted. New—York (N. Y.), 1975, dec. 22, vol. 86, N 24, p. 32.

[65] *Cantor R.* Voting behavior and presidentiae elections. Ithaca, p. 91, 93; The Public Opinion Quarterly, 1977—78, vol. 44, N 4, p. 513.

лосов[66]. Одним из результатов неустойчивости явился развал коалиции СвДП и СДПГ и падение правительства Г Шмидта. Социалистическая партия Австралии на парламентских выборах 1975 г. получила 93 места из 183, на выборах 1979 г. — 95 мест. В мае 1981 года в Нидерландах в результате парламентских выборов правительственная коалиция (ХДП и НПСД) потеряла несколько голосов и имела в парламенте 74 из 150 мест[67]. Неустойчиво положение правящих партий и коалиций в Италии, Дании, Бельгии и других странах.

В США за период с 1900 по 1980 г. республиканцы и демократы примерно поровну разделили время пребывания в Белом доме. В 20 кампаниях по выборам президента с 1900 по 1976 г. обе партии получили почти одинаковое число голосов: республиканцы — 434,5 млн., демократы — 415,1 млн.[68] Отсутствие каких-либо ощутимых различий между программами конкурирующих буржуазных партий, с одной стороны, и их шумная реклама во время избирательной кампании — с другой, приводят к тому, что обыватель концентрирует свое внимание на личных качествах кандидатов. Когда лицемерие буржуазных политических деятелей является нормой, стремление аполитичного обывателя, оглушенного пропагандистской шумихой, акцентировать свое внимание на личностных качествах кандидата становится вполне понятным. Один из известных в США исследователей общественного мнения, У. де Врис, в результате многочисленных опросов пришел к выводу о том, что в определении кандидата избиратель руководствуется прежде всего его личностными качествами — этот критерий стоит на первом месте; партийная же принадлежность — лишь на пятом[69].

Ревностные поборники «чистоты нравов» и «кодекса честной конкуренции» во время избирательных кампаний проявляют удивительную изобретательность, стремясь сочетать видимость приверженности этому кодексу в глазах общественности с полным личным пренебрежением к нему. О. Феофанов в книге «США: реклама и общество»

---

[66] См. Политический механизм диктатуры монополий, с. 230.

[67] См. Правда, 28 мая 1981 г.

[68] См. *Иванян Э. А.* Белый дом: президенты и политика. М., 1979, с. 14—15.

[69] *Navasky J.* The Making of the Candidate.— New York Times Magazine, 1972, V. 7; Callup Opinien and Princetion. N. Y. 1976, p. 42—43.

в качестве одного из примеров подобной тактики описывает избирательную кампанию Клода Пеппера, бывшего сенатора от штата Флорида. В своих выступлениях его конкуренты внушали избирателям: «Дж. Эдгар Гувер, все в ФБР и каждый член конгресса знают, что Клод Пеппер (продолжительная пауза) — бесстыдный экстроверт. Более того, есть основания считать, что он практикует непотизм по отношению к своей свояченице и что его сестра была фестианкой в греховном Нью-Йорке. Наконец, и этому трудно поверить, хорошо известно, что до женитьбы Пеппер регулярно практиковал (еще более длинная пауза)... целибат»[70]. Конечно, далеко не все избиратели знали, что экстроверт — это человек, обращающий главное внимание на внешнюю сторону явления, непотизм — назначение родственников на доходные должности, фестианец — поклонник драматического искусства, целибат — обет безбрачия. При этом противники Клода Пеппера не нарушили закон, они даже не оклеветали его. Они сыграли на «чистоте нравов» американского обывателя, который в соответствии с их расчетами воспринял рекомендации. К. Пеппер потерпел поражение.

Перечисленные причины способствуют тому, что во многих капиталистических странах растет абсентеизм[71], т. е. отказ участвовать в избирательных кампаниях. Наиболее ярким подтверждением этой тенденции служат опять-таки США. Так, по подсчетам одного из американских ученых, в президентских выборах в США в 1960 г. участвовало 63,2% избирателей, в 1964 г.— 62, в 1968 г.— 61, в 1972 г.— 55, в 1976 г.— 52,5, в 1980 г.— 52%. На уровне отдельных штатов этот процент значительно ниже, здесь в голосовании не участвуют до 70% и более избирателей[72]. Тем не менее из подобной ситуации финансовая олигархия также пытается извлечь выгоду — ведь в выборах почти не участвуют представители именно наиболее обездоленных слоев. Далее, капиталистические толстосумы, используя «личные» письма кандидатов (которые можно очень быстро напечатать за хорошую цену миллионными тиражами), срочно рекрутируют «сторонников» из числа абсентеистов.

---

[70] *Феофанов О. А.* США: реклама и общество. М., 1974, с. 244.
[71] International Herald Tribune, Febr. 10, 1979; U.S. News and World Report, November, 20, 1978, p. 20, 23.
[72] *Palumbo D.* America politics. N. Y., 1973, p. 514.

Снижение действенности партийного плюрализма — процесс длительный. Его сдерживает ряд объективных факторов. Например, расширение вмешательства государства во все сферы общественной жизни, прежде всего в сферу экономики, усиливает заинтересованность различных политических фракций буржуазии в овладении государственной властью и, следовательно, в определенных ситуациях может повысить значение буржуазных партий как одного из орудий конкурентной борьбы. Однако общая тенденция остается неизменной. Она состоит в падении роли этих партий, ибо монополии располагают эффективными методами непосредственного влияния на государственный аппарат.

Деятельность буржуазных партий все больше сосредоточивается на пропагандистских и манипулятивных целях. Одновременно в политической жизни капиталистических государств усиливаются тоталитаристские тенденции. «Опыт революционного движения последних лет,— отмечалось на XXV съезде КПСС,— наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попрать и суверенитет государств, и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией» [73]. В этих условиях массы трудящихся убеждаются в иллюзорности различных формальных «гарантий» плюралистической «демократии».

Углубление кризиса империализма, как говорилось, сопровождается ростом его агрессивности, усилением нападок на социалистическую демократию. Утверждая, например, что однопартийность является современной формой тоталитаризма [74], буржуазные идеологи стремятся доказать, что социализм и демократия несовместимы.

---

[73] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 30.

[74] Zukunft, Juni, 1972, S. 22; Archives européennes de sociologie. Paris, 1971, t. XII, N 1, p. 58.

При этом ими совершенно игнорируется то обстоятельство, что при социализме правящая коммунистическая партия выражает интересы всего народа, ставит своей главной целью заботу о благе трудящихся.

Конечно, это вовсе не означает, что социализм и многопартийность принципиально несовместимы и что сразу после социалистической революции должна установиться однопартийная система. Известно, что в большинстве социалистических стран в настоящее время существуют многопартийные политические системы. Так, в ГДР функционирует 5 партий, в ЧССР — 5, в Болгарии — 2, во Вьетнаме — 3, в Корее — 3[75] и т. д. В нескольких социалистических странах, в том числе в СССР, исторически сложилась однопартийная система. Накануне Октябрьской революции в стране насчитывалось (по неполным данным) более 70 партий[76]. Многопартийная политическая система (легальная) сохранялась определенное время и после победы Октябрьской революции. Каковы же основные причины формирования однопартийной системы в СССР и многопартийных систем в ряде стран народной демократии?

Классовая борьба в нашей стране разворачивалась в исключительно неблагоприятных для пролетариата условиях и протекала в особо острых формах (империалистическая, гражданская война, разруха, интервенция и т. д.). Это вело к крайней поляризации классовых, политических сил. Происходил процесс размывания мелкобуржуазных партий, характеризующихся неоднородностью социального состава, эклектичностью программ, стремлением занять позиции третьего пути и т. п. Сразу после Октябрьской революции правое крыло ряда этих партий перешло в лагерь контрреволюции и ушло в подполье. Со временем здоровые силы, осознав ошибочность своей позиции, вливались в партию большевиков.

Немалое значение имел и тот факт, что в условиях, которые отмечались в нашей стране исключительной сложностью, при необычайном динамизме развития ре-

---

[75] См. *Шевцова Л. Ф.* Союзнические партии в политической системе стран социализма. М., 1978; *Черненко Г А.* БЗНС: верный союзник Болгарской коммунистической партии. М., 1979; *Архангельский Б.* Многопартийность в условиях социалистического строительства.— Коммунист, 1980, № 3, и др.

[76] См. *Леонов Ф. Д.* История образования однопартийной системы в советском обществе. Л., 1981, с. 29—30.

волюционного процесса мелкобуржуазные партии не смогли выработать стабильного и конструктивного политического курса. Известно, что все мелкобуржуазные политические течения по своей природе крайне противоречивы, непоследовательны. Естественно, что в период революционных потрясений неустойчивость позиций мелкобуржуазных партий возрастает. Это приводило к тому, что их политика часто противоречила интересам тех классов и социальных слоев, на поддержку которых они рассчитывали. Например, крестьяне, составлявшие в то время большинство населения России, требовали земли, а правительство Керенского посылало войска для подавления крестьянских выступлений. Народ требовал мира, а меньшевики и эсеры призывали «к войне до победного конца» и т. д. Это вынуждены были признать и некоторые из лидеров мелкобуржуазных партий. Например, М. Спиридонова, лидер левых эсеров, писала: «Эсеры и меньшевики были разбиты наголову не репрессиями... а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды проходили стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям... Они погасли в пустоте»[77].

Учитывая опыт революций прошлого, большевики вели активную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу не только среди рабочего класса, но и среди крестьянства, интеллигенции и других слоев. В партии большевиков еще до революции было много представителей этих классов и слоев. После Октябрьской революции большевики также уделяли большое внимание расширению социальной базы партии. Умело сочетая борьбу за демократию с борьбой за социализм, они сумели повести за собой широчайшие слои трудящихся масс по пути строительства нового, действительно свободного общества.

Большевики сделали все от них зависящее для установления сотрудничества с мелкобуржуазными партиями с целью укрепления союза рабочего класса с трудовым крестьянством и другими слоями трудящихся. Анализ

---

[77] Цит. по: *Леонов Ф. Д.* История образования однопартийной системы в советском обществе, с. 24.

событий того времени полностью опровергает буржуазный тезис о «нетерпимости большевиков» к другим демократическим партиям. Известно, что в первом созыве ВЦИК из 101 члена 39 были представителями мелкобуржуазных партий[78]. После провала на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, где лидеры мелкой буржуазии хотели дать решающий бой большевикам, но потерпели сокрушительное поражение, они приняли наконец предложение большевиков о сотрудничестве в коалиционном правительстве. В него вошли 8 большевиков и 7 левых эсеров. Левые эсеры, выйдя из правительства в знак протеста против заключения Брестского мира, предприняли 6 июля 1918 г. попытку организовать военный государственный переворот. После этого дальнейшее политическое сотрудничество с ними стало невозможным.

Когда мелкобуржуазные партии шли на сотрудничество с Советской властью, они встречали понимание, им предоставлялась разнообразная, в том числе финансовая, помощь (революционным коммунистам, эсерам-максималистам и т. д.). Например, 31 октября 1919 г. Политбюро ЦК РКП (б), рассмотрев ходатайство представителя Всероссийской федерации анархистов Н. Карелина об издании еженедельного журнала, постановило: издание разрешить и выделить на это 250 тыс. руб.[79] Таким образом, мелкобуржуазные партии сошли с политической арены в результате того, что лишились поддержки народа.

По-иному складывались объективные условия развития революционного процесса в странах народной демократии. Наиболее реакционные силы здесь были разбиты накануне социалистической революции. Присутствие Советской Армии сковывало возможности внутренней и внешней контрреволюции. Огромный авторитет Советского Союза, его бескорыстная помощь благоприятствовали росту влияния компартий освобожденных стран. Далее, коммунистические и демократические партии этих стран в течение ряда лет совместно боролись против фашизма. При этом руководящую роль в организации движения Сопротивления играли коммунисты. Это способствовало тому, что тесный союз между этими партиями в

---

[78] См. там же, с. 6.

[79] См. *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974, с. 14.

период второй мировой войны нашел дальнейшее развитие после осуществления социалистической революции. Определенное значение для формирования многопартийных систем в этих странах имели также давние традиции многопартийности.

Формы проявления тенденции к однопартийности в различных странах зависят от конкретно-исторических условий. Это подтверждает, что тенденция к однопартийности не результат волюнтаризма коммунистов, как об этом постоянно заявляют теоретики буржуазии, а объективно обусловленная закономерность. И наконец, это опровергает попытки представить многопартийность как абсолютный критерий демократии.

Одним из важных условий эффективности функционирования политического механизма, формой разделения власти в капиталистическом обществе многие буржуазные и оппортунистические идеологи считают отделение партий от государства. На первый взгляд подобное требование может показаться весьма странным. Ведь известно, что в капиталистических странах нет таких политических партий, которые признавали бы необходимость и важность государственной власти и в то же время отказывались бы от влияния на нее. Наоборот, они создают свои парламентские фракции и активно борются за расширение влияния на государство.

Государство также учитывает в своей деятельности партийный состав парламента. Например, во Франции время, отведенное для прений, устанавливается в зависимости от численности партийной фракции. В Италии и ряде других стран парламентские комиссии формируются пропорционально составу парламентских групп. Таким же образом распределяются правительственные субсидии на организацию выборов и т. д. Усиливается и регулирующее воздействие государства на партии.

Вместе с тем плюралистическая концепция «отделения партии от государства» отражает некоторые особенности функционирования механизма многопартийности в условиях капитализма. Прежде всего он служит подтверждением известного тезиса о «надклассовости» государства. Его приверженцы рассуждают так: если государство надклассово, то и пришедшие к власти люди должны быть свободными от партийной узости и должны выражать интересы всего народа. Очевидна противоречивость подобного подхода: с одной стороны, ведущие бур-

жуазные партии реально конкурируют в борьбе за власть, а с другой — придя к власти, они якобы проводят надпартийную линию. Каков же тогда смысл борьбы за власть? Ясно, что или партия, придя к власти, будет проводить свою партийную, следовательно, классовую линию, или предвыборная борьба — сплошной фарс.

Склонность к демонстрации надпартийности еще больше возрастает, когда правящая партия представляет меньшинство избирателей. Например, в США в течение всего XX в. ни один президент не получил на выборах абсолютного большинства голосов избирателей. Так, на выборах 1980 г. Р. Рейган получил 26% голосов. Известно немало других случаев формирования правительств меньшинства в капиталистических странах. Естественно, что в подобных ситуациях власть предержащие вынуждены всячески подчеркивать, что они вовсе не намерены навязывать волю меньшинства большинству, что они выражают интересы всего народа.

Далее. Как отмечалось ранее, обещания избирателям, которые так щедро раздаются буржуазными партиями на выборах, обычно носят демагогический характер и, за редким исключением, не выполняются. Например, лидеры демократической партии США в период избирательной кампании 1976 г. дали свыше 200 различных обещаний: снизить инфляцию, сократить военные расходы, улучшить экономическое положение трудящихся, вывести войска из ряда других стран и т. д. Однако большинство из них не сдержали. Сегодня уже определенно можно говорить, что и новая администрация Р. Рейгана не выполняет свои обещания.

В подобных ситуациях,— а они встречаются на каждом шагу — лозунг «отделения партии от государства» используется буржуазией для того, чтобы отгородиться от непопулярных действий представителей партии в правительстве[80] и других органах власти и тем самым спасти ее престиж. Пытаясь таким образом выйти из-под

---

[80] В США престиж президентов накануне очередных выборов падает в 2—3 раза по отношению к периоду начала его правления. Рекорд в этом отношении поставил Дж. Картер: его деятельность вскоре после прихода к власти одобряли 75% американцев, а в 1980 г.— лишь 22%. В этих условиях возможность выдвижения другого кандидата от партии расширяет возможности предвыборного маневрирования (См. *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 71, 74).

«обстрела», правительственная партия выдвигает нового кандидата на пост президента, стремясь таким образом подчеркнуть свою «непричастность» к действиям предыдущего правительства. Это создает дополнительные возможности для маневрирования.

Распространенная практика формирования буржуазных коалиционных правительств неизбежно ведет к отступлениям от той программы, с которой каждая из партий выступала на выборах. Один из ярких примеров — тактика итальянской ХДП, которая шла на создание коалиций (правительственных, парламентских и др.) почти со всеми партиями страны. Давление левых сил вынуждает правые партии идти на компромиссы, что выражается в эклектичности общих программ. Еще более склонны партии к компромиссам с оппозицией при формировании однопартийных правительств меньшинства, которые часто создаются в таких странах, как Дания (13 из 16 правительств за 1945—76 гг.), Норвегия (7 из 15 правительств с 1948 по 1976 г.) [81].

Там, где возможно, беспринципность и лицемерие маскируются ссылками на «разделение власти» внутри государства. Хотя в таком правительстве партии и образуют формальный союз, однако практически они продолжают конкурировать. Все это также стимулирует обращение к лозунгу об «отделении партий от государства».

Кроме того, правительство, сформированное пришедшей к власти партией, вынуждено до какой-то степени считаться с законами, принятыми их предшественниками — правительством другой партии (тем более что расстановка сил в таком правительстве не всегда соответствует соотношению сил в парламенте, где оппозиционная партия может иметь перевес). Правительство вынуждено проводить в жизнь законы, принятые не только по его собственной инициативе, но и по инициативе его союзников, а также под давлением оппозиции [82]. В этом — один из источников эклектизма и беспринципности поли-

---

[81] *Стародубский Б. А.* Буржуазная демократия: миф и действительность, с. 71.

[82] Например, после парламентских выборов в Норвегии в сентябре 1981 г. сформировано правительство меньшинства — партии Хейре (54 парламентских мандата из 155). Имея слабую парламентскую опору, правительство вынуждено обращаться за поддержкой к другим партиям, а следовательно, идти на множество компромиссов (Правда, 29 сентября 1981 г.).

тики правящих буржуазных партий, которую они пытаются замаскировать или «деидеологизацией», или, если идейная программа сохраняется, лозунгом «отделения партии от государства».

На «отделении партии от государства» может настаивать парламентская оппозиция с целью ослабить одну из внепарламентских опор правительственной партии. В других случаях оппозиция может настаивать на таком «отделении» с целью снижения влияния правительства на парламент, имея в виду вынудить парламентскую фракцию правящей партии к большей податливости и сговорчивости.

В практике предвыборной политической борьбы между лидирующими буржуазными партиями создается ситуация, в которой на общегосударственном уровне побеждает одна партия, а на региональном — другая (или другие). Например, в ФРГ (в 1980 г.) на федеральном уровне правящей являлась СДПГ в коалиции со СвДП, а в землях Нижняя Саксония и Баден-Вюртемберг у власти находились ХДП, в Баварии — ХСС, в Сааре — ХДП в коалиции со свободными демократами. По существу здесь речь идет уже не о сотрудничестве партий, имеющих более или менее сходные программные установки, а о необходимости оппозиционной партии, занимающей господствующее положение в местных органах власти, подчиняться правящей в государственном масштабе партии. В подобных весьма неловких ситуациях снова используются плюралистические «вечные принципы» — разделения власти между центральными и местными органами, отделения партий от государства.

Своеобразной интерпретацией концепции «отделения партий от государства» является создание так называемых внепартийных правительств. Запутавшись в перипетиях межпартийной борьбы, заводящей в тупик и застопоривающей работу государственного аппарата, правящие буржуазные круги прибегают к созданию такого правительства, которое якобы состоит из «нейтралов», «технократов» и т. п. Подобная ситуация сложилась, например, в Португалии в конце 1978 г., когда был сформирован «непартийный кабинет» К. Пинту (который резко повернул политику правительства вправо и тем самым показал, что надпартийных правительств в природе не существует). Подобные правительства создавались и в других странах.

В апреле 1980 г. накануне голосования в греческом парламенте, который должен был избрать нового президента страны, кандидат на этот пост от партии «Новая демократия» К. Караманлис неожиданно выразил желание баллотироваться... на «непартийной основе». Чем объяснялось такое решение лидера «новой демократии»? Дело в том, что у этой партии не было шансов на победу К. Караманлиса, так как претенденту на пост президента необходимо собрать 200 голосов из 300 [83], а партия располагала в парламенте лишь 174 депутатскими мандатами. В этих условиях, рассчитывая на свою популярность, К. Караманлис и решил обратиться к «независимым» избирателям.

Как отмечалось, монополиям выгодно поддерживать принцип «отделения партии от государства» в тех случаях, когда у них имеются эффективные средства прямого воздействия на правительство. Это обстоятельство особенно важно в условиях возрастания роли исполнительной власти. В подобных случаях антипартийная агитация, скрывающая тоталитаристские поползновения правящих кругов, оказывается направленной на уменьшение влияния демократических сил на правительство.

В то же время многие буржуазные партии стремятся стать массовыми, «партиями для всех». Особенно это относится к партиям, представляющим крупный капитал. Стремясь выдержать конкуренцию с левыми и усилить влияние на массы, они активизируют работу в их среде. Вместе с тем превращение этих партий в массовые, активизация их деятельности таят в себе опасность их демократизации и усиления влияния рядовых членов на правительство через партийный аппарат, что, конечно, не входит в намерения буржуазии. В подобных ситуациях лидеры буржуазных партий для пресечения подобных попыток используют весьма удобный для себя лозунг «отделения партии от государства».

Конечно, отделение буржуазных партий от буржуазного государства практически невозможно, что наглядно проявляется прежде всего в тождестве их политики. Буржуазные партии, пришедшие к власти, на словах при каждом удобном случае показывая свою нейтральность, на деле проводят классовую политику, а заодно не упускают возможности использовать государственную власть

[83] Правда, 24 апреля 1980 г.

для укрепления своих партийных позиций. Формально во многих капиталистических странах существует запрет интересоваться партийной принадлежностью лиц, принимаемых на работу в госаппарат. Однако, например, в США практикуется так называемая «система добычи» — перераспределение выгодных должностей после прихода к власти победившей партии, которое распространяется на несколько тысяч руководящих должностей. Аналогично положение в ряде других стран капиталистического мира. Причем этот принцип все больше распространяется не только на высших, но и на рядовых чиновников. Его действие сказывается также при приеме на работу и при продвижении по службе. Подобная практика часто оборачивается неприкрытым произволом, что, естественно, вызывает протесты оппозиции, служащих, подвергающихся дискриминации и гонениям. В известной мере эти протесты совпадают с требованием «отделения партии от государства».

Таким образом, многопартийность — один из наиболее традиционных политических институтов буржуазного общества. В той мере, в какой она допускает деятельность прогрессивных сил, она сохраняет свое демократическое содержание и сегодня. Однако это не означает, что многопартийность — универсальный эталон демократии. В условиях капиталистического общества многопартийность в целом классово ограниченна. Углубление кризиса буржуазной демократии находит здесь проявление и в кризисе буржуазных партийных систем, и в стремлении империалистических кругов ограничить деятельность и влияние прогрессивных политических организаций. Поэтому коммунисты, опираясь на растущую активность широких народных масс, отстаивают их демократические завоевания, разоблачают попытки использовать реакционными силами институты многопартийности в манипулятивных целях. Тем более многопартийность не является критерием демократии социалистического общества. Глубочайшие изменения в экономических, социальных отношениях, во всем образе жизни нашли отражение в изменении места и роли политических партий в социалистических странах. Руководящая роль марксистско-ленинских партий здесь является выражением ведущей роли рабочего класса. По мере стирания социально-классовых различий эти партии становятся партиями всего народа.

3. «Идейный плюрализм» — средство манипулирования массовым сознанием

В концепции «плюралистического общества» наряду с экономикой и политикой немаловажная роль отводится общественному сознанию. Буржуазные идеологи наделяют его всеми атрибутами плюралистической системы: автономностью по отношению к экономике и политике[84] («деидеологизация» духовной жизни, различные левацкие концепции «культурной революции» и «контркультуры»[85], «искусства для искусства» и т. д.); способностью «уравновешивать» другие компоненты плюралистической системы (например, религия и искусство «облагораживают» жизнь, умеряют эгоистические устремления людей; средства массовой информации «контролируют и сдерживают» правительства[86]). По мнению некоторых буржуазных теоретиков, общественному сознанию в целом и каждой из его форм в отдельности свойственны внутренние, независимые от экономики и политики основания плюрализма (свобода слова, творчества, разнообразие школ в науке и искусстве и т. п.).

Абсолютизация относительной независимости сознания от бытия, разного рода идеализм — характерная черта буржуазного мировоззрения. Ныне ее истоки в значительной мере являются следствием искаженного, превратного отражения действительного повышения роли общественного сознания в жизни общества, проявляющегося в превращении науки в непосредственную производительную силу, в повышении общеобразовательного и культурного уровня населения, в том, что марксизм, несмотря на огромные усилия буржуазной репрессивной и пропагандистской машины, овладевая умами миллионов

---

[84] Например, Д. Белл считает, что «принципы экономической сферы и принципы культуры ведут сегодня людей в противоположных направлениях» (*Bell D.* Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976, p. 15).

[85] См. *Давидович Ю. Н.* Контркультура и кризис социализации молодежи в условиях общества потребления.— Социологические исследования, 1977, № 3, с. 78—87; Социология контркультуры. М., 1980, и др.

[86] Например, Л. Мерлен считает, что «сегодня наряду с тремя классическими формами власти — исполнительной, законодательной и судебной — появилась власть, которая господствует над всеми нами,— телевидение» (цит. по: *Кукаркин А. В.* По ту сторону рассвета. Буржуазное общество: культура и идеология. М., 1979, с. 193).

людей, становится все более весомой материальной силой. Однако преувеличение роли духовной сферы — это не просто невинное заблуждение. В конечном счете идеализм, как известно, отражает классовые интересы буржуазии и служит обоснованию ее реакционной политики.

Одну из наиболее известных кампаний по «освобождению» духовной сферы от политики вели в свое время сторонники концепции «деидеологизации». Попытки идейного разоружения рабочего класса с помощью «деидеологизации» не новы. Они предпринимались уже с самого зарождения марксистской идеологии. Оживление концепции «деидеологизации» в 50—60-х годах нашего века явилось следствием широкого распространения на Западе в этот период различных буржуазно-реформистских концепций: «народного капитализма», «революции управляющих», теории стратификации и т. д.

Ускорение темпов развития экономики капиталистических стран в послевоенные годы породило у буржуазии радужные надежды на возможность бескризисного развития капитализма. Технократически ориентированные идеологи утверждали, что все проблемы общественного развития можно решить чисто техническими средствами. Некоторое повышение жизненного уровня трудящихся в ряде капиталистически развитых стран, усложнение социально-классовой структуры и ряд других обстоятельств интерпретировались ими как стирание классовых различий и затухание классовой борьбы. В духе концепций «деидеологизации» обыгрывались даже некоторые проявления углубления кризиса буржуазной демократии и идеологии (разочарование масс в политических институтах и как результат этого — рост политической апатии, падение влияния буржуазной идеологии).

Содержание концепции «деидеологизации» менялось в зависимости от исторической ситуации. В 50-х годах она отражала стремление монополистической буржуазии интегрировать рабочий класс в систему капитализма, изолировать, а затем и ликвидировать коммунистические партии, приглушить влияние марксистской идеологии. В капиталистических странах подобная «деидеологизация» нашла воплощение в разнообразных вариантах политики маккартизма и оголтелой антикоммунистической истерии; в отношении к социалистическим странам она выражалась в форме политики «холодной войны», «отбрасывания коммунизма», его изоляции и подавления, в

том числе с помощью психологической войны. Оголтелый антикоммунизм не воспринимался буржуазными идеологами как противоречащий концепциям «деидеологизации», ибо социалистический строй, марксистско-ленинская идеология рассматривались капиталистами в качестве временного и случайного явления. Однако изменение соотношения классовых сил в мире, рост рабочего и демократического движения, крах надежд на разгром марксистских партий и ликвидацию мирового социализма заставили империалистов изменить свою тактику. Наряду с прямыми атаками на позиции коммунистических партий теперь предпринимались попытки их «приручения», интеграции в политическую систему буржуазного общества. В отношении социалистических стран новая тактика «наведения мостов» была направлена на использование расширяющихся контактов между капиталистическими и социалистическими странами для эрозии, разложения социализма изнутри. Идеологические диверсии против социализма все чаще прикрывались маской нейтральности и даже дружеской заинтересованности в его улучшении, гуманизации. Все это и нашло концентрированное выражение в концепциях «деидеологизации», чаще интерпретируемых теперь как мирное сосуществование идеологий, или идеологический плюрализм.

Сторонники концепции «деидеологизации» приводили десятки аргументов в ее пользу. Например, некоторые из них, отмечая, что все идеологии прошлого, враждовавшие между собой (в античности — борьба христианства с греческим и римским политеизмом, многовековое противоборство ислама и христианства, протестантизма и католицизма и т. д.), в конечном счете приходили к взаимоприспособлению, размежеванию и примирению и в этом смысле — к «мирному сосуществованию», утверждали, что такая же перспектива ждет ныне буржуазную и марксистскую идеологии. При этом совершенно игнорировался конкретно-исторический, классовый подход к рассматриваемым явлениям. Известно, что все религии в конечном счете оправдывают классовую эксплуатацию, так как по существу являются продуктом классово антагонистического общества. Можно найти немало примеров, когда философы периода Просвещения, выражавшие интересы прогрессивной в то время буржуазии, открыто бичевали феодальную аристократию и религию. Впоследствии, когда капитализм стал ведущей политической си-

лой, его апологеты взяли на вооружение иррационализм и мистику.

Ныне многие буржуазные идеологи заявляют, что идеологическое противоборство мешает улучшению взаимопонимания народов, является причиной международной напряженности. Поэтому якобы «идеологическое разоружение» столь же необходимо, как и военное. Однако факты неопровержимо доказывают, что причина международной напряженности заключена прежде всего в агрессивной политике империалистических государств. Если под идеологической борьбой иметь в виду не антикоммунистическую истерию, не так называемую психологическую войну, которую вели и ведут против стран социализма империалистические круги Запада и которая действительно отравляет международный политический климат, а открытое, непредвзятое сопоставление объективных данных, то она, напротив, будет способствовать углублению взаимопонимания и сотрудничества всех народов планеты.

Сторонники концепции «деидеологизации» много раз обвиняли марксизм в «непоследовательности» на том основании, что коммунисты допускают компромиссы в сфере экономики и политики, но отвергают их в идеологии, являющейся надстройкой над экономическим базисом. Однако в действительности марксистская идеология отражает коренные интересы рабочего класса. Она теоретически обосновывает его стратегию, основную цель, и поэтому никакие компромиссы в сфере идеологии в принципе невозможны.

Эти и многие другие аргументы буржуазных идеологов, прямо или косвенно обосновывавших концепцию «деидеологизации», как и сама эта концепция, оказались совершенно несостоятельными. Одна из причин этого коренится в ложности посылок, на основании которых делался вывод о возможности «деидеологизации». Кризисы 1974—1976 и 1980—1982 гг. окончательно похоронили миф о бескризисном развитии капитализма. Технократы просчитались не только в экономическом плане. Они не учли, что противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения при капитализме может проявляться не только в относительном или абсолютном замедлении экономического развития, но и в обострении всей системы социально-классовых антагонизмов. Именно поэтому в 60-х — первой половине 70-х

годов, когда наблюдались наивысшие для империализма темпы роста экономики, одновременно с этим имел место подъем рабочего и демократического движения[87] Как было показано ранее, все более наглядным становился спекулятивный характер концепций «революции управляющих», стратификации, демонополизации экономики и т. д. Все это ослабляло позиции сторонников «деидеологизации».

Здесь важно остановиться еще на одном обстоятельстве, имеющем для судеб концепции «деидеологизации» важнейшее значение. Дело в том, что ее сторонники возлагали большие надежды на использование разрядки для «идеологического разоружения» пролетариата и сохранения существующего положения. Однако действительность опровергла и эти расчеты. Разрядка благоприятствовала развитию мирового революционного процесса. Она способствовала значительному оздоровлению политического климата на планете, потеснив наиболее агрессивные, реакционные круги господствующего класса. Очищая международную атмосферу от угара шовинизма и национализма, она способствовала интернациональному сплочению трудящихся капиталистических стран. Благодаря разрядке трудящиеся этих стран смогли воочию убедиться в грандиозных достижениях социализма, ибо их успехи воспринимаются не как угроза, а как демонстрация преимуществ нового строя. Разрядка как бы «размораживала» присущие капитализму противоречия. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «обостряются межимпериалистические противоречия, усиливается борьба за рынки, за источники сырья и энергии. Японские и западноевропейские монополии все успешнее конкурируют с американским капиталом, в том числе на внутреннем рынке США»[88].

Углубление кризиса капитализма, сужение сферы его влияния в современном мире, обострение межимпериалистических противоречий определили поворот наиболее реакционных империалистических кругов к более жесткой классовой политике капиталистических государств в отношениях с социалистическими странами. Это нашло отражение и в идеологии: активизировались сторонники

---

[87] См. *Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 57, 64, 77; *Гранов В. Д.* Новые реальности и борьба идей. М., 1977, с. 128.

[88] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.

прямой идеологической конфронтации, многие идеологи, еще вчера призывавшие к «деидеологизации», сбросили маску классовой нейтральности и под лозунгом «реидеологизации» открыто включились в нагнетание антикоммунистической истерии.

Следует отметить, что концепции идеологического плюрализма весьма разнообразны и многоплановы, между ними не всегда существует прямая связь. Поэтому разоблачение одной из них не означает автоматического краха всех других ее разновидностей. Высокая степень живучести этих концепций обеспечивается наличием таких ее социально-классовых корней, которые уходят в глубь капиталистической системы.

Кроме того, немаловажное значение имеет и способность буржуазных идеологов, подобно хамелеону, меняя, так сказать, окраску, приспосабливаться к новым историческим условиям, спекулировать на новых явлениях в развитии капиталистического общества. Одним из таких относительно новых явлений в политической жизни и общественном сознании развитых капиталистических стран стало четко обозначившееся стремление клерикальных кругов к отмежеванию церкви от государства и политики. Многие авторы отмечают, что с конца 60-х — начала 70-х годов все чаще можно встретить заявления церковных деятелей о политическом нейтралитете церкви, о том, что религия стоит вне и даже выше политики. Епископат целого ряда стран выступил за независимость церкви от государства[89]. II Ватиканский собор официально провозгласил политический нейтралитет церкви, отказавшись от связи с какой-либо одной политической системой.

На первый взгляд все это кажется весьма странным: церковь выступает за свое отделение от государства, которое всячески ее поддерживает. Чем же объясняется такая ситуация?

Во-первых, глубоким политическим кризисом буржуазного общества. Открытая защита отмирающего буржуазного строя клерикальными кругами стала причиной повсеместного падения авторитета церкви, а неизбежные провалы государственной политики подрывали устойчивость веры в «вечные» догматы религии. Поэтому «поддержка антикапиталистических настроений масс церков-

[89] La croix, 23.I.1973.

ными иерархиями становится обычным явлением»[90]. Тенденция к отделению церкви от государства отражает несоответствие такой поддержки статусу церкви как государственного института.

Во-вторых, углубление кризиса религии, освобождение масс от религиозных предрассудков — процесс постепенный и противоречивый[91]. Наряду с истинно верующими становится все больше людей, которые причисляют себя к верующим по инерции, хотя в действительности они в значительной степени отошли от религии, являются колеблющимися. Контролировать поведение таких верующих с помощью государственно-административных методов принуждения — значит ускорить их отход от церкви. И наоборот, отказ от метода жесткого администрирования, апелляция к свободе совести и другим внутренним мотивам личности, а также использование дисциплины якобы «независимых» от церкви христианско-демократических партий и другие методы косвенного контроля дают еще возможность известное время влиять на поведение колеблющихся.

В-третьих, современные секуляризаторские тенденции связаны с возросшей политической активностью масс. Все большее число верующих участвуют в политической борьбе, включаясь в деятельность различных партий. Поэтому, считают клерикальные деятели, церкви невыгодна поддержка какой-либо одной из партий. Напротив, широко рекламируемая надпартийная позиция церкви дает ей возможность воздействовать на верующих независимо от их партийной принадлежности.

Кроме того, явная связь церкви с политической деятельностью какой-либо одной партии, пусть даже клерикальной, также невыгодна религиозным деятелям, поскольку нет гарантий, что именно эта партия будет находиться у власти. Поэтому церковники все более благосклонно относятся к плюралистическим принципам перекладывания власти из рук одной партии в руки другой как способу сохранения своей доли политического влияния. Как видно, плюралистические симпатии церковников объясняются стремлением сохранить и расширить влияние религии и церкви в новых условиях. Это всего лишь

---

[90] Религия и церковь в капиталистических странах. М., 1977, с. 98.

[91] О причинах этого процесса см., например, Научный атеизм. М., 1978, с. 114—128.

одно из проявлений модернизации церкви, все более активно прибегающей к методам социального и политического маневрирования. В действительности же «независимости» церкви по отношению к экономике и политике в буржуазном обществе нет и быть не может. В некоторых странах церковь является государственной. Но даже и там, где она формально отделена от государства, она активно привлекается для организации отправления религиозных обрядов в различных звеньях государственного аппарата. Например, в США заседания конгресса начинаются и заканчиваются молитвами. Религиозные ритуалы сопровождают важнейшие государственные акты.

Велико влияние церкви и в американской армии. Корпус военных капелланов насчитывает около 3 тыс. офицеров и генералов военно-религиозной службы. Представители церкви в армии пользуются всеми офицерскими правами и привилегиями, получают от военного ведомства денежное содержание [92]. В ряде штатов США (Арканзас, Миссисипи и др.) на государственную должность не может быть избран тот, кто отвергает бытие бога. В штате Делавэр все граждане обязаны посещать публичные богослужения. В 16 штатах атеистические выступления караются штрафами или тюремным заключением [93]. Все это еще раз подтверждает слова В. И. Ленина о том, что полное отделение церкви от государства буржуазия «нигде в мире не довела до конца» [94].

Влияние церкви поддерживается путем пропаганды ее доктрин, а также прямого участия в политической деятельности, осуществляемого в различных формах. Это — создание клерикальных партий, открытая поддержка или оппозиция тем или иным правительственным программам, актам [95]. В свою очередь политика оказывает разностороннее влияние на церковь и религию. Например, различия в политических позициях тех или иных религиозных деятелей по существу совпадают с соответствующими различиями позиций светских политиков. (Здесь

---

[92] См. *Великович Л. Н.* Проблема свободы совести и современная идеологическая борьба. М., 1979, с. 19—25.

[93] См. Религия и церковь в современном мире, с. 38.

[94] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 118.

[95] См. *Угринович Д. М.* Философские проблемы критики религии. М., 1965, с. 320—343. См. также *Фурман Д. А.* Религия, политика и выборы.— США: экономика, политика и идеология, 1981, № 4, с. 50—59.

можно найти экстремистов левого и правого толка, либералов, центристов, консерваторов и т. д.)

Столь же иллюзорны автономия и нейтралитет церкви по отношению к экономике и социальной жизни. Церковь имеет самые различные источники доходов: пожертвования, проценты на вклады в банки, дивиденды на акции и т. п. Она является крупнейшим собственником. Например, имущество католической церкви США составляет около 60 млрд. долл., ежегодные доходы — 13 млрд. Стоимость ее вкладов в недвижимость превышает соответствующие показатели крупнейших монополий. Например, стоимость ее недвижимого имущества составляет 44,5 млрд. долл., что превышает стоимость недвижимости пяти ведущих корпораций [96]. Среди проповедников, как и среди бизнесменов, есть миллионеры. Церковные предприятия (издательские, производящие церковную утварь) освобождены от налогов.

В капиталистических странах церковь все более активизирует свою деятельность в социальной и культурной сферах. Она создает разнообразные общественные организации, спортивные и художественные клубы, расширяет активность в сфере социального страхования, в области культуры, средств массовой информации и образования. Это объясняется стремлением клерикальных деятелей приблизить церковь к повседневной жизни, сделать ее привлекательной и современной, остановить падение престижа церкви.

В стремлении нарисовать идиллическую картину «идеологического плюрализма» немалая роль традиционно отводится спекуляциям вокруг различных аспектов проблемы свободы слова. В частности, буржуазные идеологи заявляют, что наличие большого количества независимых идеологических центров и органов массовой информации является важнейшим условием реализации свободы слова. Ссылаясь на повышение роли средств массовой информации в распространении идей и формировании общественного сознания, они утверждают, что большинство этих средств являются «независимыми» и контролируются главным образом «самопроизвольным процессом установления правды на свободном рынке идей...» [97], гарантируют различным группам и даже от-

---

[96] См. *Великович Л. Н.* Религия и церковь в США, с. 18—19.
[97] Цит. по: Буржуазные теории журналистики. М., 1980, с. 13.

дельным лицам сохранение своей идейной автономии и самобытности.

Несомненно, свобода слова, как бы она ни была ограничена в буржуазном обществе, является одним из величайших завоеваний рабочего класса и других демократических сил. Однако все дело в том, что «тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»[98]. Остановимся вкратце на некоторых звеньях механизма обеспечения этого господства.

Во-первых, надо обратить внимание на то, что господствующая идеология насаждается не только идеологическими центрами, но и всеми социальными и политическими институтами буржуазного общества: школой, церковью, политическими партиями и т. д. Особо важно подчеркнуть, что в послевоенное время резко возросла идеологическая роль буржуазного государства[99]. Активизировалась идеологическая деятельность основных звеньев государственного аппарата — парламента, президента, суда, армии. Были созданы специальные органы управления идеологической деятельностью — министерства информации, информационные агентства. Происходило сращивание частномонополистических «мозговых центров» с идеологическим аппаратом государства. Государство регулирует сегодня идеологическую деятельность в самых разнообразных формах: контроля, координации, поощрения, запрета, дискриминации. Расширилась и правовая база регулирования идеологической деятельности со стороны государства[100].

Во-вторых, органы массовой информации, которые действительно играют важную роль в формировании и распространении разного рода идеологических концепций, далеко не всегда в качестве главной цели своей деятельности видят создание условий для «незаинтересованного поиска и распространения истины».

Эта сфера вложения капитала имеет свои особенности. Например, качество, ценность информации в значительной мере определяются оперативностью, своевремен-

---

[98] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 45—46.

[99] О причинах этого явления см.: Идеологическая деятельность современного империалистического государства. М., 1972, с. 15—16.

[100] Подробнее см.: На службе монополий. Информационно-пропагандистский комплекс стран капитала. М., 1977, с. 315—334.

ностью ее доставки потребителю. Общественно-политическая информация морально стареет гораздо быстрее, чем материальные ценности. Поэтому буржуазные идеологи считают испытанным средством привлечения внимания «пресыщенного» информацией обывателя сенсацию. Об этом магнат британской прессы лорд Нордклиф писал: «Если собака кусает человека, это не новость... Война есть бестселлер, т. е. лучший двигатель газетной торговли... Следом за войной идут сексуальный момент и преступление... В мирное время первоклассное сексуальное убийство является лучшим возбуждающим средством»[101]. Действительно, владельцы частных предприятий сферы информбизнеса обладают известной степенью независимости. Вместе с тем ее основой является господство частной собственности и обусловленные ею социально-классовые антагонизмы. Следовательно, она неизбежно классово ограничена.

Зависимость прессы от бизнеса заключается прежде всего в том, что сама пресса в условиях капитализма есть бизнес. Британский монополист прессы С. Кинг говорил: «Я думаю, что в газетном деле действуют те же силы, что, скажем, и на предприятиях химической промышленности и в портняжном деле»[102]. Разница только в том, что если в промышленности конкуренция между капиталистами называется свободой предпринимательства, то в сфере информбизнеса она называется более культурно — «свободой слова», «свободой творчества», «независимостью издателя от толпы» и т. д.

В этой связи следует особо отметить, что в капиталистических странах довольно интенсивно происходит процесс слияния информбизнеса с другими сферами приложения капитала. Нередко короли газетного бизнеса создают собственные банки, скупают промышленные предприятия; крупные промышленные концерны, стремясь расширить свое влияние на общественное мнение, все чаще приобретают в свою собственность газеты, журналы. Например, итальянская компания «Фиат» приобрела популярную газету «Стампа», вечернюю крупную газету «Коррьере делла сера».

---

[101] Цит. по: *Беглов С.* Монополия слова. М., 1972, с. 257. Данный пример дает возможность лучше понять, почему миф о «советской военной угрозе» является столь излюбленной темой буржуазной прессы.

[102] Там же, с. 8.

В США крупнейшие информационные центры обычно являются частями более крупных промышленных монополий. Например, Эн-би-си, располагающая радио- и телевизионными станциями во всех крупных американских городах, находится в собственности треста радиопромышленности, контролируемого группой Рокфеллера, Липпена, Лазара. Крупнейшая радиотелевизионная компания Эй-би-си находится под контролем ИТТ. Срастание органов информации с монополистическими группировками приводит к тому, что они становятся послушным орудием крупной буржуазии. Поэтому границы допустимой свободы средств массовой информации определяются рамками фракционной борьбы внутри правящего класса, и в частности межмонополистической конкуренцией.

Ярким подтверждением этого положения может послужить следующий факт. Летом 1971 г. американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала сенсационные материалы, раскрывающие тайные пружины войны во Вьетнаме. Впервые в истории США американское правительство пыталось привлечь печатный орган к судебной ответственности. Чем объяснить выступление газеты — погоней за сенсацией и, следовательно, за прибылью или радикальной оппозицией по отношению к внешнеполитической линии американского правительства? Дело в том, что хозяева «Нью-Йорк таймс» традиционно связаны с могущественным банковским домом Моргана, а накануне в отчете этого банка было сказано, что «война истощает бюджет, тормозит научно-исследовательские работы». Кроме того, согласно опросам, большинство из 456 опрошенных самых богатых и могущественных людей США придерживались сравнительно мирных взглядов по отношению к Вьетнаму [103].

О какой свободе средств массовой информации в капиталистических странах может идти речь, когда источники их финансирования только за счет рекламы составляют около половины бюджета журнально-газетных предприятий. Естественно, что в этих условиях художественные, культурные и другие программы полностью контролируются рекламодателями.

Конкуренция между владельцами средств массовой информации — объективный факт. Обостряется конку-

---

[103] См. *Беглов С.* Мир прессы и пресса мира. Киев, 1975, с. 48.

ренция и изменяется соотношение сил между разными видами средств массовой информации (например, в пользу телевидения и в ущерб кино, книгопечатанию). Но всюду наблюдается тенденция к их монополизации[104]. Сегодня около половины средств массовой информации и пропаганды капиталистического мира контролируется 50 крупнейшими монополиями печати, радио, телевидения. Они контролируют газеты с ежедневным разовым тиражом в 75 млн. экземпляров и 40 млн. экземпляров еженедельных изданий. В Англии четыре газетных треста контролируют выпуск более 50% издающихся газет. В ФРГ каждый второй житель читает газеты Шпрингера, составляющие 60% тиража всех издаваемых в стране газет.

Из 1750 газет, выходящих в США, более половины принадлежит газетным синдикатам. В 96 американских городах установилась монополия одного издателя, в 22 городах — двух издателей и только в 33 городах издаются конкурирующие газеты. Во многом аналогична ситуация и в других капиталистических странах[105]. Во Франции значительная часть газет контролируется трестом «Ашетт», являющимся крупнейшим издательским объединением Западной Европы. В Японии распространение печатной продукции сконцентрировано в руках трех крупнейших издательских монополий — «Асахи», «Майнити», «Иомиури», на долю которых приходится более 50% японских газет.

Монополии усиливают свои позиции и в сфере радиовещания, кино, телевидения. Большинство из 700 американских коммерческих телецентров контролируется тремя крупнейшими национальными телевизионными корпорациями. Концентрация издательского производства проявляется и в том, что новости поступают главным образом не от собственных корреспондентов, а от телеграфных агентств, среди которых очень высок уровень монополизации: из более чем 160 национальных агентств и служб печати подавляющий объем информации поставляют пять агентств. Подобно промышленности, монополизация средств массовой информации носит комплексный

---

[104] См. *Стародубский Б. А.* Буржуазная демократия: миф и действительность, с. 15—16.

[105] См. *Гляйсберг Г.* О концентрации печати и манипулировании общественным мнением. М., 1974, с. 48—49.

характер. В руках владельцев этих средств сосредоточивается контроль над разными видами средств массовой информации — журналами, книгами, газетами, грампластинками, радио, телевидением.

Концентрация средств массовой информации идет и по линии сосредоточения значительной их части в руках государства. Например, в Англии радио и телевидение почти полностью монополизировали две крупнейшие корпорации — Би-би-си и «Независимое радиовещательное управление». Во Франции формально провозглашена государственная монополия на радиовещание и телевидение. «Почти во всех капиталистических странах государство обладает исключительным правом радиовещания за границу» [106].

В сфере информбизнеса, как и в промышленности, действуют «антимонополистические» запреты. Например, в США одной компании не разрешается иметь более семи коротковолновых, шести ультракоротковолновых радиостанций и пяти телестанций. Однако это не мешает радиомонополии «Американ бродкастинг компани» (Эй-би-си) контролировать более 900 мелких радиостанций; 244 радиостанции контролирует «Коламбиа бродкастинг систем» и т. д. Законы обходятся таким образом, как получение каждым дочерним предприятием лицензии, «распыление» собственности по отдельным ветвям семьи и т. д.

Британский лорд Рой Томсон, хозяин крупнейшего в мире информационного концерна, признавал: «Монополия представляется плохой вещью широкой публике. Что же касается меня, то она мне нравится. Я хочу иметь больше денег, чтобы покупать больше газет, и иметь больше газет, чтобы зарабатывать деньги на приобретение новых. Умение делать деньги — мера... успеха» [107]. Естественно, подобные циничные заявления редки. Гораздо чаще можно услышать клятвы об уважении мнения других, о необходимости «плюрализма идей». Однако приведенные выше и множество других фактов опровергают утверждения о независимости органов массовой информации от экономики и политики, их способности быть рупором истины, условием свободы мысли и слова в буржуазном обществе.

---

[106] Советское государство и право, 1979, № 12, с. 86—87.
[107] Цит. по: *Беглов С.* Монополия слова, с. 389.

Рассмотрение идейного плюрализма было бы неполным без анализа плюрализма массового сознания. Разнообразие массовых социально-психологических установок и ориентаций буржуазные идеологи преподносят как богатство духовной жизни капиталистического общества. Однако в действительности это результат, а также условие и средство манипулирования массовым сознанием со стороны господствующего класса.

Господство частной собственности обусловливает глубокую дифференциацию социального положения различных групп, различие и столкновение их интересов. Естественно, мировоззрение эксплуататора противоположно мировоззрению эксплуатируемого, у разорившегося мелкого буржуа мироощущение будет качественно отличаться от мироощущения его более удачливого конкурента и т. д.

Сложная динамика развития социально-классовой структуры современного капиталистического общества порождает специфические явления в общественном сознании. Многие авторы отмечают, в частности, усиление эклектизма буржуазных и оппортунистических концепций, появление «концепций-гибридов», сочетающих в себе, например, черты правого и «левого» оппортунизма, что также увеличивает возможность плюрализации общественного сознания. Что касается буржуазной идеологии, то эклектичность ее обусловлена прежде всего тем, что, с одной стороны, она отстаивает интересы буржуазии, а с другой — вынуждена обращаться с демагогическими лозунгами к трудящимся массам.

Наиболее глубокие корни эклектизма оппортунистической идеологии заключаются в двойственном социально-классовом положении мелкобуржуазных слоев, интересы которых она отражает. Немалую роль играет процесс пролетаризации промежуточных слоев, в частности интеллигенции. Этот процесс не носит фронтального и непрерывного характера, он неравномерен в отношении различных слоев интеллигенции, и это находит отражение в эклектизме общественного сознания промежуточных слоев. Например, представители сравнительно низкооплачиваемых слоев интеллигенции, сознавая свое зыбкое материальное положение, могут выражать недовольство своим положением и солидаризироваться с левыми силами, выступающими за повышение уровня жизни рабочего класса, однако при этом они в целом могут

придерживаться традиционного стереотипа о своем якобы привилегированном статусе.

Чтобы лучше понять эклектизм массового сознания, необходимо учитывать также усиление противоречивости между различными сферами жизнедеятельности личности, резкую их смену или близкое соприкосновение. Например, усиление господства буржуазного общества над личностью, ее фактическое порабощение — и индивидуалистическое понимание свободы; расширение возможностей выбора деятельности в сфере быта — и подчиненное, угнетенное положение трудящихся на производстве; усиление экономической независимости женщин — и сохранение патриархальных пережитков в семье и дискриминационных ограничений в общественной жизни; увеличение политической, социальной роли молодежи — и ее экономическая зависимость от родителей и т. д. Эти факты обусловливают склонность к беспринципному объединению в общественном и индивидуальном сознании противоречивых идей и взглядов.

В политической дезориентации масс немалая роль принадлежит и буржуазному идейному плюрализму. Известно, что в буржуазной философии[108], социологии, политологии, эстетике, политэкономии[109] существуют десятки соперничающих друг с другом идейных течений и школ. Конечно, наличие множества концепций по одним и тем же вопросам, выступающих в виде «законченных», «зрелых теорий», не позволяет массам людей, не имеющих специальной подготовки, разобраться в их истинности. Несведущим людям каждая из существующих социально-философских концепций может показаться достаточно убедительной, и вполне вероятно, что многие остановят свой выбор на первой, случайно подвернувшейся. Еще более вероятно, что многообразие концепций приведет многих в состояние полной растерянности[110]. Человек, потерявший способность ориентации, становится легкой добычей буржуазной пропаганды. Он предрасположен к внешнему манипулирующему воздействию, внушению, склонен к крайне упрощенным и односторонним

---

[108] См. *Семенов В. С* Капитализм и классы. М., 1969, с. 49.

[109] См. *Афанасьев В. Л.* Буржуазная экономическая мысль 30—70-х годов XX века. М., 1976, с. 324.

[110] В 1978 г. 72% опрошенных американцев признали, что не могут понять, что происходит в политике (*Попов Н. П.* Политизация массового сознания в США, с. 64).

объяснениям сложных общественных явлений, что также способствует плюрализации массового сознания.

Таким образом, идейный плюрализм имеет в основном те же истоки и классово-функциональный смысл, что и другие его разновидности — экономический, социальный и политический.

Свобода в духовной области, как и в других сферах общественной жизни, при капитализме классово ограничена. Абстрактная модель «идейного плюрализма», которую буржуазные идеологи объявляют непререкаемым эталоном, не имеет ничего общего с повседневной действительностью капиталистического общества, ибо эта действительность решительно расходится с основными постулатами концепции «идейного плюрализма».

Во-первых, и по своему содержанию, и с точки зрения исторической перспективы марксистская и буржуазная идеологии не являются равноценными. Буржуазная идеология ненаучна и реакционна по своей сущности. Марксизм-ленинизм — это научная, прогрессивная идеология, которой принадлежит будущее. Поэтому борьба между ними не может закончиться компромиссом, а лишь полной победой марксистско-ленинской идеологии[111].

Во-вторых, в условиях капитализма постоянно нарушается такое «правило игры», как равенство условий соперничества «партнеров». В капиталистическом обществе возможности буржуазной и марксистской идеологии несопоставимы. Здесь вся система экономических и политических отношений предопределяет преобладание идеологии господствующего класса и подавление идеологии трудящихся. Наряду с экономическими и политическими средствами буржуазия нередко прибегает и к правовым методам ограничения идеологической деятельности коммунистических партий. «При всем внешнем разнообразии правовых систем регулирования (деятельности органов массовой информации.— *В. И.*) они либо полностью исключают возможность использовать радио и телевидение прогрессивными силами, либо сводят эти возможности к минимуму»[112]. Например, в США прямо запрещено

---

[111] См. *Кожаров А.* Монизм и плюрализм в идеологии и политике. М., 1978, с. 59—61.

[112] *Энтин В. Л.* Правовой механизм ограничения печати в капиталистических странах.— Советское государство и право, 1979, № 12, с. 87.

предоставление лицензий на радио и телевидение Коммунистической партии США и связанным с нею организациям.

В-третьих, здесь нарушается и требование нейтралитета государства. Сегодня стало еще более ясно, что основная функция буржуазного государства не сводится только к физическому подавлению сопротивления эксплуатируемых, а включает и идеологическое подавление (то, что В. И. Ленин назвал функцией «попа») [113].

Огромное количество и разнообразие буржуазных концепций говорит не о подлинном богатстве духовной жизни, а лишь создает иллюзию такого богатства. Односторонность и ограниченность каждой из буржуазных концепций обедняет и извращает картину реальности. В итоге получается не духовное богатство, а идейный разброд, маскирующий неспособность проникнуть в сущность исследуемых явлений и выработать целостную научную теорию общественного развития. Буржуазные идеологи любят порассуждать о том, что идейный плюрализм гарантирует свободу слова, мнений, дискуссий, что «в споре рождается истина» [114] и т. д., но они «забывают», что истина рождается только в таком споре, когда спорящие заинтересованы в выяснении истины. Но если они преследуют корыстные классовые цели, истине приходится отступать. Шансы «рождения истины» становятся особенно малыми, когда в спор вступают монополии. «Продуктом... концентрации могущества (в области средств массовой информации.— *В. И.*) является то, что и следует ожидать от капиталистической монополии: низкое качество продукта, высокие цены и довольно кругленькая сумма прибыли для нескольких удачливых собственников» [115].

Историческая истина может рождаться только в классовой, в том числе идеологической, борьбе за передовые идеалы человечества, отражающие интересы рабочего класса — самого прогрессивного класса современности.

---

[113] См. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.
[114] *Debbash Ch.* L'Etat civilise le powoir sauvase, p. 131.
[115] Цит. по: *Беглов С.* Монополия слова, с. 396.

Заключение

Буржуазный плюрализм весьма многолик. Однако разнообразие его обликов в конечном счете отражает господство частной собственности во всей системе общественных отношений.

Согласно мнению плюралистов, частная собственность является главной гарантией свободы личности и «экономической демократии». В историческом плане смена феодализма капитализмом сопровождалась расширением личной свободы. Однако для трудящихся она обернулась свободой от средств производства, свободой выбирать работодателя. Она явилась гарантией эксплуататорских отношений, свободы буржуа эксплуатировать наемный труд.

Не является частная собственность и гарантией «экономической демократии». Как известно, мелкие и средние предприятия численно преобладают в экономике развитых капиталистических стран, но только численно. Сумма продаж крупнейших корпораций превышает стоимость годового общественного продукта большинства стран мира. Годовой бюджет только службы безопасности «Дженерал моторс» превосходит бюджет службы безопасности Франции. И вырастают эти гиганты именно из «экономического плюрализма».

Большинство плюралистов сегодня открыто отказываются от социального равенства. «Тот, кто стремится к обществу свободы, должен примириться с общественным неравенством» [1],— утверждают они. Равенство они признают только как формальное равноправие, «под маской которого... скрывается узаконенное неравенство и сохраняются крайние социальные привилегии» [2].

Аналогично обстоит дело и с «группами давления». Например, организации мелких бизнесменов нередко

---

[1] *Kohl H.* Zwischen Ideologie und Pragmatismus. Aspecte und Aussichten zur Grundfragen der Politik, S. 17.

[2] *Pross H.* Kapitalismus und Democratie, S. 17.

развивают весьма бурную активность, привлекая большое внимание публики. «А крупные фирмы... не привлекают никакого внимания, однако добиваются очень многого»[3]. В более общей форме эта истина западными идеологами выражается так: «Комбинированная рыночная экономика и политический плюрализм затрудняют перераспределение благ... Система, гарантирующая различным группам конституционное право организовываться с целью защиты своих интересов, почти наверняка дает преимущества привилегированным. Соперничество будет неравным»[4].

Конечно, в подобных случаях выручает «надклассовое государство», «независимое от экономических интересов» и являющееся эталоном «чистой демократии». Однако, как вынуждены порой признавать сами плюралисты, «в обществе, где экономическая деятельность строго подчинена чисто денежным мотивам, господство этих мотивов в отношениях между хозяйствующей фирмой и государством представляется нормальным... Если общество одобряет и восхваляет делание денег как высшую социальную задачу, то государственные служащие часто считают естественным, что они продают себя или свои решения по цене, приемлемой для покупателя»[5].

Монополии щедро оплачивают своих «политических акционеров». Например, «политические взносы» компании «Галф ойл» за 10—14 лет, с 1960 по 1974 г., составили более 12 млн. долл., «Локхид» за 1970—1975 гг.— 22 млн. долл. и т. д.[6] Можно ли предположить, что в этих условиях «независимое государство» будет проводить решительную антитрестовскую политику? Оказывается, можно... если за монополии выдать рабочие организации. Так, в США с 1890 по 1958 г. по антитрестовскому законодательству было осуждено 206 человек; большинство из них — члены рабочих союзов, и только несколько бизнесменов. Конечно, столь же вероятно, чтобы государственные чиновники, закончив «войну» с монополиями, занимали кресла управляющих этими монополиями, для того чтобы совершать «революцию управляющих...».

---

[3] *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества, с. 81.
[4] *Parkin F.* Class Juegualitv and political Order. L., 1976, p. 181.
[5] *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество, с. 353.
[6] См. *Надель С. Н.* Современный капитализм и средние слои, с. 34.

Таким образом, усиление концентрации экономической и политической власти в руках монополий капитализма неизбежно приводит к углублению кризиса буржуазной демократии. Однако, выхолащивая суть демократии, буржуазия в целях маскировки вместе с тем не нарушает ее устоявшуюся форму. В этих условиях идеологическая функция теорий равновесия и плюрализма состоит в том, чтобы затушевать этот процесс концентрации власти под эгидой противоположной ее формы — диффузии, т. е. фактически чтобы служить дымовой завесой этой концентрации». И до тех пор, пока соотношение сил не даст возможности прибегнуть к открытой террористической диктатуре, апологеты монополий, консерваторы наряду с критикой некоторых аспектов идеологии плюрализма, усилением крена в сторону утверждения «закона», «порядка», «национального единства» и ограничения демократических прав масс заинтересованы в использовании некоторых лозунгов плюрализма в качестве такой «дымовой завесы». Поэтому, например, отказ от усиления государственного влияния на экономику порой трактуется как возврат к классическому либерализму в сфере экономики; ограничение социальных функций государства преподносится как последовательная реализация принципа «опоры на собственные силы»; выступления против социального равенства «уравновешиваются» усиленной демагогией о «свободе личности».

Буржуазный плюрализм как одно из направлений идеологии империализма лишен будущего. Однако было бы неверно думать, что концепции буржуазного плюрализма быстро сойдут со сцены, ибо за ними стоят прежде всего монополистический капитал, заинтересованный в поддержании видимости «свободной игры социальных и политических сил», часть мелкой и средней буржуазии, поддающаяся плюралистической демагогии в силу того, что она мечтает о возврате к эпохе капитализма свободной конкуренции. Кроме того, разложение социализма с помощью пропаганды — концепция плюрализма, важнейшее направление тактики современного антикоммунизма. Поэтому разоблачение буржуазных концепций плюрализма является одним из важных условий создания единого фронта трудящихся в их борьбе за свободу, независимость и социализм.

Содержание

Виктор Иванович Ильин

БУРЖУАЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ: ИСТОКИ
И КЛАССОВЫЙ СМЫСЛ

ИБ № 2091

Заведующая редакцией **В. Е. Викторова**
Редактор **В. Г. Глухов**
Младшие редакторы **Г. А. Диковская, О. А. Рябченко**
Оформление художника **В. П. Григорьева**
Художественный редактор **Т. В. Иваншина**
Технический редактор **Т. В. Елманова**
Корректор **З. В. Одина**

Сдано в набор 23.08.82. Подписано в печать 30.12.82. А01220. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 10,5. Учетно-издательских листов 11,15. 10,83 усл. кр.-отт. Тираж 8 000 экз. Заказ № 1181. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Набрано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Отпечатано в Московской типографии № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7

1 р. 10 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА